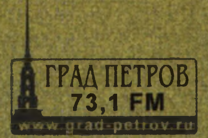
ТРИ ГОЛОСА УТРАЧЕННОЙ СТРАНЫ

Барон Дистерло
Корнет Станиславский
Солдат Хабаров

Страницы воспоминаний, писем, дневников



ТРИ ГОЛОСА УТРАЧЕННОЙ СТРАНЫ

Барон Дистерло
Корнет Станиславский
Солдат Хабаров

Страницы воспоминаний, писем, дневников



Санкт-Петербург
Радио «Град Петров»
2015

УДК 94(470+571)(093.3)(082)
ББК 63.3(2)5я43
Т67
Три голоса утраченной страны : [сборник : воспоминания, дневники, письма барона Дистерло, корнета Станиславского, солдата Хабарова / авт.-сост.: Л.Д. Зотова] . – Санкт-Петербург : Радио «Град Петров», 2015.

ISBN 978_5_9904456_2_8
I. Зотова, Людмила Дмитриевна (радиожурналист), сост.

В сборнике «Три голоса утраченной страны» собраны уникальные документы. Это воспоминания, письма и дневники трёх современников, представителей разных социальных слоёв российского общества начала XX века: петербургского правоведа барона Дистерло, корнета Петровского кадетского корпуса Станиславского, рядового солдата Первой мировой, ярославского крестьянина Хабарова. Все документы предоставлены родственниками этих трёх авторов, ранее не издавались и представляют большую ценность для всех, кого интересует подлинная, непридуманная, история нашей страны.



В этой книге соединены три очерка, написанные тремя участниками войны 1914 г. и революции 1917 г., судьбы которых были сломаны вместе с крушением России и возникновением СССР.

Первый очерк принадлежит барону Юрию Романовичу Дистерло. Это его воспоминания об Императорском Училище правоведения, которое он окончил уже во время войны, в 1916 году. Училище воспитывало с детства будущих государственных деятелей императорской России.

Второй очерк – краткий дневник молодого кадета Петровского Полтавского кадетского корпуса Владимира Ивановича Станиславского. В этом корпусе в течение многих лет, до 1919 года, законоучителем был известный священник – протоиерей Сергий Четвериков. Станиславский ушёл добровольцем ещё совсем юным. Ему пришлось покинуть Россию вместе с эвакуацией генерала Врангеля. Дневник содержит записи со дня поступления семнадцатилетнего Станиславского в Кадетскую роту в октябре 1919 г. до августа 1926 г., когда он поселился в Париже.

Во второй части очерка приводятся письма Станиславского к жене с марта 1940 г., когда он поступил в Иностранный Легион сражаться с немцами, защищая приютившую его Францию, до 9-го июня 1940 г., когда он был убит в сражении. В очерке приводятся также и его стихи.

Третий очерк – дневник рядового солдата Николая Дмитриевича Хабарова, мобилизованного зимой 1915-1916 гг. из родной ему ярославской деревни. После военной подготовки в Петергофе он был отправлен на фронт в сентябре 1916 г. Мы читаем, в каких тяжёлых условиях день за днём приходилось воевать солдату: в окопах, в холоде, в грязи или в тяжкой жаре летом. От этих записей веет непосредственностью, крепкой верой и подвигом простого русского человека, напоминающего в чём-то Платона Каратаева из романа "Война и мир" Толстого.

Подбор реальных, ранее не издававшихся воспоминаний представителей разных социальных слоев, переживших одни и те же роковые для России события, делает книгу не только интересной, но и важной с точки зрения исторической подлинности.

Протопресвитер Борис Бобринский

Елена Юрьевна Бобринская, урожденная Дистерло

Ю. Р. Дистерло. Страницы воспоминаний

Прежде чем познакомиться с мемуарами барона Юрия Романовича Дистерло, вспомним в нескольких словах об авторе и Училище правоведения, личные воспоминания о котором здесь приводятся. Старинный русский род баронов Дистерло происходит из герцогства Юлихского. Теннис фон Дистерло (Von Dusterlöhe) переселился в Курляндию около 1550 года. Георг-Христофор Дистерло был ловчим великого князя литовского. Его внук Петр, будучи полковником, командиром полка, погиб в сражении с Казы-Муллой.

Отец автора воспоминаний – барон Роман Александрович Дистерло (1859 – 1919 гг.). Окончив Санкт-Петербургский университет по юридическому факультету со степенью кандидата, он некоторое время читал законоведение в Горном институте, был членом окружного суда в Риге. Интересная деталь его биографии: при обыске 10 февраля 1880 года, произведенном по распоряжению Петербургского градоначальника, у него были обнаружены черновые заметки «О русском социализме», за что его арестовали, но вскоре освободили и закрыли дело. С 1886 года он служил по Министерству юстиции и на судебных должностях, позже – в Государственной канцелярии. В 1912 году его назначили сенатором, а в 1914 году – присутствующим членом Государственного совета с оставлением в звании сенатора. В верхней палате он принадлежал к группе правых. В августе 1915 от Государственного совета он был избран членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов. С середины 80-х годов XIX века Р. А. Дистерло писал критические статьи в «Неделе», «Русском обозрении» и других изданиях. Наиболее известен его труд «Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист». Барон Роман Александрович Дистерло умер от сыпного тифа в Петрограде в 1919 году.

Автор помещенных здесь воспоминаний, барон Юрий Романович Дистерло, родился 22 июня 1895 года в Петергофе. Он окончил Училище

правоведения (77 выпуск, 16 января 1916 года) и ускоренные офицерские курсы Пажеского корпуса, после чего 1 февраля 1916 года был произведен в прапорщики лейб-гвардии Преображенского полка. Осенью того же года Ю. Р. Дистерло попал на фронт. Ему выпало участвовать в последнем кровопролитном бою под Мшанами 7 июля 1917 года, где Петровская бригада (преображенцы и семёновцы), несмотря на отказ от боя других полков, одна задержала немецкое наступление на 24 часа, чем спасли остаток армии от полного разгрома. После этого боя командир генерал Кутепов расформировал полк. Юрий Дистерло, контуженный в этом бою, был отправлен в Казань, где его арестовали за ношение офицерских погон царской армии. Пробыв в тюрьме три месяца, он чудом избежал расстрела благодаря внезапному появленияю в городе чешских войск. В годы Гражданской войны Юрий Дистерло был дежурным офицером при генерале Ю. Д. Романовском, работал во Владивостоке в созданном Колчаком представительстве Российской военной миссии, дослужился до звания штабс-капитана лейб-гвардии Преображенского полка.

С 1920 года барон Юрий Дистерло находился в эмиграции в Харбине, где работал в юридическом бюро, затем в Ницце, позднее в Париже. Здесь он окончил Институт высших наук по французской литературе и культуре. Во Франции проявились его литературные способности, унаследованные от отца. Он активно занимался литературной деятельностью, пропагандой творчества русских писателей, на франко-русских вечерах читал произведения русских авторов в переводе на французский. В 1938 году Юрий Романович выступил с докладом об адмирале Колчаке в Кружке молодежи по изучению русской культуры. Не оставлял он и политической деятельности: участвовал в движении младороссов, был политическим руководителем «очага» в Ницце. В Париже его приняли в правление Общества ревнителей русской военной старины, а также в правление Союза русских дворян, в котором в 1970-1975 гг. он занимал должность Управляющего делами Союза. Воспоминания и исторические очерки, стихи и очерки о России Юрия Дистерло публиковались в журналах «Возрождение» и «Союз дворян». Жизненный путь Юрия Романовича Дистерло закончился 6 марта 1975 года в Париже. Он, как и большинство представителей русской эмиграции, похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

***

Императорское Училище правоведения, которому посвящены представленные здесь воспоминания, было основано по указу Николая

I, по идее и на средства принца Петра Георгиевича Ольденбургского, 23-летнего племянника императора Николая I, для подготовки хорошо образованных, преданных своему делу людей.

Петр Георгиевич приобрел старинный барский дом на набережной реки Фонтанки (дом № 6) у наследников тайного советника И. И. Неплюева и поручил архитектору В. П. Стасову работы по переустройству здания. 5 декабря 1835 года состоялось торжественное открытие Училища правоведения, первым попечителем которого стал П. Г. Ольденбургский. Сюда могли поступать юноши от двенадцати до семнадцати лет. Принц не щадил ни личных средств, ни сил, чтобы образцово обставить Училище, с самого начала личным примером утвердив своих питомцев в истинах христианского учения и привив им высокое понимание гражданского долга, чувства правды и преданности Престолу. Большое внимание уделялось нравственному и творческому развитию личности, благодаря чему из стен Училища вышли не только крупные государственные деятели, но и выдающиеся деятели русской культуры.

Свое внимание и заботу об Училище проявляли члены царской фамилии, министры юстиции и многие видные государственные чиновники. Высокая профессиональная подготовка правоведов считалась делом государственной важности. Училище правоведения просуществовало 80 лет, оставив яркий след в истории русского права, русской науки, русской культуры. 18 июня 1918 года решением Комиссариата народного просвещения Училище ликвидировали, а его здание на набережной Фонтанки передали Агрономическому институту. В советское время многие выпускники, оставшиеся в России, были репрессированы по сфабрикованному «делу лицеистов». Правоведы, оказавшиеся в изгнании, достойно сберегли память об Училище и его традициях.

***

Мы предлагаем вашему вниманию ранее не публиковавшиеся полностью воспоминания Юрия Дистерло о годах, проведенных в стенах Императорского Училища правоведения. Со слов дочери автора, Елены Юрьевны Бобринской, урожденной Дистерло, первая часть воспоминаний выходила в №№ 9 и 10 рукописного Бюллетеня Союза Дворян. В тексте воспоминаний сохранены стилистические особенности автора. Материал из семейного архива любезно предоставлен Еленой Юрьевной Бобринской.

Биография Барона Юрия Романовича Дистерло, написанная его дочерью Еленой Юрьевной Бобринской

Мой отец, Юрий Романович Дистерло родился 22-го июня 1895 года в Петергофе. Отец его, Роман Александрович Дистерло, был членом Государственного совета и Сената, а также и литературным критиком. Мать его, Надежда Львовна, урожденная Толстая, была родом из Казани.

Род Дистерло – старинный остзейский род; имеется его генеалогия с XV века.

Юрий поступил в Училище правоведения государственным стипендиатом. Он хорошо учился и был любим своими товарищами. Заканчивать Училище ему пришлось в военном 1916-м году. В это же время он был записан в Пажеский корпус на ускоренные офицерские курсы. В сентябре 1916 года Юрий Дистерло ушёл на фронт и провоевал офицером Преображенского полка до июля 1917 года, когда он был контужен во время одного из самых кровопролитных сражений, которые перенёс Преображенский полк за все годы своего существования. Молодой офицер уехал на поправку в Казань к своей матери, но на фронт он уже не вернулся: Преображенский полк в это время фактически перестал существовать, будучи формально распущен в декабре 1917 года последним командиром полка генералом Кутеповым.

В Казани в начале 1918 года мой отец был арестован и посажен в тюрьму местной ЧК. Он пробыл в тюрьме 3 месяца. От расстрела его спасло чудо: в это время Казань внезапно заняла чешская армия, и его расстрелять не успели. Из Казани отец ушёл в Добровольческую армию и стал адъютантом генерала Романовского, которому было поручено подготовлять адмиралу Колчаку его приезд в Сибирь. Таким образом, отец оказался во Владивостоке, откуда эмигрировал в Харбин. В Харбине он пробыл до конца 1921 года, затем перебрался в Константинополь, где женился на Ольге Димитриевне Пестржецкой, подруге его молодости.

После разных скитаний мои родители очутились во Франции в Ницце, где собралась многочисленная русская колония. В Ницце эмигрантская жизнь била ключом. Жили все очень бедно, но величественный собор святителя Николая собирал всех. Была открыта русская гимназия, где мой отец стал преподавать русскую историю. Были многочисленные кружки, литературные вечера, посвященные русской и французской литературе, исторические, политические доклады. Мой отец часто вы-

ступал лектором. Он в это время прошел университетскую подготовку, чтобы стать преподавателем французского языка вне Франции.

Но судьба решила иначе. Наступила война, Ницца опустела, поскольку она жила туризмом. Настал голод, так как юг Франции не хлебородный. Все русские стали постепенно разъезжаться, пытаясь найти работу на севере Франции, более богатом, но занятом немцами. С моей матерью и мною, девятилетней девочкой, Юрий Романович перебрался на север страны и начал работать переводчиком в разных местах Франции. Он знал отлично немецкий и французский языки. По освобождении Парижа летом 1944 года мы переехали в Париж, где друзья правоведы и преображенцы помогли ему найти работу. Тут, когда работа ему позволяла, он стал писать воспоминания и рассказы, которые публиковались в ежемесячном журнале «Возрождение».

Мой отец и моя мать были всегда жизнерадостными. Хотя жили они очень бедно, всегда всем интересовались, ездили на выставки, на доклады, на съезды РСХД, посещали достопримечательности. Они были бессребрениками. Моего отца считали миротворцем, он часто мирил поссорившихся товарищей по полку или разных друзей. Все его любили и уважали. Последние годы жизни он стал секретарем Дворянского Объединения, писал рассказы, воспоминания.

Незадолго до смерти отец смог прочитать «Август 14-го» Солженицына и очень близко переживал события, описываемые в этой книге, помня разных лиц, упоминаемых автором. Он не дожил до «Августа 16-го», где Солженицын в кратком абзаце описывает его молодым офицером Преображенского полка. Скончался Юрий Дистерло 6-го Марта 1975 года среди родных, после краткой болезни, в возрасте 79 лет. Накануне кончины он просил меня прочесть ему заповеди блаженства. В одном из некрологов, ему посвященных, о нём писали, что он был рыцарем без страха и упрека. И поистине – он им был: храбрый воин, с высоким чувством чести, верный друг. Он отличался высокой культурой, его правоведское воспитание выработало в нём способность объективного суждения о событиях и о человеческих взаимоотношениях.

Юрий Романович Дистерло похоронен он на русском кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois около Парижа.

«Если судьба приведет меня с берегов Средиземного моря в родной мне город, я, вероятно, прежде всего направлюсь к стенам Училища»

Барон Юрий Романович Дистерло.
Годы пребывания в Училище правоведения (1908 – 1916 гг.)

Часть I

Я поступил в Училище в 1908 году. Училище разделялось на три части: старший курс, состоящий из трех классов, младший, имевший четыре класса, и приготовительные классы, помещавшиеся отдельно, в так называемом Малом Училище. Жизнь в нем протекала совершенно особо: все в нем имело более семейный характер и, начиная от старого дома на Сергиевской[1] с большим для Петербурга садом и кончая педагогическим и служебным персоналом, носило отпечаток старины.

У входа в низенький двухэтажный дом обыкновенно виднелась фигура старого швейцара с длинными бакенбардами, большой серебряной медалью и зелеными кантами министерства юстиции. Направо от входа была приемная, налево – квартира старшего воспитателя Сергея Николаевича Чистоткина[2]. Довольно узкая каменная лестница вела во второй этаж. Как это часто бывает в старинных домах, планировка комнат была довольно нелепая: чтобы попасть в залу, надо было пройти ряд небольших комнат, занятых громадными шкапами с книгами, обмундированием и прочим, подняться по внутренней лестнице и тогда только войти в довольно большую комнату квадратной формы, с низким потолком и развешанными между окнами портретами Царей и Цариц. Это была зала. Окна ее выходили на три стороны, а четвертая стена имела двери в классы. Другая внутренняя лестница вела в нижний этаж, где находились столовая, лазарет и откуда был выход в запущенный сад.

Во всем здании был какой-то особый запах, который бывает только в старых казенных домах. Электричества не было. Освещение было керосиновое и довольно тусклое. Зато днем комнаты были залиты солнцем, и в них было всегда очень тепло и даже уютно.

Жизнь воспитанников проходила, главным образом, в классах и в зале. За самовольный выход, шум в классе, драки воспитанники наказывались стоянием под лампой, то есть посередине залы. Воспитателей, не считая главного, было трое: француз мосье Мабиль, немец герр Моэль и англичанин мистер Самсон; все трое были уже очень немолоды. Мабиль, прослуживши в Училище более двадцати пяти лет, был несколько насмешлив, любил шутить и пугать наказаниями, потому считался самым строгим. Моэль был добряк и авторитетом не пользовался, хотя, обладая громким голосом, целый день разносил кого-нибудь из воспитанников, часто заканчивая фразой: «А теперь вы можете гулять под лампа». Самсон был сдержанный и корректный англичанин.

Чтобы несколько омолодить педагогический персонал, на время большой перемены был приглашен еще англичанин Мистер Гиббс[3]. Этому Мистеру Гиббсу пришлось сыграть историческую роль в русской жизни: он был вскоре приглашен в качестве преподавателя к Наследнику Цесаревичу, а после революции сопровождал Царскую Семью в Тобольск. Встретившись с ним после этого в Харбине, я оценил его прямую и благородную натуру. В Училище он никакой роли не играл и на наше спортивное воспитание никакого влияния не имел, тем более что был человеком слишком серьезным для той скромной роли, которая была ему предоставлена в Училище.

Я хочу подробнее остановиться на личности нашего старшего воспитателя Сергея Николаевича Чистоткина, роль которого в приготовительном и в Большом Училище была значительна. Кроме функции старшего воспитателя, он занимал еще две должности – преподавателя истории и секретаря конференции. Энергичный, умный, представительный, еще молодой – ему было лет сорок – он являлся представителем типа выдающегося русского интеллигента, я скажу больше – выдающегося педагога. Как преподаватель он был слабее, так как, я думаю, никогда серьезно наукой не занимался. Влияние его в Училище было настолько значительно, что, несмотря на несочувствие педагогического персонала, он при двух директорах занимал исключительное положение, а в Маленьком Училище был полным хозяином. Многие видели в нем карьериста и были в значительной степени правы, что и обнаружилось особенно ясно после революции в бытность Керенского министром юстиции. Однако нужно признать, что революционный психоз вскружил голову людям и гораздо выше поставленным, и нельзя за минутную слабость отрицать заслуги долгой и полезной службы.

В старшем приготовительном классе нас было 26 человек. Самый старший был Палицын, которому было 16 лет. Самому младшему, Митрофанову[4], еще не минуло 13. Перебирая в памяти моих тогдашних товарищей, я должен сказать, что большинство из них не кончило Училища. Я думаю, что это произошло оттого, что многие из них не имели достаточного домашнего воспитания и при слабохарактерности русской натуры не могли войти в ту рамку, далеко, впрочем, не суровую, которая существовала в Училище. Самыми трудными в этом отношении были годы младшего курса, когда при переходе из детства в юношество начинает складываться характер и начинается эпоха самостоятельности.

Из всех товарищей я быстро и коротко сошелся с Вадимом Авиловым[5]. Мне кажется, что началом нашей дружбы была страсть к собиранию марок. Мой друг относился к этому занятию необыкновенно страстно, как и вообще ко всему, чем он интересовался. Нередко он заставлял меня проделывать мены марок, не совсем для меня выгодные. Я быстро разобрался в этой эксплуатации, но сперва уступал ему, а затем стал упираться, что нередко вызывало ссоры, впрочем, быстро проходившие. Деспотизм моего первого друга стал с годами развиваться и через несколько лет положил конец нашей дружбе. Случилось это, однако, не так скоро, и наши добрые отношения перешли из Маленького в Большое Училище, где постепенно стали только охлаждаться.

Занятия в Училище кончались в 4 часа. Так как мы оба были приходящими и жили близко друг от друга, то мы возвращались вместе, и тут начинались наши нескончаемые разговоры. Действительно, с Авиловым можно было поговорить. Он был очень развит и начитан для своих лет. Его блестящие способности соединялись с жаждой знаний. То он увлекался историей, изучал по серьезным источникам эпоху величия Римского понтификата, то его начинала тянуть астрономия, порой он все свободное время проводил за переплетением книг, которые, кстати, всегда были у него в плохом состоянии. Иногда несколько увлечений шли параллельно, но, большей частью, он говорил исключительно о занимавшем его предмете. Мне лично такая страсть была чужда, у меня всегда было больше врожденной уравновешенности и даже гибкости, отчего я легче сходился с другими товарищами.

Особенно ярко вспоминается мне время наших религиозных разговоров и споров. Авилов очень рано сделался атеистом и со свойственной ему страстностью любил доказывать небытие Божие, основываясь на плохо усвоенных мыслях прочитанных им книг. Несмотря на большую эрудицию в религиозных вопросах,

он никогда не поколебал во мне веры, а вместе с тем заставил меня больше заинтересоваться религиозными вопросами. Другие товарищи с некоторой иронией относились к нашим спорам, и Авилов при них замолкал. Второй вопрос, который мы постоянно дебатировали, был вопрос о самоубийстве. Авилов доказывал, что оно – естественный выход для человека, разочаровавшегося в жизни. Я был тогда очень далек от подобных настроений и считал, что существует высший долг переносить испытания, а не уклоняться от жизненной борьбы. Странно то, что самоубийство неоднократно приходило в голову Авилова, что, будучи на старшем курсе, он пытался покончить с собой, а через год после окончания Училища он застрелился без видимой причины, как бы подтверждая этим актом свои юношеские теории. Если существует прирожденный тип самоубийц, то Авилов, безусловно, принадлежал к нему. Мне придется еще говорить о нем в своих записках, а теперь вернусь к жизни в Маленьком Училище.

В каждом классе всегда бывают и будут свои козлы отпущения. В нашем таковым являлся долговязый, болезненный и очень вялый князь Касаткин-Ростовский, прозванный «цаплей». Ему устраивали всякие каверзы: подсыпали мел в чернильницу, награждали подзатыльниками, писали на спине его «цапля». Сам Касаткин был добрейшее существо и, несмотря на извод, ко всем относился хорошо. Я не был достаточно сильным и авторитетным в классе, чтобы препятствовать этому изводу, но был всецело на стороне жертвы. Он оценил мое хорошее к нему отношение и очень ко мне привязался. Другим объектом для извода был толстый, неуклюжий и весьма обидчивый Ошанин[6]. Его прозвали «репой» и изводили, спрашивая: «Репа, а твой отец очень богат?» Он сам из какого-то хвастовства рассказывал о средствах отца и теперь жестоко за это платился. Обыкновенно он долго отмалчивался, а затем обращался к изводившему и, как бы желая его уничтожить, говорил: «Подлец!», что вызывало общий взрыв хохота.

В Царские дни воспитанникам присылались билеты на спектакли в Императорские театры. Больше всего охотников было на представления Мариинского театра, и из-за билетов происходили ссоры. В юные годы попасть в оперу было еще событием. В эти дни вся зала была наполнена молодежью: в ложах институтки, а в партерах ряды пажей, лицеистов и правоведов, в наших черных с серебром и золотом мундирах. Воспитанники приготовительных классов чувствовали себя несколько растерянными, так как надо было здороваться со всеми старшими, в антрактах полагалось стоять, и за всем этим зорко следили. С другой стороны, наши

педагоги, преследуя фатовство, запрещали носить крахмальные воротнички и лакированные ботинки. Нарушавшие это карались оставлением без отпуска на следующую субботу и воскресенье. Другими нарушениями порядка считалось захождение в кондитерские и особенно катанье на лихачах. За последний проступок двое из моих товарищей чуть не были исключены из Училища.

Большой интерес среди нашего класса вызвало приглашение на бал к министру юстиции. Министром был И. Г. Щегловитов[7], сам бывший правовед. Его дочь была нашей сверстницей, и когда у Щегловитовых устраивались вечера, то всегда приглашались танцующие молодые люди из нескольких классов. Помню, что мы очень веселились на этом балу, и на следующий день среди попавших на него были бесконечные разговоры, а непопавшие принимали равнодушно-презрительный вид. Со дня этого бала началась моя дружба с Олегом Митрофановым. Вот как это случилось. Митрофанов был также выбран для присутствия на описанном вечере. Однако он не приехал. Моя мать, всегда внимательно относившаяся к моим товарищам, позвонила на другой день по телефону к его родителям, чтобы узнать, не заболел ли он. Оказалось, что действительно расхворался, и его мать была очень тронута вниманием. Я получил разрешение навестить Митрофанова и, таким образом, первый раз попал к ним в дом. Это было началом моей многолетней дружбы с Олегом Митрофановым, которая и в умственном, и в душевном отношении дала мне очень много и закончилась смертью его на полях сражения под Тернополем, произошедшей почти на моих глазах. По странной игре судьбы Митрофанов был убит в одном переходе от своего имения и перед окончательным оставлением нашей армией Восточной Галиции, о присоединении которой постоянно мечтала вся его семья, проникнутая славянской идеей...

Приближалась весна, а с ней и эпоха экзаменов. За зиму я успел привыкнуть и полюбить Училище. Между тем, мои родители поставили мне условием для продолжения пребывания в нем выдержать конкурсный экзамен на казенную вакацию. Экзамены у меня прошли хорошо, и я действительно попал на казенный счет и получил даже какую-то награду. Первым выдержал экзамен Митрофанов, который таковым и оставался до окончания курса, вторым был Авилов, а я третьим. Несколько человек осталось на второй год, а с Касаткиным-Ростовским нам пришлось расстаться. Он не выдержал переэкзаменовки, а на третий год оставаться было нельзя. Я уже писал, как его изводили в Училище. После же его ухода многие из товарищей стали у него бывать и оценили его

мягкость, так же, как и радушие его тетки, старой княжны, которая воспитывала племянника после развода родителей. Расставаясь с Училищем, он подарил мне печать с нашим знаком, которая долго стояла на моем письменном столе.

Хочу коснуться еще одного эпизода, довольно характерного для наших настроений. Лето моя семья и я проводили за границей в одном из немецких курортов. При выезде из Петербурга обнаружилось, что в одном с нами поезде едет воспитанник 5-го класса Колчановский. Я несколько раз встречал его на станциях и разговаривал с ним. Когда мы переехали границу и вышли для таможенного осмотра на станции Эйдкунен, я снова встретился с ним и увидал, что он уже в штатском. Между тем мои родители настояли, чтобы я не менял правоведской куртки на легкий матросский костюм, так как было еще довольно холодно. Колчановский отозвал меня в сторону и на платформе Прусской границы расцукал меня за ношение формы за границей, сказав напоследок, что меня могут принять за garcon liftier[8], что показалось мне весьма обидным. Впрочем, я гораздо больше негодовал на мою тетку, не позволившую мне надеть штатское. Любопытно отметить, что Колчановский, столь ревностно отстаивавший тогда училищные традиции, теперь занимает у большевиков пост посланника в новообразованной Финляндской республике.

Я не имею способности привязываться к местам, вероятно оттого, что в зрелые годы жизнь постоянно принуждала меня менять места, не останавливаясь надолго ни в одном городе. Тем не менее, я крепко привязан к Петербургу, в котором прошла вся моя юность, и надежда когда-нибудь снова его увидеть, меня не покидает. Я иногда представляю себе серый пасмурный день, когда после долгих скитаний я снова увижу его постаревшие и поблекшие дома и опустевшие улицы. Если этот день когда-нибудь настанет, если судьба приведет меня с берегов Средиземного моря в родной мне город, я, вероятно, прежде всего направлюсь к стенам Училища, войду в большой подъезд, выходящий на Фонтанку, и когда за мной закроется дверь, рой дорогих, сейчас полузабытых воспоминаний поднимется в моей душе. Вот тут в красной ливрее с орлами, бывало, стоял швейцар Ваганов, здесь возвышался бюст покойного принца, основателя Училища, там, на давно несуществующих вешалках, висели наши форменные пальто и лежали треуголки. Я поднимусь по одной из широких лестниц и попаду в церковный коридор, который, особенно в вечернее время, слабо освещенный одной электрической лампой, навевал на меня какое-то таинственное настроение. Я войду в зал младшего курса с его

высокими колоннами, большими стеклянными дверями, пройду по нему до конца, заверну налево в Белый зал, загляну в музыкалки... Я постараюсь не замечать всего опустошения, но с сердечным трепетом буду останавливаться на том, что осталось, что уцелело после этих долгих лет. Мне кажется, что в этой обстановке яснее встанут передо мной лица друзей, товарищей и педагогов – всех, кто в эти невозвратные годы жил одной общей жизнью.

Как многих уже нет, и как понятными становятся теперь стихи Апухтина:

«И мнится, что в этот торжественный час
Разверзлась их сень гробовая
Их милые лица приветствуют нас,
Незримо над нами витая».[9]

Но пора вернуться к воспоминаниям. Переход в 7-й класс ставил нас из положения старших в приготовительных классах в положение младших в Большом Училище. В первый же день нам пришлось познакомиться с этим положением. К нам сейчас же явилась депутация от 4-го класса. Все встали навытяжку и стоя слушали указание старших воспитанников. От нас требовали полного подчинения дежурному воспитаннику 4-го класса, вменялось строгое внимание в отдании чести старшим и в вопросе ношения формы. Запрещалось посещение ресторанов и некоторых театров и т.п. После ухода депутации 4-го класса, пришла таковая от 6-го, который считался как бы непосредственно обязанным следить за нашим поведением и сделать из нас настоящих правоведов. Тут явились запрещения другого рода: запрещалось выходить в залу хотя бы с одной расстегнутой пуговицей, держаться за перила, сходя по лестнице, требовалось испрашивать разрешения, чтобы пройти мимо дортуара 6-го класса, причем надо было спрашивать каждого воспитанника в отдельности. Любой из них, под предлогом, что его недостаточно отчетливо спросили, возвращал нас иногда по четыре-пять раз. На каждое требование старшего воспитанника нужно было ему являться, то есть представляться, нужно было заучивать наизусть целые фразы, лишенные смысла. Мало того, надо было писать сочинения в две или три страницы на самые фантастические темы. За неисполнение этих требований ставили под колонну на время перемен, а за проникновение в Белый зал, неотдание чести и другие крупные проступки полагалась клейка[10] на два или четыре часа в субботу. За фискальство к начальству – отлучались от класса и от курса.

Приход депутации повлек за собой клейку под колонну: одни недостаточно смирно стояли, другие будто бы улыбались, хотя нам было положительно не до смеха. Уход же ее сопровождался криками, что 7-й класс окончательно с ума сошел, совершенно обалдел и вообще распущен. Забыл упомянуть, что воспитанники, оставшиеся на второй год в 7-м классе, пользовались особыми привилегиями и назывались «майорами», так при их входе в класс мы должны были вставать, что, конечно, еще усугубляло наше положение, ибо даже оставаясь во время перемен в классе, надо было все время быть начеку.

Я остановился на этих подробностях потому, что цуканье[11] обсуждалось не только в Училище, но и в обществе, и нередко вызывало резкую критику. Однако для того, чтобы по справедливости оценить это явление, нужно коснуться его происхождения и разобраться в его проявлениях. Хотя в Училище уже с давних времен господствовал известный принцип старшинства и влияния 1-го класса, однако цукания в чистом смысле не было. Революционное движение 1905 года, сбившее с толку нашу учащуюся молодежь, имело некоторый, хотя и слабый, отголосок в Училище. Некоторыми воспитанниками 2-го класса была подана директору петиция об отмене обязательного посещения лекций, об устройстве общежитий вместо интерната и т.д. Самый факт такого прошения уже показывал, что в Училище не все благополучно, но эта выходка еще нашла поддержку в лице некоторых профессоров. Начальство не приняло сразу достаточно решительных мер, но 1-й класс резко осудил это выступление. Принц[12] решил энергично пресечь начавшееся брожение. Несколько воспитанников были исключены, в ответ на что из Училища ушли либеральные профессора и 18 воспитанников из 2-го класса. Принц одобрил действия 1-го класса и официально утвердил их права, так же, как и устав суда чести. Таким образом, как в области внешней дисциплины, так и внутреннего уклада жизни, за старшими воспитанниками были признаны обязанности следить за младшими.

В мое время этот порядок вылился уже в строго установленную систему, которая, отбрасывая некоторые крайности, имела, по-моему, много положительных сторон в эпоху, когда русская молодежь потеряла внутреннюю дисциплину и нередко впадала в распущенность. Источником власти являлся 1-й класс в его целом, который был представлен дежурным воспитанником, рапортовавшим всем членам Императорской фамилии при их посещениях, Принцу и министру юстиции при их приездах, а также ежедневно – директору. Назначался дежурный воспитанник «ге-

нералом» от фронта по очереди, а директору представлялся только список дежурных.

На его обязанности лежало поддержание внутреннего порядка, причем он пользовался правом накладывать взыскание, по училищному выражению – клеить, официально оставлять без отпуска на субботу и воскресенье, а неофициально и дольше, причем наказаниям велся штрафной журнал. Для управления отдельными отраслями нашей внутренней жизни выбирались «генералы». Кроме уже упомянутого «генерала» от фронта, было еще два «генерала» от кухни, «генерал» от музыки, «генерал» от пения, «генерал» от читалки, церемониймейстер и казначей. Наконец, выбирался председатель и секретарь классного собрания. Классное собрание собиралось по всевозможным вопросам, начиная от устройства спектакля или общего обеда и кончая товарищеским судом. Если дело было сложное, то выбиралась комиссия для подготовительного рассмотрения, но решались дела на общем собрании по большинству голосов. 1-й класс мог накладывать суровые наказания, а именно: лишать прав, отлучать от курса и даже исключать из Училища, последнее – при согласии директора. В меньшем масштабе все иписанное относилось и к 4-му классу, который распоряжался на младшем курсе.

Воспроизведенная мною система имела в моих глазах большие положительные стороны. Во-первых, она создавала общие училищные интересы и развивала солидарность. Во-вторых, она приучала нас к общественной жизни, помогала лучше узнавать и разбираться в людях и, наконец, развивала даже ораторские способности. Но главное – она создавала и поддерживала традиции, а только при их существовании крепко держится спайка и взаимная привязанность между членами какой-либо корпорации. Вот почему те, подчас странные, формы, которые принимало цукание на младшем курсе, не возбуждали негодования у младших, за редким, впрочем, исключением. Обижаться на отдельных лиц было бы возможно, но обижаться на всю систему было бы тем же, что не признавать сложившихся годами традиций или тем же, что не быть правоведом.

Остается вопрос: каким же образом относилось к нашим традициям начальство? Как могло оно терпеть такое двоевластие? На этот вопрос лучше всего ответить одним примером. Директор решил исключить – не помню уж за что – воспитанника 1-го класса Васильева. Воспитанники решили выказать ему сочувствие выносом на руках. Инспектор увидел эту демонстрацию и приказал прекратить ее. Однако приказание исполнено не было. Тогда

инспектор наложил наказание на 1-й класс и, в частности, на дежурного воспитанника Горяинова[13], не передавшего приказания. В ответ на это на классном собрании было решено отказаться от прав, то есть предоставить всем младшим воспитанникам делать все, что им было угодно. Разумеется, эта мысль нашла сочувствие во всем Училище. Электричество моментально погасло, младший курс в расстегнутых куртках, а кто и без них, ринулся в зал старшего, поднялся невероятный шум, на молитву никого нельзя было собрать, а дежурный воспитанник, сменивший Горяинова, делал вид, что ничего не видит и не слышит. Всем воспитателям вместо двух дежурных пришлось пробыть весь день на курсе, но никакого слада с расшумевшейся молодежью не было. Наконец, директор вошел в переговоры с 1-м классом. Отменил наказания, и права были торжественно приняты обратно. Васильев был, впрочем, все же удален. Этот случай является довольно характерным для обрисовки взаимоотношений между воспитанниками и начальством. Из него можно усмотреть, что существовавший в Училище уклад был до некоторой степени удобен для наших педагогов, и особенно старые воспитатели охотно с ним мирились и на многое смотрели сквозь пальцы. С новыми же бывали столкновения, бывали даже курсовые скандалы. Но под конец сложившиеся отношения брали верх, и все оставалось по-старому.

В год моего пребывания в 7-м классе цукание продолжалось недолго и оборвалось под впечатлением одного трагического обстоятельства, которое сблизило нас с 6-м классом. Среди «майоров», то есть оставшихся на второй год, был воспитанник Соболев, пользовавшийся большой любовью своего класса. Играя на дворе Училища в лапту, он сделал какое-то неловкое движение, упал и не мог подняться. Сперва подумали, что он шутит, но затем убедились, что с ним происходит что-то странное. Его понесли в лазарет, скоро он лишился сознания, обнаружились конвульсии, и положение его все время ухудшалось. На всех товарищей это произвело тяжелое впечатление, мимо лазарета проходили на носках, чтобы не потревожить больного. Через два дня Соболеву стало так плохо, что решено было прибегнуть к трепанации черепа, и его увезли в клинику Вилье[14]. Еще два дня спустя он скончался, как уверяли доктора – от туберкулеза мозга... Часто впоследствии приходилось мне идти за гробом близких друзей, но никогда я не помню, чтобы смерть производила на меня такое гнетущее впечатление. Вероятно, в юные годы обладаешь особой впечатлительностью, которая с годами, к счастью или несчастью для нас, пропадает. В данном случае я сужу не только по себе, но и по моим товарищам, которые были глубоко потрясены этой бы-

строй, трагической смертью. Все Училище провожало тело умершего до кладбища, и на некоторое время точно черная тень легла на нашу беззаботную жизнь. Этот год был вообще неудачным для Училища: кроме Соболева умерли еще два правоведа, один из них, барон Штейгер, был близким другом моего раннего детства. Он только что поступил в Училище, как схватил воспаление легких и, проболев около месяца, скончался.

Под влиянием этих событий у меня развилась какая-то мнительность: мне стало казаться, что и я скоро умру. Как назло, в феврале месяце я действительно расхворался и почти всю весну не мог посещать Училища. Из-за этого нездоровья я пропустил одно радостное событие, а именно – посещение Училища Государем Императором. Государя ждали у нас еще зимой, но затем перестали уже верить, что он приедет, когда совершенно неожиданно раздался снизу звонок, оповещавший о приезде Лиц Императорской фамилии. Рапортовать Государю имел счастье воспитанник Головин. Государь обошел все классы. У нас шел латинский урок, преподавателем которого был старый воспитатель Училища Николай Андреевич Страубе[15]. Узнав о приезде Царя, он страшно заволновался и стал спрашивать, кто может отвечать урок. Вызвался Васильев, всегда тщательно выучивавший заданное. Государь вошел в класс, взял поданную ему латинскую книгу, которая потом хранилась у нас в музее, довольно долго слушал ответ Васильева и выразил одобрение. Когда Государь уезжал, его автомобиль был окружен шумной толпой правоведов, которые без пальто и фуражек бросились за Царским автомобилем, провожая его по всей набережной до Зимнего дворца. Помню, как я был огорчен, что не был в этот день в Училище, а теперь тем более жалею, так как в другой раз нам не пришлось видеть Царя в наших стенах.

Из членов Императорской фамилии к нам ежегодно, в день нашего праздника приезжала Великая Княгиня Ольга Александровна[16]. После торжественного молебна в зале старшего курса подавался завтрак, и Великая Княгиня завтракала за столом 1-го класса. Приезжала она и на вечера, которые бывали почти каждый год, держалась всегда очень просто, часто танцуя с правоведами.

Принц Александр Петрович Ольденбургский бывал по несколько раз в год. Как сейчас помню его высокую, несколько согбенную фигуру в зале Училища. Он ходил всегда быстро и иногда неожиданно поворачивал, причем все окружавшие едва успевали расступиться, чтобы дать ему дорогу. Говорил он громко, несколько отрывисто, как говорят люди, привыкшие, чтобы их слушались. Приезды Принца сопровождались неожиданными

нововведениями в нашей жизни, в зависимости от того, чем была увлечена его кипучая, неутомимая натура. То устраивались новые котлы на кухне, то вводилась обязательная для всех воспитанников сокольская гимнастика[17], заканчивающаяся общим турниром в зале Народного дома, то устраивались упражнения полицейских собак, и все Училище строем отправлялось смотреть на это представление. Вообще приезд Принца напоминал тревогу на борту корабля: нормальное течение жизни нарушалось, и мы нередко на это ворчали, но вместе с тем, Принца очень любили. Молодежь как-то инстинктивно понимала его богатую и отзывчивую натуру на какое-то доброе начинание. Когда Принца не бывало на каком-нибудь нашем торжестве, праздник выходил не в праздник, никто не умел, подняв бокал, так торжественно провозгласить: «За здоровье Государя Императора, ура!» Какой поднимался патриотический порыв, когда после этих слов оркестр Преображенского полка начинал играть «Боже, Царя храни», а все мы подхватывали: «Сильный, Державный, царствуй на славу нам».

Эти патриотические настроения – одни из лучших воспоминаний моей жизни, и ими мы обязаны в значительной степени Принцу Александру Петровичу, сумевшему дать нам действительно патриотическое воспитание, что и обнаружилось по объявлении войны на деле. Да и сам Принц всей жизнью доказал свою глубокую преданность Престолу и России. Всегда чуждый всякой дворцовой интриге, цельный в своих убеждениях, он проявлялся там, где нужно было дело, а не слово. В громадной ли работе по эвакуации и устройству раненых, в поднятии ли благосостояния нашего Черноморского побережья – словом, в разнообразнейшей организационной работе, говорить о которой вывело бы меня слишком далеко за рамки моих записок, Принц мог явиться примером тем, кто ограничивал свою деятельность критикой. Действительно, будь у Престола больше людей, вроде нашего Принца, не явились бы распущенные по праздной болтовне слухи и пересуды власти, причинившие столько вреда нашей родине. Я даже думаю, что в присутствии Принца никто не начинал этой пагубной болтовни: одним взглядом сумел бы он остановить говорящего.

В год моего пребывания в 6-м классе праздновалось семидесятипятилетие основания Училища. Хотя юбилей был не официальный, решено было отпраздновать его очень торжественно. Мы получили отпуск на три дня. Помню, как накануне начала торжеств я получил 5 баллов по алгебре, так как, охваченный предстоящими праздниками, не приготовил урока. Это обстоятельст-

во было мне неприятно, но я решил о нем позабыть, что и удалось вполне на время торжеств. Рано утром пятого декабря мы все собрались в Училище. Лестница была устлана красным ковром и украшена пальмами. Мы все в новеньких мундирах с блестящими серебряными галунами были выстроены в зале. Принц требовал, чтобы мы были одеты в казенное платье, и поэтому в торжественные дни все собственное, даже ботинки, запрещалось. У всех чувствовалось повышенное настроение, и в ожидании начала мы перешептывались и смеялись. Наконец, послышалась команда «Смирно!», и в полной парадной форме вошел наш директор, престарелый генерал Ольдерогге[18]. Он прихрамывал и всегда ходил с палкой, будучи раненым в Турецкую кампанию. Он поздравил нас с праздником, после чего мы строем и отчеканивая шаг, пошли в церковь. Двери, отделявшие церковь от церковных коридоров, были сняты, и в них виднелись дамские шляпы, воротники придворных, гражданских и военных мундиров и слышался несколько сдерживаемый шум голосов. Началось богослужение. В торжественные дни за обедней мы всегда пели сами под управлением старого нашего регента Громова. Народа собралось несравненно больше, чем бывало ежегодно на нашем празднике. Многие из бывших правоведов съехались из провинциальных городов и деревень, чтобы присутствовать на празднике. Из своего имения приехал и старейший из них – правовед 1-го выпуска Барановский[19]. Ему было 92 года, и хотя его возили в кресле, умственно он был так бодр, что во время акта произнес довольно длинную речь.

К началу молебна прибыли Великие Князья Николай Николаевич и Петр Николаевич[20], Великая Княгиня Ольга Александровна, оба Принца Ольденбургские и молодой Герцог Лейхтенбергский[21]. Из заслуженных бывших правоведов был И. Л. Горемыкин[22], И. Я Голубев[23], И. Г. Щегловитов, Н. Н. Шрейбер[24], председатель нашей Кассы, и многие другие. После молебна состоялся торжественный акт, а затем традиционный завтрак. На следующий день был большой раут у Принца Ольденбургского, во время которого играл квартет бывших правоведов. Музыка, по заветам Чайковского, всегда была в Училище на довольно большой высоте. Из всех искусств она лучше всего преподавалась, и в мое время среди воспитанников было несколько прекрасных музыкантов. Что касалось других искусств, то они преподавались довольно посредственно. Седьмого декабря, в последний день празднования, был большой бал. Приглашенных было несколько тысяч. Мне удалось достать семь или восемь билетов для раздачи. Классы были превращены в гостиные, причем каждый курс стремился превзойти другой в убранстве своего класса, и воспитан-

ники целый день работали над убранством комнат. Когда начался съезд, то вся Сергиевская от Литейного проспекта была запружена экипажами. Народа было так много, что огромное здание Училища было переполнено, и воспитанников, которых было более трехсот человек, почти не было заметно в толпе. Я совсем не узнал Училища, полного цветов, растений, стильной мебели и фантастических гротов. Двери между залами старшего и младшего курса были сняты, между колоннами помещался оркестр, а танцы шли в обеих залах, дирижировали ими в одной зале – барон Сталь-фон-Гольстейн, а в другой – Столица. Оба впоследствии погибли на войне. Этим балом закончились торжества семидесятипятилетия.

Через два дня все стало входить в обычные рамки. Приблизительно к этой эпохе относится мое сближение с Михаилом Тулубьевым[25] и постепенное охлаждение к Авилову. Вспоминая теперь это время, я думаю, что моя новая дружба началась благодаря перемене, произошедшей во мне. Во-первых, Тулубьев был на год старше меня, и приятельские с ним отношения льстили моему тщеславию. Во-вторых, Тулубьев, как и я, любил общество. Я познакомил его с моим кружком знакомых, где в этом году уже начали давать вечера. Он сумел понравиться и привиться в этих домах. Наши успехи или неуспехи в ухаживаниях, критика какого-нибудь вечера, планы относительно следующего создавали между нами ряд особенных интересов, которыми бывают связаны двое еще очень юных, но считающих себя почти взрослыми, мальчиков.

Тулубьев набрасывал на себя некоторую разочарованность, впадал иногда в мрачное настроение, которое я считал долгом развеять. У него была несчастная любовь, чтобы заглушить которую он стал играть в карты. Это тоже меня привлекало, я сам любил «азарт», как мы называли игру. Несколько раз я тайно от родителей играл в макау[26], и тайна придавала игре особенную прелесть. Впрочем, Тулубьев особенно отговаривал меня начинать игру и сам меня никогда на карточные собрания не звал. Я думаю, что он был искренне ко мне расположен, и, во всяком случае, отношения с ним были несравненно приятнее, чем с резким, деспотичным Авиловым, который к тому же в то время избегал света и дамского общества.

Летом, при переходе моем в 5-й класс, скончался наш престарелый директор, генерал Ольдерогге. На его место был назначен инспектор Училища, генерал Захарий Васильевич Мицкевич[27], под начальством которого мы провели все годы до окончания Училища. Я теперь с хорошим чувством вспоминаю Захария Василье-

вича, но в те годы я не особенно его любил и нередко критиковал, быть может, не совсем справедливо. Действительно, Мицкевич, будучи несравненно умнее своего предшественника, не умел импонировать. С ним как-то мало считались. Как все люди, у которых ум значительно преобладает над волей, он допускал длинные разговоры в делах, требовавших одного строгого, но неизменного слова. Вероятно, он весьма дорожил своим местом и поэтому постоянно кого-нибудь опасался. Про него говорили, что он боится воспитанников, боится родителей, боится педагогов, но пуще всего боится Принца. Последнее было совершенно ясно, и бывали случаи, когда он не решался заступиться за воспитанников, всецело не разделяя какого-нибудь внезапно принятого Принцем решения. Таким примером может служить случай с 73-м выпуском, когда весь этот класс не встал при входе профессора Никольского[28]. Причиной этого были какие-то внутренние нелады, а Принцу, находившемуся тогда в Гаграх, дело было представлено как политическая выходка против правого профессора, на что последовало приказание исключить весь выпуск. Мицкевич не решился заступиться за воспитанников, виновных лишь в антидисциплинарном поступке, и только по настоянию бывших правоведов, в частности Щегловитова, этому классу было разрешено осенью держать экзамен в 1-й класс. За исключением описанной слабохарактерности, генерал Мицкевич имел много превосходных качеств. Это был человек сердечный, отзывчивый, хорошо знавший каждого правоведа, не узкий и искренно привязанный к Училищу.

На место инспектора воспитанников был назначен Сергей Александрович Гольтгоер[29]. Его высокая представительная фигура, прекрасная военная выправка и безукоризненная корректность располагали в его пользу. Однако на первых порах он, не зная традиций Училища, стремился изменить некоторые из них и этим нажил довольно много врагов. С его назначением в Училище началось более строгое направление. Из воспитанников Гольтгоера невзлюбили те, которые по характеру были склонны к некоторой распущенности. Его аккуратной, педантичной и лишенной гибкости природе они были просто непонятны, и, наоборот, такие люди принимали его тяжеловесную манеру выражаться и упрямую настойчивость за природную неспособность. За эти свойства ему дали в Училище прозвище «бетон». Мне лично Гольтгоер был симпатичен своим невозмутимым спокойствием и определенностью принятых им решений.

Инспектором классов во все время моего пребывания в Училище был Василий Иеронимович Соболевский[30]. Он же пре-

подавал нам русскую литературу, теорию словесности и логику. Молодежи трудно угодить, и в противоположность Гольтгоеру Соболевского считали человеком неискренним и даже лицемером. Я не разделял этого мнения. И действительно, несмотря на некоторую польскую льстивость, он в крупном всегда оставался верен себе, что вполне доказали события 1917-го года. Литературу он читал увлекательно, и я отлично помню, как мы с воодушевлением аплодировали ему после его лекции о Тургеневе.

Французскую литературу преподавал м. Лефрансуа[31], он читал растянуто и скучновато. Зато немец Макс Карлович Шокгоф с искренним увлечением говорил о Гете и Шиллере, и я до сих пор хорошо знаю биографии и творения немецких классиков благодаря его небольшому, но талантливому курсу. Латинский язык преподавал старый воспитатель Александр Андреевич Страубе, который был прозван нами «дядя Струй». За уроками нашей задачей было заговорить Струя, что нередко удавалось. Тогда он начинал рассказывать о старых временах в Училище, совершенно забывая о Тите Ливии. Когда же он бывал не в духе, то начинал вызывать, что было весьма неприятно, так как приличных знаний грамматики и синтаксиса почти ни у кого не было, а перевод был наскоро прочитан по подстрочнику, когда делалось известным, что «дядя Струй» в плохом настроении.

В нашем классе блестящим исключением был Лыкошин, начавший свое образование за границей и свободно переводивший всех классиков. Курьезно проследить его дальнейшую судьбу: он вышел из 4-го класса, уехал в Швейцарию, где кончил курс в одном из университетов, затем перешел в католичество и недавно сделался братом ордена Святого Иисуса.

Из других педагогов приходилось считаться с преподавателем математики Конюченко, отличавшимся большой требовательностью, а вместе и справедливостью. Зато уроки физики у Вознесенского, географии у Чевакинского и естественной истории у Лукина более развивали у нас остроумие и умение подражать учителям. К сожалению, и уроки Закона Божия, катехизации и Богослужения, преподаваемые отцом Ксенофонтом Виноградовым[32], были далеко не на высоте. Отец Ксенофонт очень торжественно совершал литургию, но мало обращал внимания на наше духовное воспитание, и я до сих пор об этом жалею. Мы механически вычитывали от строки до строки, но никакого духовного влияния со стороны отца Ксенофонта не имели.

Нашим классным воспитателем был старый француз мосье Беклер, с которым у нас сложились самые лучшие отношения. Он

горой стоял за свой класс, и когда распекал кого-нибудь из нас, неизменно заканчивал фразой: «C'est vous qui allez payer les pots cassés» («Вам придется платить за разбитые горшки» – французская поговорка). Однако на конференции он энергично заступался за провинившегося, настаивая на прибавке балла по поведению тому, кто ожидал сбавки, или прося поставить переводной балл после неудачного экзамена. На старшем курсе у нас образовались с ним просто дружеские отношения, и мы называли его не иначе как papa Beuclëre. Некоторые из моих товарищей были всецело обязаны ему в том, что кончили Училище, и мне кажется, что старик француз относился к ним с особенной нежностью.

Лето 1911-го года моя семья и я проводили за границей. Возвращаясь из Италии в сентябре, мы на русской границе узнали об убийстве П. А. Столыпина[33]. Вспоминая теперь события последних лет, я считаю, что это убийство было прелюдией к трагедии, поразившей наше отечество. В то время я еще не мог сознавать всей важности случившегося, но, тем не менее, я был глубоко поражен этим злодеянием. У меня и раньше был особенный культ Столыпина, его портрет был помещен на почетном месте в моей комнате, а несколько позже мой друг и товарищ Юрий Маклаков[34] подарил мне сборник речей Столыпина, произнесенных им в Государственной думе и Государственном совете, которым я зачитывался. К революционерам я всегда относился с отвращением, еще по детским воспоминаниям 1905-го года. Поэтому мне особенно нравились слова Столыпина, обращенные к левой части Гос<ударственной> Думы: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

В Училище, в годы моего там пребывания, политикой интересовались мало, но нас образовался небольшой кружок, который живо откликался на политические события. Центром его был мой друг Олег Митрофанов. Он вырос в Варшаве, потом много жил в имении деда своего, Евгения Федоровича Турау[35], находившемся на Волыни у самой Австрийской границы, и естественно, что борьба русского и польского начала в Западном крае, австрийские интриги в Малороссии и стремление католического духовенства к своеобразному миссионерству прошли перед его глазами и сделали из него глубокого патриота и националиста. Вся семья его жила славянскими идеями. Для них, как и для меня, Столыпин являлся кумиром, хотя они подходили к его деятельности несколько с другой стороны.

Кроме меня и Митрофанова еще один из моих друзей не менее, если не более, страстно относился к политическим вопросам.

Это был Вл. Васильев, соединявший большие знания с хрустальными душевными качествами. Однако насколько Митрофанов смотрел уверенно и смело на будущее, настолько же Васильев, выросший среди Новгородской старины, был поклонником допетровской Руси, во всем новом готов был видеть печать антихриста. В прежние времена из него бы вышел типичный старовер, со всей стойкостью и скрытым горением наших старообрядцев. Однако и в наш век религиозность вместе с известным догматизмом были его отличительными свойствами. Я помню, как мы ходили с Васильевым прикладываться к чудотворной иконе Почаевской Божией Матери, которую привозили в Петербург.

Когда мы сходились вместе, у нас начинались бесконечные русские споры. В них отражались наши стремления и характеры. Митрофанов являлся представителем мнений правых земских кругов; Васильев – старых помещичьих взглядов, так называемых зубров; а я – бюрократического Петербурга. Под влиянием Митрофанова мы стали бывать на собраниях Национального клуба[36], где выступали епископ Евлогий[37], А. А. Башмаков[38], граф Вл. Бобринский[39], член Государственной думы Никаноров и другие. Речи были направлены к возбуждению национальных чувств и касались, главным образом, Холмщины, Галиции и Прикарпатской Руси[40]. Теперь я все более и более убеждаюсь, что многое из говорившегося тогда было преувеличенным, лишним, а отчасти и вредным, так как касалось вопросов иностранной политики, до которых общественное мнение может быть допущено только после того, как правительство окончательно примет известный курс. Между тем, на этих собраниях постоянно доказывалось, что правительство недостаточно или вовсе не печется о зарубежных своих сынах галичанах, угрорусах и даже чехах, и этим развивался дух панславизма, который, несомненно, приближал нас к разрыву с центральными империями. Однако в ту эпоху я искренно сочувствовал высказываемым мыслям и мечтал о слиянии славянских ручьев с русским морем. Несколько раз были мы и в русском Собрании на лекциях Пуришкевича[41], очень мне понравившихся, а также на заседаниях съезда Объединенного Дворянства, где блистал красноречием В.И. Гурко[42]. Не знаю, принесли ли нам пользу все эти лекции и доклады, но, во всяком случае, я благодарен судьбе за то, что мне пришлось видеть и слышать многое из нашей дореволюционной жизни и что все это ярко запечатлелось в моей памяти.

Совместные посещения лекций и последующие беседы очень сблизили меня с Митрофановым. Вторым связывающим нас об-

щим интересом было искусство. Мой друг имел очень серьезные для своих лет понятия о живописи, гравюрах и старинной мебели. Изучение искусства было его любимым занятием, и он подходил к этому делу с особенной серьезностью. Даже его обычный юмор и легкий сарказм пропадали, когда он касался вопросов искусства. Мы постоянно бывали с ним на выставках, в музеях, и, конечно, ему я обязан тем, что довольно порядочно изучил художественные сокровища Петербурга.

Несколько лет подряд звал он меня к себе в имение на Волынь. Но обстоятельства всегда складывались так, что мне не удалось у него погостить, и попал я в его Белозерку только на сороковой день после его славной смерти, когда общий нам родной Преображенский полк по странной случайности был расквартирован верстах в двадцати от этого уже сильно опустошенного войной имения.

***

Воспоминания о моих ближайших друзьях отвлекли меня от училищной жизни. Спешу к ней вернуться. Наступал переход наш в 4-й класс. Я так уже сжился и полюбил Училище, что еще летом с нетерпением ждал начала занятий, когда в начале августа было получено письмо от директора с извещением, что Принц вызывает всех правоведов в Петербург для присутствия на панихиде в память столетия со дня рождения его отца, основателя и попечителя Училища[43]. Таким образом, мое желание неожиданно осуществилось. Правоведы съехались со всех концов России. Официальная часть ограничилась двумя-тремя спевками и коротенькой панихидой в Сергиевской пустыни, не носившей торжественного характера, так как чествование памяти Принца было перенесено бывшими правоведами на день основания Училища. Зато неофициальная часть прошла шумно и весело: почти вся молодежь приехала одна, без родителей, и каждый вечер мы собирались у кого-нибудь из товарищей. Квартиры, обтянутые белыми чехлами, придавали какой-то походный характер, ломберные столы раскрылись, появились закуски и бутылки, и молодое веселье било ключом. Как сейчас помню такое собрание у Эссена[44], в квартире отсутствовавшего его дяди. В гостиной раздавалось пение под аккомпанемент игры Бутовского[45], в кабинете играли в бридж и макау, всюду виднелись раскрасневшиеся лица и белые летние кителя. Многие остались до самого утра и расположились ночевать на диванах и в креслах. Днем отправлялись гурьбой к знакомым, проводившим лето в окрестностях Петербурга. Кое-кто из моих

товарищей так и не уезжал, ввиду близкого начала занятий или проигрыша в карты.

Первого сентября начались занятия. Один из моих товарищей, а именно только что упомянутый Эссен, не приехал к сроку и без уважительной причины появился лишь несколько недель спустя, за что и был лишен отпуска до 24 ноября, дня нашего церковного праздника. Между тем наступало 8 ноября – день его именин. Моя мать вспомнила это и, будучи как-то у директора, спросила, не найдет ли он возможность отменить наказание на этот день. Мицкевич согласился, и Миша Эссен провел этот день у нас. Он был страшно тронут вниманием моей матери и, вероятно, оценил его тем сильнее, что в своей семье не видел ни ласк, ни забот. Родители его развелись. Он сперва остался у отца, который скоро скоропостижно умер на его глазах, затем он вернулся к матери, которая успела вторично выйти замуж. Зимой он ходил в отпуск к тетке, сестре отца, но, я думаю, ни к той, ни к другой семье не был он привязан. Это и послужило одной из причин, почему он так быстро привязался к моей семье и стал в ней совершенно своим человеком. Почти не проходило дня, чтобы Миша не появлялся у нас – иногда забегая в училищной куртке, когда не имел отпуска; иногда за оживленной беседой засиживаясь до позднего вечера. Маленького роста, но весьма пропорциональный, аккуратный, с ярко-рыжими волосами и некрасивым, но выразительным и умным лицом, Эссен соединял так много противоречивых свойств и настолько был сложен, что даже теперь я затрудняюсь сделать его определенную характеристику. Главное, что бросалось в глаза даже при поверхностном с ним знакомстве, была поразительная даровитость его натуры, соединявшаяся с тонким умом, большой впечатлительностью и редкой способностью располагать к себе людей самых разных возрастов, характеров и взглядов. Талантливость его проявлялась не только в художественной области, но и в манерах, и в разговоре, и в разнообразных житейских делах. Он легко схватывал чужие мысли и настроения, подмечал смешное и умел чувствовать заодно с другими. В области искусства он обладал большим вкусом и выдающимися способностями и как типичный дилетант с успехом мог бы сделаться хорошим музыкантом и недюжинным художником, хотя главным образом его способности были направлены на изящную словесность. Я редко встречал кого-нибудь, кто бы так легко и образно владел пером: это сказывалось и в письмах, и в училищных сочинениях, в немногих написанных им статьях. Но главное его дарование было поэзия, и только над ней он работал, хотя стих давался ему необыкновенно легко. Первыми его стихами были элегии – легкие и

изящные, но довольно банальные. Но затем его талант стал быстро развиваться. За рядом чисто лирических стихов последовали и религиозные, и патриотические, и, наконец, символические, навеянные Блоком, Кузьминым и В. Ивановым. В нашей семье поэтические произведения Эссена нашли самый горячий отклик. К сожалению, все эти стихи, тщательно у нас собранные, остались в России и, вероятно, навсегда утеряны.

Кроме Эссена в описываемую зиму у нас стали часто бывать двое из моих одноклассников – Юрий Маклаков и Сергей Австидийский[46]. Первый прекрасно знал русскую литературу и писал недурные стихи, а второй был любителем новой поэзии и прекрасно декламировал. Я также проникся литературными интересами и даже начал писать весьма посредственные стихи и повести.

В эту же эпоху у моих родителей стал часто бывать Леонид Леонидович Татищев[47], человек уже немолодой, но пылкий и живой, как юноша. Всегда увлеченный какой-нибудь женщиной, страстный любитель лошадей и вина, он имел еще две страсти: ювелирное искусство и поэзию. Леонид Леонидович приходил обыкновенно к вечеру, и когда другие гости расходились, начинал декламировать свои стихи, имевшие достоинства неподдельного чувства и искренности. Эссен тоже вынимал свою тетрадку и читал свое последнее произведение, которое потом записывал в наш альбом. Каким бесконечно далеким кажется это время! Татищев скончался за несколько месяцев до войны, его смерть была окружена известным романтизмом, как и его жизнь. Он простудился, возвращаясь весной из Крыма, куда ездил с одной дамой, госпожой Б., в которую был влюблен. В Петербурге на его похоронах также было пролито немало женских слез... Эссен написал прекрасный некролог в его память.

Леонид Леонидович ушел из жизни незадолго до всех наших испытаний. Не все, составляющие наш кружок, сумели их выдержать. С глубокой грустью должен сказать, что Эссен, так много обещавший в будущем, под влиянием тяжелых условий жизни пошел по ложному пути. В настоящее время он находится в Константинополе в тюрьме, искупая свое падение. Великая смута неумолимо трепала наши ладьи по жизненному морю, и не у всех хватило нравственной силы, чтобы не потерять руля. Но эти же события и наша индивидуальная беспомощность бороться с ними должны научить нас не быть слишком строгими к тем, кто не сумел удержать правильного курса среди бушующего моря.

В описываемый мною год в моем классе произошло событие, доказывающее, что молодежь не склонна к такой снисходительно-

сти. У одного младшего воспитанника, Фрибеса[48], пропала новая только что купленная им треуголка. Только через неделю удалось обнаружить ее, но уже с другими инициалами. По наведенным справкам, она принадлежала воспитаннику нашего класса Д. Этот Д. поступил к нам за год перед тем. Д. вел широкий образ жизни, много выезжал, сорил деньгами и считался у нас «arbiter elegantiarum»[49]. Он был недурен собой, обладал большим апломбом и умел импонировать, хотя и не был любим в классе. Странное сходство треуголок усугублялось еще тем, что они были на черной подкладке, которая ставилась очень редко. Я помню, что Д., будучи у меня, хвастался, что поставил такую подкладку. По настоянию Фрибеса, утверждавшего, что треуголка безусловно принадлежит ему, было устроено классное собрание для разбора дела. На первом же заседании были выяснены некоторые обстоятельства, не говорившие в пользу Д. Было установлено, что незадолго перед тем Д. во время какого-то кутежа сломал конец своей треуголки, что он имел значительные долги и сидел совсем без денег. Наконец, желая оправдаться, Д. заявил, что не был в Училище в день пропажи. Однако по записям в классном журнале было выяснено, что он был в Училище, но ушел за час до выхода остальных воспитанников. Сам Д., державшийся сначала очень самоуверенно, стал путаться в своих показаниях. Тем не менее, принять какие-либо решительные меры на основании все же шатких улик, было невозможно, и, вероятно, дело было бы замято, если бы на второй день Маклаков не обнаружил на внутренней стороне клеенчатого борта едва заметную надпись «Фрибес». Этот последний подтвердил, что перед тем, как ставить монограмму, он действительно написал свою фамилию, но полагал, что она давно уже стерлась. Дело стало совершенно ясным, оставалось только решить судьбу виновного. В защиту Д. выступил Хлебников[50], считавший, что достаточно его отлучить от курса. Однако возобладало противоположное мнение, и к отцу Д. была послана депутация с просьбой его взять. Сам Д. сознался в своем проступке, но просил не говорить отцу, обещая уйти по окончанию младшего курса. Мы отклонили его просьбу, и отец действительно его взял. Через некоторое время запрашивали нас о нем в виду его намерения поступить в лицей. Мы решили только сообщить, что он ушел по постановлению класса, и Д. не был принят в лицей. Некоторое время я его не видал, а позднее стал с ним встречаться, но мы оба чувствовали известную неловкость.

Постоянные классные собрания очень сближали класс. Дела, большей частью, разбирались вечером, после собраний обменива-

лись мыслями, спорили, и я часто засиживался в Училище. Таким образом я быстро познакомился с жизнью живущих воспитанников, которые прежде несколько отрицательно относились к приходящим. Кроме деления на живущих и приходящих, совершенно особенное место занимали новички, поступившие в 4-й класс. Они назывались «ананасами», не пользовались правами воспитанников 4-го класса и подвергались цуканию. Относясь вообще положительно к цуканию младших, я не сочувствовал цуканию «ананасов», находя, что при тесной совместной жизни, очень трудно было провести грань между официальным отношением и фамильярностью, и, таким образом, цукание нередко принимало характер личного нерасположения.

Впрочем, такое подчиненное положение «ананасов» продолжалось недолго, только до «перелома». «Переломом» называли праздник, справляемый 4-м классом в половине года, чтобы отметить половину времени пребывания класса в стенах Училища. Накануне «перелома» по традиции устанавливались похороны «ананаса» – символическое торжество, знак того, что новички, уже освоившиеся с духом и традициями Училища, принимаются в круг коренных его воспитанников.

Вечером весь класс собирался в Белом зале. В футляр из-под контрабаса укладывалось чучело в старом правоведском мундире и ананасом вместо головы. При свете факелов и свечей траурная процессия выходила из Белого зала и следовала по всему Училищу. Впереди шел оркестр, затем бывшие «ананасы», несшие гроб, затем другие воспитанники, одетые в самые фантастические костюмы. Процессия двигалась медленно, с пением разных училищных песен. В 4-м классе останавливались и там произносили речи вроде надгробного слова. Описав круг по всему младшему курсу, процессия возвращалась в Белый зал, где уже под звуки бравурной музыки, в знак появления на свет новых воспитанников 4-го класса, чучело разрывалось, а ананас извлекался из контрабаса, делился на мелкие куски и тут же съедался.

«Перелом» всегда праздновался в стенах Училища, в том же Белом зале. Там на следующий день после «похорон ананасов» обыкновенно устраивался обед с вином, но предшествующий нам выпуск провел его так бурно, что начальство запретило вино. Поэтому наш класс ограничился устройством чая. Директор Училища, инспектор, классный воспитатель и его помощник были нашими гостями. Зал украшался тропическими растениями, а на поставленном покоем столе среди разных яств обязательно в высоких вазах помещались ананасы.

Младшие воспитанники посылали нам поздравительные телеграммы, причем каждый из нас надеялся получить их как можно больше – знак популярности в Училище.

В память «перелома», кроме фотографической группы, всегда заказывался жетон, форма которого ежегодно изменялась. Однако на лицевой стороне жетона, на зеленом эмалевом поле, всегда изображался герб судебного ведомства, а обратная сторона неизменно делилось чертой на две равные половины – золотую и серебряную, с обозначающими классы римскими цифрами. Цифра IV находилась на самой черте, в память половины пребывания в Училище. Кроме того, на оборотной стороне жетона указывались дата праздника и фамилия собственника.

Наш «перелом», несмотря на отсутствие вина, прошел очень оживленно. Я часто замечал, что в собраниях молодежи создается особое возбужденно-веселое настроение, которое на собраниях более взрослых без вина уже невозможно. На следующий после «перелома» день депутация от 4-го класса ходила благодарить другие классы за поздравления. Причем младшие воспитанники выносили наиболее популярных из своих товарищей в Белый зал, где их качали. «Перелом» являлся одной из любимых традиций, и на устройство его тратилось немало стараний и денег.

Другим праздником являлось «слияние», которое касалось только воспитанников старшего курса и служило объединением всех воспитанников, носивших золотой воротник. «Слияние» не осталось у меня в памяти так ярко, как «перелом», который носил более теплый и интимный характер.

С приближением времени перехода на старший курс и связанных с этим экзаменов, я заперся дома и стал готовиться к ним. Иногда мы сходились с одним из товарищей, князем Ширинским-Шихматовым[51], чтобы вместе повторять пройденное. Накануне экзамена у меня было чувство, что я ничего не знаю, но когда очередь отвечать доходила до меня, и я брал билет – волнение совершенно исчезало. Это свойство овладевать собой сохранилось у меня и в других случаях жизни. Экзамены прошли хорошо, не исключая и латинского, которого я больше всего опасался. В знак успешных занятий я даже получил нашивки на рукаве. С переходом на старший курс начинается новая эпоха моей жизни, которой я посвящу следующую главу.

Часть II

Старший курс Императорского Училища правоведения, состоящий из трех классов, давал воспитанникам юридическую подготовку. Однако науки, читаемые в Училище, разделялись на специально-юридические и общеобразовательные. К последним я отношу общий курс русской истории, историю Церкви, анатомию, статистику и при мне введенный курс русской литературы. В 3-м, то есть младшем из трех классов, преобладали эти так называемые второстепенные предметы, а кроме того читались истории русского и римского права и история философии права. Из чисто правовых наук проходились только энциклопедия права и начало римского права.

Профессором энциклопедии права был Николай Андреевич Зверев[52], он же был деканом Училища. Маленький, худенький, одетый в форменный сюртук, с бородкой и очками, сидящими на кончике носа, Николай Андреевич по наружности напоминал старого сельского священника. Однако к его неказистой наружности, с умными проницательными глазами, быстро привыкали, и он пользовался среди воспитанников большим уважением. Его ровная спокойная натура, полная беспристрастность и какая-то неуловимая грань, которая всегда отделяла его от окружавших, импонировала сильнее, чем требовательность других профессоров. Читал он очень ясно и логично, без всякого увлечения, но с интересом к науке. Мне кажется, что он являлся, скорее всего, сторонником исторической школы права, хотя он одинаково беспристрастно излагал положения и классической школы, и новых течений.

Совершенной противоположностью Звереву был профессор римского права Борис Владимирович Никольский. Насколько первый был спокоен по характеру, систематичен в изложении и закончен в научном отношении, настолько последний отличался бурным темпераментом, огромными энциклопедическими знаниями, разбрасывающимся умом и редким ораторским даром. По профессии присяжный поверенный, по убеждениям крайне правый, по темпераменту боевой политический деятель, Борис Владимирович был одновременно одним из просвещеннейших людей, которых мне приходилось встречать. Он был и библиофилом, и знатоком старины, и лингвистом, и поэтом, и публицистом, и, прежде всего – «оратором Божьей милостью», как кто-то метко о нем выразился. При мне был введен курс русской литературы, кафедра эта была предоставлена Никольскому. Вступительную

лекцию он прочел в большой зале Училища в присутствии Принца-попечителя, всех профессоров и многочисленной аудитории. Эта лекция была его триумфом. Он начал ее прочтением письма одного из наших славянофилов, в котором богатство русского творчества сравнивается с мириадами небесных светил. Помню, как он затем выразился: «Мой курс будет обнимать историю литературы от Кантемира до Пушкина и от Пушкина до Милеева». Милеев[53] был один из воспитанников, писавший недурные стихи. Мне тогда казалось, что передо мной должен открыться огромный клад духовных сокровищ. В своей программе Никольский обещал коснуться и историков, и критиков, и публицистов, и духовного творчества. Словом, курс этот был так обширен, что систематически он довел его только до Пушкина, очень подробно остановившись на его дуэли, о которой у него были личные труды. Однако на некоторых лекциях он говорил о поэзии и гораздо позднейшей и даже новой, причем количество стихов, сказанных им на память, было огромно. Его любимыми поэтами после Пушкина были Алексей Толстой и Тютчев, а из старых – Державин. Апухтина он не любил, и это всегда меня удивляло. Иногда лекции по литературе и римскому праву заменялись Никольским беседами на злободневные политические темы. Как видный правый деятель Б. В. Никольский был расстрелян в числе первых жертв красного террора.

Из остальных профессоров самым интересным был, несомненно, Сергей Михайлович Лукьянов[54]. Он занимал кафедру по судебной медицине и анатомии. Бывший обер-прокурор Святейшего Синода и одновременно большой ученый по своей специальности, Лукьянов относился к своей аудитории с высоты своего величия. Его холодный строгий вид как бы говорил: «Вы все равно хорошо ничего не усвоите, и ваши познания будут выражены детским лепетом». Читал он очень гладко, я сказал бы даже интересно, но анатомия всегда возбуждала во мне некоторое отвращение, особенно же когда нам пришлось присутствовать при вскрытии трупов. Лукьянова в подобных случаях заменял его лаборант, доктор Лондон[55], по происхождению караим, с сильным акцентом говоривший по-русски. Его лекции после Лукьяновских, на которых царило гробовое молчание, всегда были шумны и отчасти забавны, так как он с наивностью, свойственной иногда людям науки, пресерьезно отвечал на всевозможные лукавые наши вопросы по анатомии.

Остальные профессора в 3-м классе были менее интересны. Политическую экономию читал Н. И. Белявский[56], историю фи-

лософии – В. С. Серебреников[57], историю русского права – профессор Берендс[58].

Последняя зима перед войной была в Петербурге особенно оживленной. Балы, небольшие вечера, катанья с гор в Таврическом саду, скэтинг-ринг – все это непрерывно чередовалось, оставив в памяти след беспечного веселья перед грозно надвигавшимися событиями. Мое время делилось между занятиями, которые меня интересовали, и светской жизнью, которой я увлекался еще несравненно больше. На Рождество я с моей покойной сестрой был приглашен в деревню в имение Таптыковых, находившееся недалеко от Петербурга. Там собралась большая компания молодежи, человек в двадцать. Все пребывание в Ивановском – так называлось это благословенное место – было сплошным праздником. Утром уходили на лыжах и катались с гор, потом отправлялись кататься на дровнях по окрестным лесам, потом зажигали елку и начинались танцы и пение, и так до позднего вечера, когда мужская компания садилась играть в бридж.

В Училище в эту зиму был устроен большой спектакль, ставилась оперетка, сочиненная двумя правоведами. После спектакля был бал, один из самых оживленных из бывших в Училище. Я был одним из дирижеров и очень веселился. Кроме бала в Училище было два музыкально-вокальных вечера: один в память Чайковского, а другой – Апухтина. Эссен читал стихи, посвященные памяти этих великих мастеров, носивших пятьдесят лет ранее нас правоведский мундир.

Весна и начало лета 1914 года на севере России были очень хороши. После переходных экзаменов в следующий класс я проводил лето в Балтийском крае, где увлекался парусным спортом и теннисом. В середине июня от засухи начались лесные пожары, по вечерам солнце садилось в какую-то мглу, и пахло гарью. Иногда при закате солнце принимало вид огромного шара, как бы предвещая что-то недоброе. В начале июля пришла весть об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда[59], которая вызвала во мне негодование. В половине июля начались слухи о войне, и хотя положительного ничего не знали в маленьком городке, среди мирно съехавшихся петербуржцев началась непонятная паника, как будто немцы сразу могли занять Балтийский край. Я вполне отдавал себе отчет, что с объявлением войны улетит беззаботная счастливая жизнь, и надеялся, что чаша эта минует нас. Но с того момента, когда война была объявлена, настроение мое перемени-

лось: надо было спешить в Петербург, быть в курсе развертывающихся событий и, главное, действовать и быть чем-то полезным.

По приезде в Петербург я записался членом общества попечительства о семьях запасных. Составление опросных листов заставляло посещать чердаки, подвалы и комнаты, где ютилась беднота. На некоторое время я удовлетворился этим занятием, однако скоро пришел к мысли, что настоящее мое место не в благотворительном обществе, а в армии. Настроение это усиливалось еще тем, что мой одноклассник Авилов, считавший себя антимилитаристом, записался вольноопределяющимся в артиллерию и в середине августа уехал на фронт. Несколько других моих друзей, в том числе и Эссен, записались в формирующиеся автомобильные роты, которыми командовал один мой родственник. Разговоры об их принятии происходили у нас, и мне тем обиднее казалось, что мои родители противились моему поступлению в армию.

Начало занятий в Училище было отложено по следующей причине. Наш попечитель, Принц А. П. Ольденбургский, был назначен Верховным начальником Санитарной и Эвакуационной части и, озабоченный созданием достаточного числа лазаретов, не замедлил приказать оборудовать таковой в здании Училища на четыреста кроватей, что и было исполнено в самом срочном порядке.

Через несколько дней в Петербург прибыла большая партия раненых военнопленных, которая временно была размещена на одном из вокзалов в весьма примитивных условиях. Узнав об этом, быстрый на решения Принц распорядился направить их в Училище, что, не скрою, произвело в городе неприятное впечатление. Впрочем, военнопленные были вскоре увезены и заменены нашими ранеными.

Устройство лазарета внесло большую дезорганизацию в училищную жизнь: живущим там воспитанникам пришлось ютиться в маленьких комнатах, предназначенных в нормальное время для подготовки воспитанников к репетициям и экзаменам, почему они и назывались «зубрилками». Что же касается учебных занятий, то для младшего курса они шли в гимназии Гуревича, а для старшего – в залах Министерства юстиции.

Лекции в Министерстве юстиции мне нравились, начиная от самой обстановки, в которой они проходили, да и самый курс 2-го класса был серьезнее и интереснее курса прошедшего года. Кафедру по судоустройству и уголовному судопроизводительству занимал Щегловитов, о котором я обещал поговорить подробнее.

Иван Григорьевич Щегловитов уже лет восемь занимал пост министра юстиции. Он пользовался репутацией одного из лучших юристов России. Как министр он подвергался сильной критике, особенно в левом лагере, вероятно оттого, что был одной из самых выдающихся личностей в нашем правительстве. В общей политике Иван Григорьевич держался консервативных взглядов, но вместе с тем был горячим поклонником судебной реформы и даже тех ее институтов, которые критиковались многими нашими консерваторами, например, института присяжных заседателей и мировых судей. В своей деятельности он углубил принцип разделения судебной и административной власти, проведя закон о местном суде, по которому судебные функции были отняты у земских начальников и переданы выборным мировым судьям. По-видимому, Щегловитов гордился этой реформой, и она красной нитью проходила в его курсе. При личном с ним знакомстве в нем чувствовалась сильная воля, спокойная уверенность в себе, большой опыт. Составленный им курс судопроизводства был написан хорошо, логично, а местами даже увлекательно. Читал он прекрасно, с некоторой выработанной величественностью, впрочем, вполне подходившей к его высокому положению. Будучи сам правоведом, он всегда неизменно был с нами любезен и приветлив и входил, вернее, делал вид, что входит, в наши интересы. Но на экзаменах он был требователен, а так как его курс обнимал более чем тысячу страниц, то, естественно, экзамен у министра был одним из самых трудных.

Общую часть уголовного права читал приват-доцент Михаил Михайлович Боровитинов[60], занимавший место управляющего канцелярией Финляндского генерал-губернатора и приезжавшего для лекций из Гельсингфорса. Пособием к его курсу было превосходное сочинение профессора Сергиевского. Лекции Боровитинова сделались скоро моими любимыми, он читал очень живо, а после лекции устраивал собеседования по разным вопросам. Помню, как, закончив лекцию о смертной казни, он стал спрашивать наше мнение об этой мере наказания. Я высказал мысль, что по теории косвенного предупреждения преступлений, смертная казнь полезна для борьбы с преступностью, в особенности для борьбы с политическими преступлениями, совершаемыми, большей частью, политическими кружками, тесно между собой связанными. Страх в этом случае будет лучшей гарантией их бездействия. Боровитинов согласился со мной и привел любопытную статистику убийства чинов полиции в 1905 году до и после введения смертной казни, которая наглядно подтверждала мою мысль.

Из прочих читаемых у нас наук меня больше всего интересовало государственное право, и я мечтал даже избрать его своей специальностью. К сожалению, кафедру по государственному праву занимал престарелый профессор Куплевасский[61], который не только не мог пробудить в ком-нибудь интерес к своему предмету, но, напротив, мог только его убить. Темой для сочинения я выбрал «Ответственность министров». Тема меня очень интересовала, и я проработал ее довольно основательно. Выводы моего сочинения склонялись к признанию лишь судебной ответственности и к отрицанию ответственности парламентской. В эту эпоху Государственная Дума обнаруживала уже стремления к образованию ответственного министра, и затронутая мною тема живо дебатировалась. Я очень жалею, что черновик моего сочинения пропал, так как в настоящее время этот вопрос поднят и в заграничной литературе, и число противников парламентаризма все увеличивается. Куплевасский одобрил мое сочинение и представил меня к награде, доставившей мне большой удовлетворение.

В Училище очень поощряли посещение воспитанниками старшего курса заседаний Окружного суда. Я несколько раз был на них вместе с моим товарищем Авситидийским, который собирался избрать судебную карьеру. Однако мы попадали на слушания мало интересных дел. Однажды я узнал, что в палате будет разбираться дело группы революционеров, но что на заседание пускают только по билетам. Старшим председателем палаты был Николай Сергеевич Крашенинников[62] – бывший правовед, которого я немного знал. Я решился просить у него билеты для себя и некоторых товарищей. Крашенинников принял меня очень быстро, выслушал и сказал, что дело слушается при закрытых дверях и никто в зал заседания не допускается. Так мне и не пришлось слышать, как председательствует Крашенинников, считавшийся одним из выдающихся наших юристов.

С некоторыми другими старыми правоведами мне удалось познакомиться на заседаниях общества помощи раненым нашего лазарета, куда я был выбран от Училища. Председательницей этого общества была жена директора, а членами – бывшие правоведы, сенаторы Н. Н. Шрейбер, И. С. Крашенинников, А. Н. Кривцов[63]. Шрейбер посещал эти собрания весьма аккуратно и входил во все подробности дела со свойственной ему точностью. Крашенинников любил поговорить и порассказать о старых временах и был очень занимательным собеседником. Кривцов приезжал реже, он в то время был председателем комиссии по расследованию немец-

ких зверств. Говоря об этом предмете, он впадал чуть ли не в исступление, и мне казалось, что он многое преувеличивает.

В ноябре стало ясно, что война затягивается. 1-й класс решил ходатайствовать перед Принцем о разрешении ускорить выпуск, чтобы скорее вступить в ряды армии. Принц, всегда отзывчивый к патриотическим порывам, дал свое согласие, и в декабре уже начались выпускные экзамены. Таким образом, мой класс уже с половины года получил права старшинства.

Все наши мысли были направлены туда, где сражалась наша армия. То и дело приходили вести о гибели кого-нибудь из наших старших товарищей. Мои одноклассники один за другим покидали Училище и поступали на ускоренные офицерские курсы. В это время несколько воспитанников младшего курса, в чем-то провинившиеся, решили бежать на фронт, чтобы избежать наказания. Они как-то пробрались в ставку и явились Великому Князю Николаю Николаевичу, который отправил их обратно в Петербург и написал Принцу, прося их не наказывать за самовольную отлучку. Принц велел собрать все Училище, прочитал телеграмму Великого Князя и сказал: «Воля Верховного Главнокомандующего для меня закон, всех прощаю». Эти слова вызвали взрыв энтузиазма, и все Училище окружило старика-Принца, который, видимо, был очень растроган и доволен.

Весной я имел случай познакомиться с графом Владимиром Алексеевичем Бобринским, который был назначен заведующим продовольственным делом в занятой нами Галиции. Ему нужны были помощники, и он согласился взять меня на летние месяцы. Я был в восторге. Галиция меня привлекала, и я стремился по окончании войны начать службу на этой новой окраине. Однако уже весной стало ясно, что мы не удержимся в Галиции. С фронта стали приходить тревожные вести, и если в начале войны я желал поступить в армию, чтобы принимать участие в великих событиях, то в это время я стал смотреть на это как на мой долг. Мой отец, наконец, дал свое согласие, но сказал, что я должен пройти офицерские курсы, так как армия нуждается в офицерском составе, а не в рядовых. Вместе с тем, он настаивал, чтобы я сдал экзамены за 2-й класс.

Первые экзамены благополучно миновали, я готовился к судебной медицине, когда меня неожиданно вызвали по телефону в Училище. Оказалось, что рано утром в Училище приехал Принц, отменил все экзамены и приказал правоведам делать противогазные повязки. Действительно, незадолго перед тем немцы стали применять на нашем фронте ядовитые газы, а наша армия ничем

не была снабжена, чтобы бороться с их действием. «Отечество в опасности», – сказал Принц и в тот же день прислал в Училище несколько инструкторов и большое количество материала. Работа закипела. Маски изготовлялись самые примитивные: простые бинты смачивались в гиперсульфите, затем накладывался слой ваты, и этот бинт упаковывался в клеенчатый футляр, который должен был быть тщательно заклеен, чтобы не пропускать воздуха. Весь нижний этаж Училища, не занятый лазаретом, был отведен под мастерскую, работали даже на площадках лестниц, во всем здании распространился едкий запах гиперсульфита. Работа шла хорошо, очень быстро и, в общем, успешно, так что в течение двух месяцев Училище было главной мастерской противогазов. Когда же стали открываться подобные мастерские в других городах России, то Принц командировал воспитанников старшего курса в качестве инструкторов этого дела, причем дал им широкие полномочия, вплоть до права лично ему телеграфировать, если местная администрация недостаточно энергично пойдет навстречу этому начинанию. Лично я отказался от командировки, в виду моего поступления на ускоренные курсы при Пажеском корпусе[64].

Воспитанники 1-го класса по форме одежды отличались от прочих ношением шпаги. По традиции воспитанники уходящего выпуска передавали свои шпаги тем из младших, с которыми были ближе. У меня было много приятелей в 76-м выпуске, и я получил несколько шпаг, из которых две были довольно старые. Обыкновенно в день передачи шпаг устраивался у Донона «шпажный ужин». В виду войны мы решили просто собраться на частной квартире. Я уже решил тогда переходить в Пажеский корпус и помню, как во время ужина мне сделалось невероятно грустно покидать Училище и делать это по собственной воле. Однако отступать перед таким настроением я счел бы позорным. Жребий был брошен, и через несколько дней я прибыл в лагерь Пажеского корпуса, снял навсегда свой родной мундир и облекся в непривычную мне тогда военную форму.

Осенью 1915 года жизнь в Училище начала входить в свои обычные рамки: лазарет был упразднен, занятия возобновились. Директор Пажеского корпуса, узнав, что я ушел из Училища перед окончанием курса, предложил мне отпуск для окончания Училища. Для этого нужно было остаться на повторительный курс в Корпусе. Я довольно долго колебался, принимать или нет это предложение: пробыть еще полгода в Училище казалось мне очень заманчивым, но повторительный курс в Пажеском корпусе, откладывающий мое производство на восемь месяцев, мне не

нравился. Наконец, я был уже принят в лейб-гвардии Преображенский полк, и предполагал, что если я останусь на повторительный курс, то могу этим произвести неприятное впечатление в полку. Такой же точки зрения держался и полковник Гольтгоер, сам бывший преображенец, с которым я советовался по этому вопросу. Итак, я отказался и рисковал не кончить Училища, если бы Принц не разрешил всем правоведам, ушедшим на военную службу, держать экзамены в любое время. Таким образом, я растянул экзамены на три месяца и стал постепенно их сдавать. Конечно, одновременно держать экзамены и в Училище, и в Корпусе было довольно трудно, и работать пришлось очень много, но и удовлетворение при окончании было большое. Училище я окончил 16 января 1916 года. Экзамены я сдал успешно, только Гражданское судопроизводство, считавшееся предметом нетрудным, чуть было меня не подвело, но приват-доцент Мордухай-Болтовский[65], сам бывший правовед, не желая портить мне 1-го разряда, поставил мне 10 баллов. Последний экзамен у Щегловитова прошел вполне успешно.

Наш выпускной акт был отложен на 5-е февраля в виду возвращения в Петербург Принца Александра Петровича. В промежуток времени между окончанием экзаменов и актом мы постоянно собирались у кого-нибудь из товарищей и видались почти ежедневно. Конечно, мы все знали, что скоро разлетимся в разные стороны, но никому не приходило в голову, что мы никогда больше не соберемся в Училище и на долгие годы потеряем друг друга из вида.

Однако разлука, которая нам предстояла, была более серьезной, чем обыкновенно бывало при выпуске. Из тридцати человек, кончивших курс, все поступали в армию, а некоторые были уже на фронте. Вероятно, у многих из нас мелькала мысль: увидимся ли, и скольких из нас не будет, когда мы снова соберемся в Петербурге? Однако долго не останавливались на этих мыслях и веселились тем больше, что видели перед собою настоящую ломку всей жизни. Особенно шумно прошло собрание у нашего старшего воспитателя Беклера, так обильно угостившего нас французскими винами, что после ужина мы толпой высыпали на улицу, взяли несколько извозчиков, приказали везти во весь дух по уже опустевшему Литейному проспекту, пока городовой не задержал одну пару саней и не отвел седоков в участок.

В день акта в зале старшего курса в присутствии большого количества приглашенных инспектор воспитанников стал читать список окончивших, и мы по очереди подходили к Принцу, кото-

рый каждого из нас поздравлял и каждому вручал диплом. Первым, с золотой медалью и с занесением на мраморную доску, кончил Олег Митрофанов. Он сам находился уже на фронте. Когда Гольдгоер прочел его имя, и завеса, закрывавшая доску, упала, мы прочли, что на доске, кроме имени и фамилии, было выгравировано: прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка. Принцу, самому служившему в Преображенском полку, видимо, особенно приятно было отличить Митрофанова. Вторым, за отсутствием Васильева, находившегося в Карпатах и не успевшего еще сдать экзамены, был вызван Заккит[66], а третьим я. По традиции, после выдачи дипломов бывшие воспитанники произносили речи на пяти языках. По-латыни говорил Юрша[67], по-французски – Бутовский, по-английски – Кессель[68]. Немецкой речи по случаю войны не было. Наконец, по-русски прекрасную речь произнес Денисьев[69], она была даже потом напечатана. Во время акта мое настроение было очень грустным, а во время этой речи я едва сдерживал слезы, чувствуя, что уходит самое лучшее, самое радостное время моей жизни. После акта в училищной церкви был отслужен молебен, и все мы торжественно приняли присягу на верность Государю Императору.

На следующий день после акта весь выпуск был приглашен завтракать к Принцу. Кроме нас, правоведов, был декан Училища профессор Зверев, наш классный воспитатель и секретарь Принца Г. П. Сюзор[70], тоже бывший правовед. Весь выпуск был в военной форме, надетой сразу по окончании курса. Принц встретил нас у входа в галерею. Дома он всегда носил небольшую шапочку, которую он снял при нашем входе в знак приветствия. Мне он показался озабоченным и невеселым, хотя он и старался шутить. Так, обращаясь к Звереву, он спросил: «Николай Андреевич, желали бы Вы быть в шкуре Вильгельма?» После отрицательного ответа последнего, Принц стал говорить о том, что победа близка и неизбежна. Не знаю, действительно ли он верил так крепко в победоносный исход войны или считал необходимым подбодрить уходящую на войну молодежь. После завтрака он сказал нам несколько слов о преданности Престолу и Отечеству и затем осенил нас широким крестным знамением.

В заключение мне остается сказать несколько слов. Училище правоведения, созданное при крепком монархическом строе, приняло, воспитало и выпустило много поколений. Правоведы были плотью от плоти нашего дворянского и служилого сословия. Разумеется, с крушением нашей государственности, с распылением

нашего дворянства кончило свое существование и Училище. Желать его восстановления при других условиях и на других началах я не могу и думаю, что оно возродиться не может. Остается лишь круг лиц, связанных прошлым, воспитанный в одних понятиях, привязанный к одному идеалу. Число правоведов будет ежегодно уменьшаться, но я верю, что идеи, воспринятые нами, переживут нас, и в будущем, преображенные и примененные к жизни, восторжествуют и установят в России Великую монархию, крепкую государственность и строгую законность.

На этом я заканчиваю свои записки. Много в них вкралось личного и, быть может, лишнего, но мне кажется, что общая картина жизни Училища изображена мною довольно полно. Я коснулся интересов нашей повседневной жизни, традиций, лиц, с которыми приходилось сталкиваться, а сумел ли я верно схватить дух Училища – пусть об этом судят мои старшие и младшие товарищи. На их критику передаю я эти записки и всякое указание заранее приму с благодарностью.

Примечания

1. Ул. Сергиевская – ныне ул. Чайковского. Здесь, в д. N 12 (в первонач. виде здание не сохранилось), с 1847 располагалось Малое Училище для приготовительных классов. В доме N 50 по Сергиевской улице жил и сам Юрий Дистерло.

2. Сергей Николаевич Чистоткин – действительный статский советник, главный воспитатель Приготовительных классов.

3. Мистер Гиббс Сидней Иванович – Чарльз Сидней Гиббс (1876-1963) – английский подданный. Окончил Кембриджский университет по специальности «Искусствознание», приехал в Россию весной 1901 г. Президент Санкт-Петербургской гильдии преподавателей английского языка. Руководитель ряда курсов по изучению новых языков при Императорском Училище правоведения. С 1908 г. преподавал английский язык у великих княжон, дочерей императора Николая II, а затем и у Цесаревича Алексея. После революции последовал в ссылку за царской семьей в Сибирь.

   Впоследствии он остался в Харбине, где жил и работал до его оккупации японцами в 1931-32 гг. Посещал православный храм, знакомился с русскими эмигрантами, перевел на английский язык несколько православных богослужебных книг.

23 апреля 1934 г., в день ангела Государыни Императрицы Александры Феодоровны, архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов) крестил 58-летнего Чарлза Сидднея Гиббса в Православие с именем Алексий – в честь цесаревича.

5/18 декабря 1935 г., в Харбине, в канун праздника свт. Николая Мирликийского чудотворца и дня тезоименитства Императора Николая II владыка Нестор постриг его в иночество с именем Николай – в память царя-страстотерпца, в том же году. о. Николай был рукоположен во иеродиакона и в иеромонаха.

В 1938 году о. Николай вернулся в Англию. Был возведен в сан архимандрита с возложением митры. В 1945 году он перешел в Московский Патриархат, после встречи и беседы с митрополитом Николаем (Ярушевичем).

В храмовой библиотеке о. Николай создал крошечный музей, в котором разместил фотографии Царской семьи, ботинки Николая II, которые вез Государю из Тобольска в Екатеринбург, но так и не смог передать; люстру из дома Ипатьева; учебные тетради Марии и Анастасии Николаевен; несколько листков меню из Тобольска; иконы, подаренные ему членами Семьи, фарфоровую посуду из Тобольска с Императорскими гербами; пенал и колокольчик Наследника, бронзовый герб с яхты «Штандарт» и другие сбереженные им реликвии. Архимандрит Николай умер 24 марта 1963 года в возрасте 87 лет. За три дня до кончины в спальне над его кроватью обновилась икона – подарок царской семьи.

4. Митрофанов Олег Павлович – окончил Училище правоведения с золотой медалью, с занесением имени на мраморную доску (16.01.1916 г.), и ускоренные курсы Пажеского Корпуса (1915 г.); поручик лейб-гвардии Преображенского полка. Доблестно погиб в последнем бою Петровской бригады 7 Июля 1917 г., ведя в атаку 6-ую роту своего полка под Мшанами. Посмертно представлен к Георгиевскому оружию. Отличался выдающимися умственными и нравственными качествами, глубокой религиозностью и всесторонним образованием.

   Он был сыном заслуженного профессора Варшавского университета и его супруги, дочери сенатора Е. Ф. Турау, женщины высокой духовной культуры. Во время войны на фронте Юга России она, будучи сестрой милосердия, назвала именем своего покойного сына один из санитарных поездов, оборудованный благодаря её исключительной энергии. Впоследствии она приняла монашество и схиму в Иерусалиме, где скончалась в 1959 г. Её перу принадлежит очерк «Жизнь и геройская смерть моего дорогого сына Олега», напечатанный в «Православном Пути» в 1963 г.

5. Авилов Вадим Владимирович – выпускник Училища правоведения (77 выпуск), прапорщик артиллерии. Добровольно ушел из жизни в 1917 году.

6. Ошанин Леонид Никифорович – выпускник Училища правоведения (77 выпуск); корнет лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. Погиб в 1916 г. от несчастного случая.

7. Иван Григорьевич Щегловитов (1861 – 1918) – русский государственный деятель, министр юстиции Российской империи последний председатель Государственного совета. В 1915 году в Петрограде на совещании монархистов был избран председателем Совета Монархических Съездов – всероссийского руководящего органа монархистов. Во время Февральской революции был заключен в Петропавловской крепости. В ходе красного террора публично расстрелян вместе с другими государственными и церковными деятелями Российской империи в Москве в 1918 году.

8. garcon liftier – мальчик-лифтер.

9. Алексей Николаевич Апухтин (1840-1943) – русский поэт, выпускник Императорского Училища правоведения (1859 г.), был самым блестящим учеником в классе и имел только отличные оценки по всем предметам; также был одним из редакторов журнала «Училищный вестник».

   Автор воспоминаний не совсем точен в цитате фрагмента стихотворения Апухтина «5 Декабря 1885 г.»:

   И чудится: в этот торжественный час
   Разверзлась их сень гробовая,
   Их милые тени приветствуют нас,
   Незримо над нами витая.

10. Клейка – накладывание взыскания на младших (училищное выражение)

11. Цукать - грубо издеваться над кем-нибудь (Д. Н. Ушаков. Большой толковый словарь современного русского языка). Цукание было одной из традиций правоведов: старший класс отдавал младшему самые нелепые приказания, а младший должен был беспрекословно их выполнить. Не все преподаватели и воспитатели поддерживали это, противником такой системы был, в частности, Гиббс.

12. Принц Александр Петрович Ольденбургский (1844—1932) – русский генерал, сенатор, член Государственного совета. Сын Петра Георгиевича Ольденбургского, основателя и первого попечителя Училища правоведения. Получил домашнее образование, затем прослушал полный курс в Училище. Занимался просветительской деятельностью. Создатель в 1890 году и попечитель Императорского института экспериментальной медицины (ныне институт имени И. П. Павлова). После кончины отца, принца П. Г Ольденбургского, назначен попечителем Императорского Училища правоведения.

13. Горяинов Александр Алексеевич, 71 выпуск (1910 г.) – корнет Кавалергардского полка. Убит в бою 6 августа 1914 г. под Каушеном, в Восточной Пруссии. Его родителями была сооружена, в память его доблестной смерти, икона Св. благоверного князя Александра Невского в черной мраморной раме со вделанной в неё золотой медалью, полученной покойным при окончании Училища правоведения.

14. Баронет Яков Васильевич Виллие (1768 – 1854) – военный врач, лейб-хирург российского императорского двора, организатор военно-медицинского дела в российской армии; завещал всё состояние на постройку Михайловской клинической больницы, получившей его имя (в 1881 г. появилось название Военно-медицинская академия).

15. Вероятно, автор допустил неточность в имени. Справочники дают информацию о Страубе Александре Андреевиче, помощнике инспектора классов, главном *воспитателе* Приготовительных классов, действительном статском советнике.

16. Великая Княгиня Ольга Александровна (1882 – 1960) – младшая дочь Императора Александра III, сестра Императора Николая II. Следуя традиции, Император назначил сестру шефом знаменитого 12-го Ахтырского гусарского полка. Она – одна из немногих членов Императорской семьи, спасшихся после большевистского переворота; жила в Дании, в Канаде. Художница, предпочитала простую жизнь. Доходы от продажи своих картин тратила на поддержку семьи и благотворительность.

17. Сокольская гимнастика базируется на упражнениях с предметами, упражнениях на снарядах, массовых упражнениях и пирамидах. Основатель – профессор Пражского университета Мирослав Тырш, идеолог Сокольского движения. Правительство России использовало Сокольское движение с целью отвлечения молодежи от революционной борьбы и подготовки ее к службе в армии. В военных училищах России Сокольская гимнастика пользовалась популярностью и получила широкое распространение в конце XIX – начале XX века.

18. Ольдерогге Василий Васильевич (1848 – 1911), генерал-лейтенант. Служил в лейб-гвардии Егерском полку, участник русско-турецкой войны 1877-78; инспектор, затем директор Училища правоведения.

19. Барановский Егор Иванович (1821 – 1914), 1-й выпуск Училища правоведения (1840 г.). Видный деятель преобразовательной эпохи. После оставления государственной службы, много и плодотворно работал в Русском Обществе Пароходства и Торговли и по Красному Кресту. Несмотря на свой весьма преклонный возраст, прибыл из родового имения Могилевской губернии в Санкт-Петербург для

присутствия на праздновании 75-летия Училища правоведения. Оставил интересные мемуары.

20. Великий князь Николай Николаевич (1856 – 1929) – генерал-адъютант, генерал от кавалерии; первый сын великого князя Николая Николаевича и великой княгини Александры Петровны, урожденной Ольденбургской, внук Николая I. Занимал пост Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской Империи в начале Первой мировой войны; с 23 августа 1915 года до марта 1917 года – наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом.

    Великий князь Петр Николаевич (1864 – 1931) – генерал-лейтенант и генерал-адъютант русской армии. Второй сын Великого князя Николая Николаевича, внук Николая I.

21. Светлейший князь Сергей Георгиевич Романовский, 8-й герцог Лейхтенбергский (1890 – 1974) – член Российского императорского дома, участник Белого движения, флигель-адъютант.

22. Горемыкин Иван Логинович (1839 – 1918) – выпускник Училища правоведения (21 выпуск); действительный тайный советник 1-го класса; статс-секретарь Его Императорского Величества; член Государственного совета; сенатор. Дважды состоял Председателем Совета Министров, а ранее – Министром внутренних дел. В 1918 г. был убит вместе с женой, дочерью и зятем во время разбойного нападения на его дачу в Сочи.

23. Голубев Иван Яковлевич (1841 – 1918) – русский государственный деятель, вице-председатель Государственного совета. В 1860 году окончил Императорское Училище правоведения. Служил товарищем прокурора Петербургского окружного суда; в Сенате и Министерстве юстиции. В 1880 г. – директор департамента Министерства юстиции.

24. Николай Николаевич Шрейбер (1838 – 1919) — русский юрист, выпускник Училища правоведения (20 выпуск, 1859 г.). Действительный тайный советник; член Государственного совета; сенатор. Активный деятель по введению в действие судебных уставов. Был первым прокурором Санкт-Петербургского окружного суда. В 1896 г. назначен сенатором Уголовного кассационного департамента. До 5 декабря 1915 года состоял председателем Комитета Правоведской Кассы.

25. Тулубьев Михаил Яковлевич – выпускник Училища правоведения (1915 г.), подпоручик лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества полка. Погиб в Петрограде в 1920 г.

26. Макао – азартная карточная игра, широко распространенная в начале XX века. Названием обязана городу Макао, бывшей португальской колонии, крупнейшему центру игорного бизнеса на востоке.

27. Мицкевич Захарий Васильевич (1859 – 1930) – генерал-майор, директор Училища правоведения; умер в эмиграции в Финляндии.

28. Борис Владимирович Никольский (1870 – 1919) – русский юрист, поэт и литературный критик. Деятель монархического движения. С 1900 г. читал курсы в Петербургском университете, где стал приват-доцентом по кафедре русской словесности на историко-филологическом факультете. В 1912 г. стал профессором римского права в Училище правоведения. После 1918 года проживал в Петрограде, преподавая в Училище правоведения. В 1919 г. был расстрелян большевистской властью.

29. Гольдгоер Сергей Александрович (1867 – 1930) – генерал-майор. Окончил Пажеский корпус. Служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Член Совета Императорского Училища правоведения, инспектор. В эмиграции в Германии сотрудник 2-го отдела РОВС.

30. Василий Иеронимович Соболевский – инспектор классов Училища правоведения в 1912-1918 гг.

31. Лефрансуа Юлий Густавович – классный воспитатель Училища правоведения, преподаватель французского языка в Александровской военно-юридической академии.

32. Виноградов Ксенофонт Павлович – протоиерей, настоятель церкви Св. Великомученицы Екатерины Училища правоведения; с 1910 г. – законоучитель.

33. Петр Аркадьевич Столыпин (1862 – 1911) – государственный деятель Российской империи, выдающийся русский политик и реформатор. На посту премьер-министра России Столыпин был инициатором разработки ряда крупных законопроектов, провел новый избирательный закон, существенно усиливший позиции в Думе представителей правых партий, начал проведение аграрной реформы. Во время последнего на него покушения Столыпин получил смертельное ранение, от которого через несколько дней умер.

34. Маклаков Георгий Николаевич – выпускник Училища правоведения (77 выпуск). При объявлении войны добровольно вступил в 1-ый Лейб-Драгунский Московский Императора Петра I полк; был награжден Георгиевским Крестом 4 степени и откомандирован на ускоренные курсы Пажеского Корпуса. Произведен в прапорщики того же полка, а в октябре 1917 г. переведен в Кабардинский конный полк. Закончил Добровольческую кампанию в чине ротмистра. Состоял преподавателем русского языка во французском лицее в Майнце с 1921 по 1927 г., получил кафедру русской словесности в Лилльском католическом Университете и был назначен директором Института Русских Наук этого Университета. Во время Второй мировой войны служил добровольцем во французской армии.

В 1960 г. вышел в отставку со званием заслуженного профессора. Автор многочисленных статей научного характера.

35. Евгений Фёдорович Турау (1847 – 1914) – сенатор, член Государственного совета. В течение четырёх лет состоял председателем общества попечения о бедных и больных детях, а также членом кустарного комитета при Главном Управлении землеустройства и земледелия. 6 мая 1906 года Турау назначен Членом Государственного совета. В 1910 году за устройство 2-го Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности ему была объявлена Высочайшая благодарность.

36. Всероссийский национальный союз – русская умеренно-правая консервативно-либеральная партия, существовавшая в 1908 – 1917-х годах.

37. Митрополит Евлогий, в миру Василий Семенович Георгиевский (1868 – 1946) – епископ Православной Российской Церкви, управляющий русскими православными приходами Московской Патриархии в Западной Европе, с 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Член Государственной думы II и III созывов. Сторонник реформ Столыпина.

38. Александр Александрович Башмаков (1858 – 1943) – русский публицист, правовед, этнограф, действительный статский советник, известный юрист и член Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества.

39. Граф Владимир Алексеевич Бобринский (1867 – 1927) – русский политический деятель, монархист, член Думы трёх созывов, один из лидеров партии умеренно-правых, лидер неославянского движения.

40. Холмщина – историческая область на левобережье Западного Буга с центром городом Холм. В начале XX века епископ Холмский и Люблинский Евлогий выдвинул в Думе предложение о выделении Холмщины из Царства Польского. В 1912 году закон был принят. С 1919 г. Холмщина вошла в состав Польши.

    Галиция – историческая область в Восточной Европе, примерно соответствует территории современных Ивано-Франковской, Львовской и части Тернопольской областей.

    Прикарпатская Русь – Закарпатье.

41. Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870 – 1920)– русский политический деятель ультраправого толка, монархист, черносотенец.

42. Владимир Иосифович Гурко (1862 – 1927) – русский государственный деятель, действительный статский советник, публицист, член Русского Собрания, сподвижник Столыпина.

43. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812 – 1881) – государственный деятель эпох Николая I и Александра II, реформатор женского образования в России, основатель Училища правоведения, попечитель Коммерческого училища, Смольного и Екатерининского институтов, Александровского лицея, Женского института принцессы Терезы; он открывал на свои средства сиротские приюты и школы, создал первую в России Свято-Троицкую общину сестер милосердия, инициировал строительство Детской больницы на Лиговском проспекте, названную в его честь (ныне больница им. Раухфуса), в течение 40 лет возглавлял Мариинскую больницу для бедных, у здания которой на народные пожертвования ему был установлен памятник.

44. Эссен Михаил Михайлович – выпускник Училища правоведения (78 выпуск, 1918 г.); корнет 17 драгунского Нижегородского полка.

45. Бутовский Георгий Петрович – выпускник Училища правоведения (77 выпуск, 1916 г.); капитан лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригады. При эвакуации Крыма был оставлен в числе других тяжелобольных и раненых офицеров, которые по своему состоянию не могли быть вывезены, в Симферопольском военном госпитале. Все они были расстреляны в 1920 г.

46. Австидийский Сергей Сергеевич – выпускник Училища правоведения (77 выпуск, 1916 г.); вольноопределяющийся 9 гусарского Киевского полка. Умер в эмиграции в Брюсселе в 1963 г.

47. Татищев Леонид Леонидович – писатель, поэт, проживал в Санкт-Петербурге.

48. Фрибес Леонид Александрович – выпускник Училища правоведения (77 выпуск, 1916 г.); прапорщик инженерных войск. Умер в 1937 г. в Касабланке.

49. arbiter elegantiarum – законодатель в вопросах моды и вкуса.

50 Хлебников Глеб Александрович – выпускник Училища правоведения (77 выпуск, 1916 г.); подпоручик по Адмиралтейству. Умер в 1967 г. в эмиграции.

51. Князь Ширинский-Шихматов Кирилл Алексеевич – выпускник Училища правоведения (78 выпуск, 1918 г.); во время Первой мировой войны был по собственному желанию временно откомандирован в лейб-гвардии Московский полк, для пополнения убыли в его офицерском составе. Состоял при представительстве Добровольческой и Северо-Западной армий в Польше.

52. Зверев Николай Андреевич (1850 – 1917) – ученый-правовед и государственный деятель, тайный советник, член Государственного совета, сенатор, участник право-монархического движения. Под руководством Зверева осуществлялась реформа средних учебных

заведений. Профессор Императорского Училища правоведения, с осени 1908 читал лекции по энциклопедии права. Был членом фракции правых IV Государственной Думы.

53. Милеев Георгий Федорович – выпускник Училища правоведения (75 выпуск, 1914 г.); кандидат на судебную должность Петроградской судебной палаты. Корнет 15 драгунского Переяславского полка. Смертельно ранен в бою на Крымском фронте в 1920 г.

54. Лукьянов Сергей Михайлович (1855 – 1935) – патофизиолог, государственный деятель; профессор судебной медицины Училища правоведения. После 1917 г. возвратился к научно-педагогической деятельности, преподавал в Петроградском педагогическом институте дошкольного образования и в Государственном институте усовершенствования врачей.

55. Лондон Ефим – патолог; занимал с 1896 по 1903 г. место помощника заведующего отделением общей патологии у профессора С. М. Лукьянова при Институте экспериментальной медицины в Петербурге, с 1903 г. он заведовал патологическим кабинетом при этом институте; с 1899 г. состоял преподавателем судебной медицины в Училище правоведения.

56. Белявский Николай Николаевич окончил курс в Санкт-Петербургском университете по юридическому факультету, профессор полицейского права в Юрьевском университете и в Императорском Училище правоведения.

57. Серебреников Виталий Степанович – писатель, профессор по кафедре психологии в Санкт-Петербургской духовной академии, где и учился. Знакомился с институтами экспериментальной психологии в Берлине, Бонне, Гейдельберге и Париже. С 1897 года Серебреников преподавал историю философии в Императорском Училище правоведения.

58. Берендс Эдуард Николаевич – юрист, профессор и директор Демидовского лицея (Ярославль); профессор Петербургского университета (с 1901 г.) и Императорского Училища правоведения (с 1907 г.); член Главного управления по делам печати (1908); сенатор (1914).

59. Убийство эрцгерцога Австро-Венгерской империи Франца Фердинанда произошло в боснийском городе Сараево 28 июня 1914 года. Организаторами и исполнителями считаются сербские заговорщики из организации «Млада Босна», ответившие таким образом на аннексию в 1908 году Австро-Венгрией Боснии-Герцеговины. Эрцгерцог и его жена были убиты выстрелами в упор при выезде из дворца. Австро-Венгрия через месяц после убийства объявила войну Сербии, обвинив её в организации данного покушения. Это стало началом Первой мировой войны.

60. Боровитинов Михаил Михайлович – юрист, по окончании курса в Санкт-Петербургском университете был оставлен для приготовления к профессуре. В 1900 г. начал чтение лекций по уголовному праву в университете в звании приват-доцента; в 1905 г. был приглашен в Училище правоведения, где в 1908 г. занял кафедру уголовного права. Был помощником начальника главного тюремного управления, правителем канцелярии финляндского генерал-губернатора.

61. Куплеваский Николай Осипович – юрист. Был профессором Харьковского университета по кафедре государственного права, членом ученого комитета министерства народного просвещения, членом консультации при министерстве юстиции. Преподавал государственное право в Училище правоведения.

62. Крашенинников Николай Сергеевич – выпускник Училища правоведения (40 выпуск, 1879 г.). Состоял председателем судебных палат; был назначен сенатором. Под его председательством слушалось большинство крупных дел по государственным преступлениям, в том числе суд над членами 1-го Совета рабочих депутатов, во главе с Хрусталевым-Носарем и Бронштейном, дело о Выборгском воззвании и Социал-демократической фракции 2-ой Государственной Думы. Расследовал дело о беспорядках в Москве, по его докладу за бездействие власти был уволен главноначальствующий князь Юсупов и преданы суду градоначальник генерал Адрианов и полицеймейстер Севенард. 1 Января 1917 г. Крашенинников был назначен председателем Верховного Уголовного суда. Убит в Пятигорске в 1918 г.

63. Кривцов Алексей Николаевич – выпускник Училища правоведения (34 выпуск, 1873 г.); тайный советник; первоприсутствующий сенатор особого присутствия Сената для суждения дел о государственных преступлениях; председатель чрезвычайной следственной комиссии о нарушениях австро-германской международной конвенции Красного Креста и о совершенных ими зверствах; почетный мировой судья.

64. Пажеский Его Императорского Величества корпус – самое элитное учебное заведение Императорской России. Создан в царствование Елизаветы Петровны в 1759 г., но как военно-учебное заведение действовал с 1802 г.

65. Мордухай-Болтовский Иван Дмитриевич (1874 – 1934) – правовед (56 выпуск, 1895 г.); действительный статский советник; директор 1 департамента Министерства юстиции, преподаватель гражданского судопроизводства в Императорском Училище правоведения; секретарь Комитета правоведской Кассы. Скончался в Ленинграде; похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

66. Заккит Николай Карлович – выпускник Училища правоведения (77 выпуск, 1916 г.); был на ускоренных курсах Пажеского Е. И. В. корпуса.

67. Юрша Лев Эдмундович – выпускник Училища правоведения (77 выпуск, 1916 г.); подпоручик лейб-гвардии Егерского полка.

68. Кессель Владимир Константинович – выпускник Училища правоведения (77 выпуск, 1916 г.); поручик 20-го Финляндского драгунского полка. Имел Георгиевское оружие. Убит в 1930-х годах.

69. Денисьев Всеволод Иванович – выпускник Училища правоведения (77 выпуск, 1916 г.); корнет Дагестанского конного полка. Георгиевский крест 4 ст.

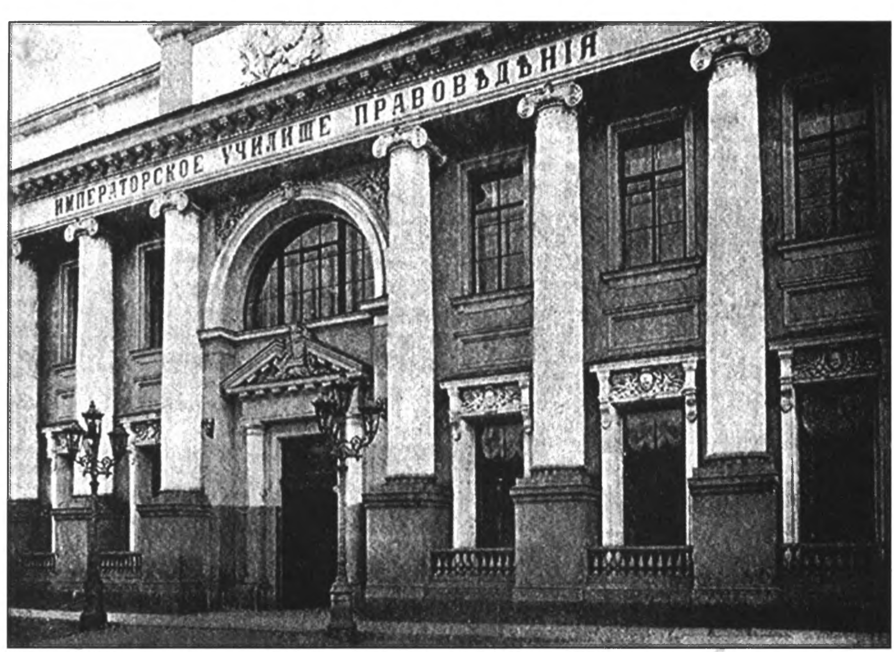
70. Сюзор Георгий Павлович – выпускник Училища правоведения (61 выпуск, 1900г.); статский советник; камер-юнкер, чиновник особых поручений при Министре земледелия. Во время Первой мировой войны состоял при Верховном Начальнике санитарной и эвакуационной части; был членом особой комиссии Верховного совета. В 1918–19 г. и.о. помощника по гражданской части Коменданта Владивостокской крепости. Скончался в эмиграции в 1943 г. Автор трудов: «Ко дню 75-летнего юбилея Императорского Училища правоведения 1835-1910 гг.», «Памяти Друга Человечества – к столетней годовщине со дня рождения Е. И. В. Принца П. Г. Ольденбургского 1812-1912 гг.» и др. Был секретарем Распорядительного Комитета Музея Императорского Училища правоведения. Отец Георгия Павловича – Павел Юльевич Сюзор – выдающийся русский архитектор, академик архитектуры, по его проекту здание Училища перестраивалось в 1893–1895 гг. и 1909–1910 гг., среди многих других, по его проекту построен в 1904 г. дом компании «Зингер», известный сегодня как «Дом Книги».



Оригинальный вид Императорского Училища правоведения до его перестройки



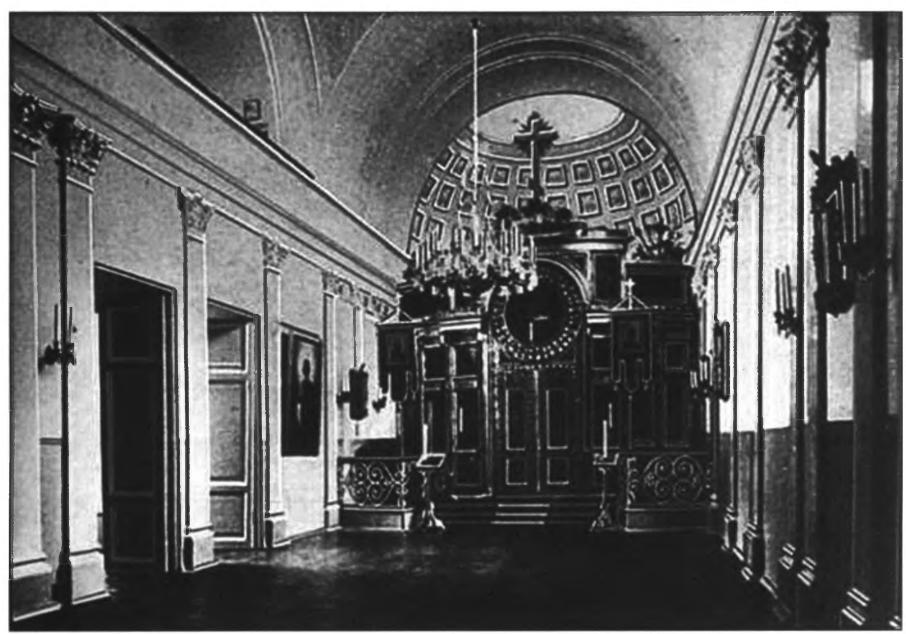
Здание Училища правоведения после перестройки П. Ю. Сюзором в 1893–1895 и 1909–1910 гг. Были убраны 2 центральные колонны и сделан новый вход. Фронтон был заменен ступенчатым аттиком



Главный фасад Училища. Фото нач. XX в



Современный вид Училища. Фото 2015 г.



Церковь Училища правоведения во имя Св. Великомученицы Екатерины, в память матери Принца П.Г. Ольденбургского – Великой Княгини Екатерины Павловны, дочери Императора Павла I

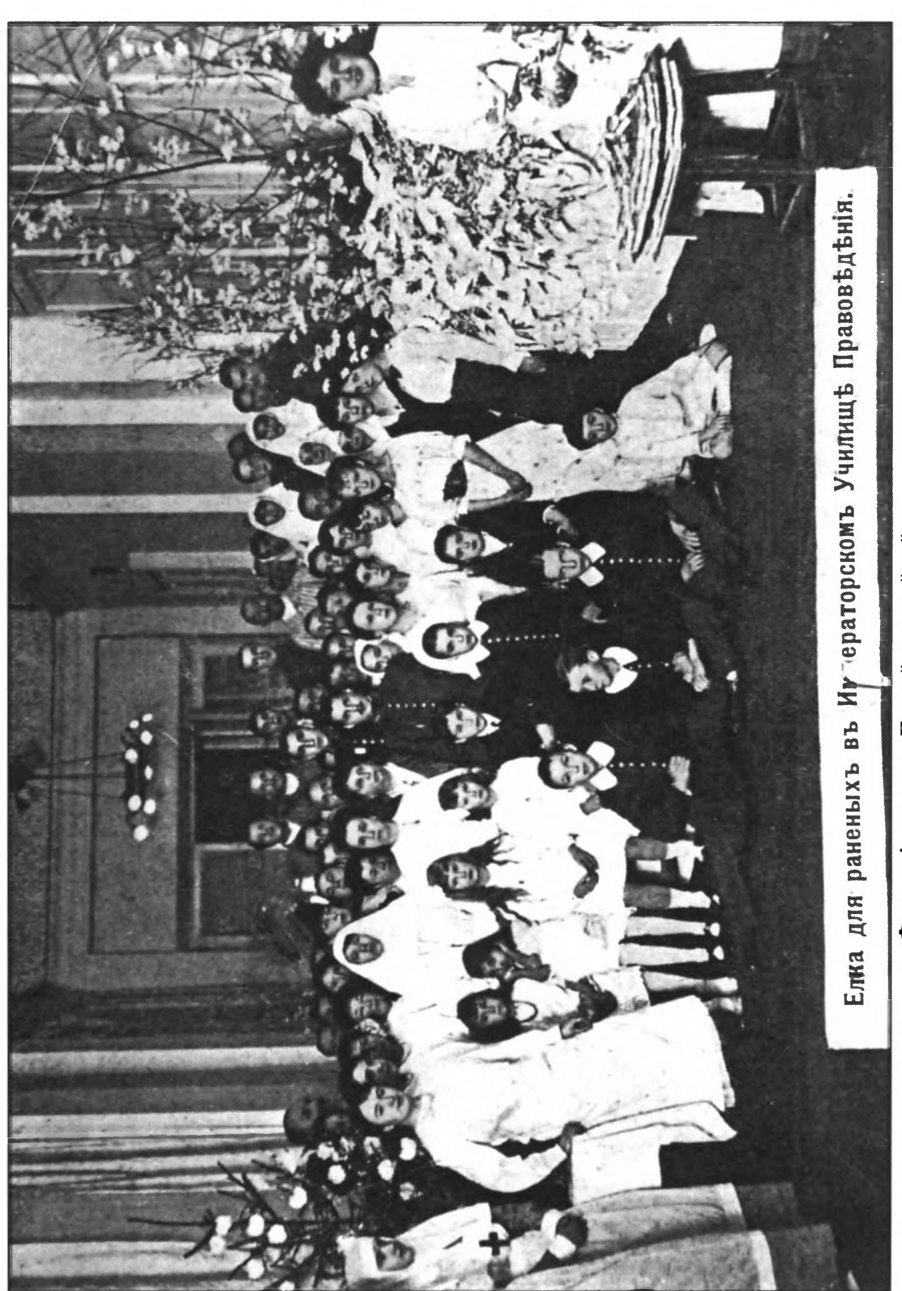


Дом 50 по Сергиевской ул. (ныне ул. Чайковского), здесь жил Юрий Дистерло. Фото 2015 г.

Футбол в саду Училища



Серебряная медаль (жетон) в память 50-летнего юбилея училища. На одной стороне – герб судебного ведомства и надпись «Respice Finem» («учитывая последствия»), на другой – вензель П. Ольденбургского под Императорской короной, год основания и год юбилея Училища



Фотография времен Первой мировой войны



Группа преподавателей Училища в зале старшего курса. На заднем плане – бюст Принца П.Г. Ольденбургского и мраморные доски с именами выпускников – Георгиевских кавалеров. В первом ряду 3-й справа – настоятель церкви св. вмц. Екатерины и законоучитель училища (с 1910 г.) протоиерей Ксенофонт Павлович Виноградов. 5 мая 1917 г. Ателье К. Буллы



Сидят (сл. напр.): Куплеваский, Николай Осипович, тайный советник, профессор государственного права; Виноградов, Ксенофонт Павлович, протоиерей, настоятель церкви Св. Вмц. Екатерины Училища Правоведения; с 1910 – законоучитель; Мицкевич, Захарий Васильевич, генерал-майор, директор Училища Правоведения; Лукьянов, Сергей Михайлович, тайный советник, сенатор, член Государственого Совета, профессор судебной медицины; Стоят (сл. напр.); Трегубов, Сергей Николаевич, тайный советник, сенатор, профессор уголовного права; Гольтгоер, Сергей Александрович, генерал-майор, инспектор воспитанников; Мордухай-Болтовской, Иван Дмитриевич, действительный статский советник, преподаватель гражданского судопроизводства; Страубе, Александр Андреевич, помощник инспектора классов; Чистоткин, Сергей Николаевич, действительный статский советник, главный воспитатель Приготовительных классов



Ю. Дистерло в мундире Преображенского полка. С-Петербург, 1917 г



А. П. Ольденбургский (1844–1932). попечитель Императорского Училища правоведения



REISE PASS

Предъявитель сего Юрій Романовичъ баронъ Дистерло, 26 лѣтъ, православнаго вѣроисповѣданія, состоитъ въ русскомъ подданствѣ, холостъ, отправляется заграницу въ Турцію на свиданіе съ родственниками.

Въ свидѣтельство чего и для свободнаго

REISE PASS

2

REISE PASS

проѣзда данъ сей паспортъ съ приложеніемъ печати. Въ Харбинѣ Августа 17 дня 1921 года.

Бинцзянскій Даоинь и Коммиссаръ по Иностраннымъ Дѣламъ въ Харбинѣ.

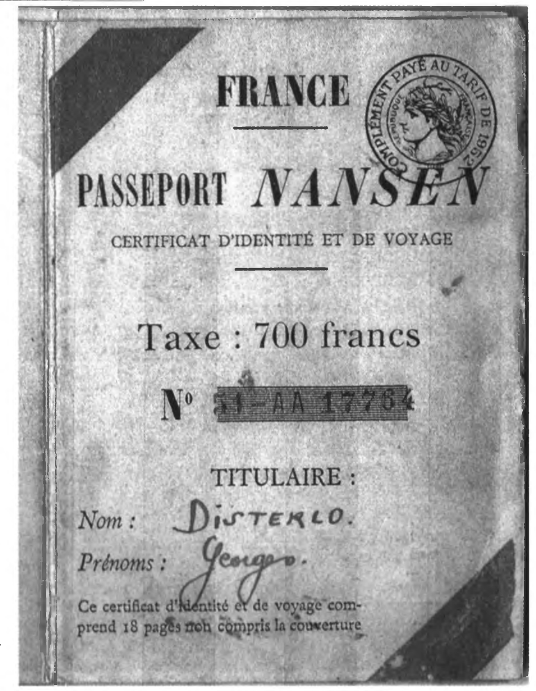
Совѣтникъ по Русскимъ Дѣламъ:

Коммиссаръ по иностраннымъ дѣламъ въ Харбинѣ

3

REISE PASS

Здесь и на стр. 62: страницы паспорта, выданного Ю. Дистерло в Харбине. Такие паспорта до 1922 г. выдавало представительство старого правительства России в Харбине подданным Российской империи, бежавшим из России и оставшимся без гражданства



После 1922 г. для беженцев из России в Лиге Наций Ф. Нансеном был разработан специальный паспорт. Нансеновский паспорт впоследствии выдавался и беженцам из других стран



Правоведы в Париже. Ю. Р. Дистерло – четвертый справа во втором ряду



Ю. Р. Дистерло. Харбин, май 1921 г.



Могила Ю. Р. Дистерло на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа

В. И. Станиславский. Страницы дневников и писем

Автор блокнотных записей – Станиславский Владимир Иванович (18.06.1902 – 16.06.1940) – кадет Полтавского кадетского корпуса, сержант французской армии, Георгиевский кавалер. В годы Второй мировой войны Владимир Станиславский добровольно служил во французской армии в рядах Сопротивления. В декабре 1945 он был посмертно награжден Военным крестом «За подвиги».

Перед нами блокнот – старый блокнот в жестком переплете. Строки, написанные четким почерком почти столетие назад – с «ятями», «ерами» и другими особенностями прежнего правописания – читать нелегко. Это дневник подростка Владимира Станиславского. Вероятно, большинству из нас сразу вспомнится театральный режиссер Константин Сергеевич Станиславский. Вопрос о родственных связях с известным режиссером часто задают дочери автора дневника, Елизавете Владимировне. А она не устает повторять: «Настоящая фамилия режиссера – Алексеев, а Станиславский – его псевдоним. Зато мы – настоящие Станиславские».

Так кто же он, «настоящий Станиславский», автор записей из старого блокнота? У нас нет сведений о его родителях. Мы не знаем, где он родился и жил. Известно одно: дневник он начал писать, будучи кадетом Полтавского корпуса.

Тот самый 1917 год он встретил пятнадцатилетним мальчишкой. Ему, как и всем ребятам этого возраста, хотелось думать о будущем, постигать тайны жизни, размышлять, веселиться, влюбляться. Однако рядом с ним уже не было родителей, но была война. И от подростков время требовало решительности, смелости, ответственности – как от взрослых. И что только ни встречалось на жизненном пути ребят, лишенных отрочества... Вот некоторые фрагменты воспоминаний друзей Станиславского по кадетскому корпусу:

«Конец 1919 года. На дворе декабрь – холодный, сырой, неприветливый. Всюду мокрый снег. Мы, т.е. Добровольческая армия, докатились

до Батайска. Я, малый кадет, такой же, как и многие другие, полетели, как стаи маленьких воробьев, на призыв старших для спасения родины. Малые, неразумные, не разбиравшиеся ни в каких проблемах тогдашнего дня, стали на защиту добра, инстинктивно чувствуя, что красная тряпка, развевающаяся по всей нашей земле, приведет к гибели всё то, чему нас учили и в чём воспитывали. Искренне верили в то, что рано или поздно добро восторжествует над злом.

Мы с гордостью держали в руках в два раза большие нас винтовки, и еще с большей гордостью и святостью носили наши кадетские погоны, которые были нашей святыней и нашей иконой!» (С.Кисель-Загорянский, Сборник воспоминаний бывших питомцев Петровского Полтавского кадетского корпуса. Рукопись. Франция, 1965, стр. 116).

«Около трех часов появился корреспондент какой-то газеты. В своей газете он написал о микроскопическом воине с детским лицом, винтовка которого была больше, чем он, и который был ранен в палец. Лешка Лошунов, дьявольски храбрый, был крайне возмущен этой заметкой и собирался при случае проучить этого корреспондента». (Н.Бугреев. Сборник воспоминаний бывших питомцев Петровского Полтавского кадетского корпуса. Рукопись. Франция, 1965, стр. 114-115).

И не приходится удивляться, что, по воспоминаниям бывшего кадета М.Каратеева, «Из 42-х старших Петровцев, выехавших с Корпусом в Югославию, 22 были Георгиевскими кавалерами (причем некоторые имели кресты 3 ст<епени>, а один – даже второй степени), и только двое из всех не побывали на фронте». (Сборник воспоминаний бывших питомцев Петровского Полтавского кадетского корпуса. Рукопись. Франция, 1965, стр. 135).

В числе Георгиевских кавалеров был и юный автор дневника. Короткий жизненный путь Станиславского проходил через события, оказавшиеся судьбоносными как для России, так и для ее изгнанников. За лаконичными в самом начале и более подробными потом строчками дневника сложно разглядеть личность человека, прожившего недолгую, но достойную жизнь. И всё же чудом сохранившийся блокнот, разделивший с хозяином невзгоды первых лет его надломленной жизни, позволит нам прикоснуться не только к судьбе этого юноши, но и к событиям давно ушедших дней.

Первое упоминание о военной службе Владимира Станиславского, предваряющее дневниковые записи, находим в его архиве, в списке о прохождении службы: «Поступил добровольцем в Кадетскую роту в городе Полтаве – 1919 года октября месяца 6 числа».

«Если Вы до сих пор не забыли меня, я пишу Вам стихами на тему...»

Записи из блокнота артиллериста-марковца и ахтырского гусара В. И. Станиславского (1919—1926 гг.)

Ноября 21/4 декабря 1919

Эвакуация корпуса из Полтавы. Приехали во Владикавказ[1].

Март 1 1920

Записали в 5 гарн<изонную> батарею 21 арт<иллерийской> бригады V класса 13 человек.

Март 7-8 1920

Выступили с батареей на Грузинскую дорогу.

Март 10-11 1920

Вербное воскресенье. Перешли границу Грузии. Приехали в Поти в лагерь на берегу моря.

Апрель 6-7 1920

Выехали в Крым на пароходе «Кизил-Арват».

Апрель 9-10 1920

Прибыли в Феодосию.

Апрель 26-27 1920

Выехали на станцию Сарабуз, 18 верст от Симферополя. Бригада переформирована в тяжелую; дивизион в 11 тяж<елую> позиционную 6 дм Канэ[2].

Май 1-8 1920

Приехали на станцию Сарабуз. Получив обмундирование, откомандировались в кад<етсткую> роту при Констант<иновском> Воен<ном> Уч<илище>[3].

Май 10 1920

Приехали в интернат в Феодосию[4].

Май 15 1919

Ночью удрали на фронт 9 человек V класса.

Май 18 1920

Прибыли в Армянский Базар[5].

Май 19 1920

Записались в 1 генерала Маркова бат<арею> Арт<иллерийской> ген<ерала> Маркова бригады. Попал в пулеметную команду[6].

Май 24-25 1920

Ночью выступили на позицию. Меня оставили с вещами.

Май 25 1920

Наступление.

Май 30 1920

Приехали в Дмитриевку.

Июнь 19 1920

Выступили из Царицына хутора в Каховку (ночью на 20).

Июнь 30 1920

Выступили из Каховки на Александровский фронт[7].

Июль 6 1920

Прибыли в Васильевку.

Июль 12 1920

Подошли к Янчекраку. Хорошо обложили нас тяжелыми снарядами и очень метко. Вечером заняли село[8].

Июль 13 1920

Утром большевики с боем заняли Янчекрак. В батарее большие потери. 10 человек ранено, 1 убит, и 18 лошадей выбыло из строя. Меня и Лошунова перевели на пополнение в 4-е орудие, а Сулиму во 2-е орудие.

Июль 15 1920

1 взвод поехал и приехал на пополнение в Васильевку.

Июль 20 1920

Присоединились к батарее в Янчекраке.

Июль 23 1920

Встали в заставу на высотах за Янчекраком в прорыве (1 взвод), а ночью отошли на Васильевку.

Июль 25 1920

Наш 1-й взвод отбил атаку конной дивизии Буденного[9].

Июль 26 1920

Дежурил 2-й взвод. Вызывали.

Июль 27 1920

1-й взвод подбил автоброневик, который потом взяла пехота.

Июль 28 1920

Спокойно.

Июль 29 1920

Рано утром выехали всей батареей. Мы на свое место, 2-й взвод – правее. Били на пр. 16 прямой наводкой. Несколько раз меняли позицию и отходили, а потом снова заняли старую. 2-й взвод здорово обложили, но они драпнули благополучно. Когда они вернулись, их окружили, и они еле вырвались. Вернувшись, стояли до вечера без снарядов. Подъехали 2 автоброневика и обстреляли их из пулеметов. Наши и броневики драпнули в разные стороны. Убило Абазова, ранило Леоновича и несколько лошадей. Выпустили за день 1300 снарядов.

Июль 30 1920

Ходили купаться. Недалеко от Голованова и Кривошеина разорвалось два 6 дм.[дюймовых] снаряда.

Июль 31 1920

Спокойно.

Август 1 1920

К вечеру выехали на позицию, и там ген<ерал> Машин[10] произвел нас в бомбардиры.

Август 2-3 1920

Занимали с боем свою позицию и выбивали оттуда пулеметы.

Август 4 1920

Дежурили спокойно на Лысой Горе[11].

Август 6 1920

Отошли на Бурчацк. Во время боя на наблюдателе убило командира полка Шперлинга[12]. Ночью отошли на Михайловку.

Август 7 1920

Спокойно.

Август 8-10 1920

Небольшие бои. Новый командир полковник Харьковцев[13].

Август 11 1920

1-й взвод в отделе против кавалерии с 2-м Дроздов<ским> спешенным[14] и 1 ротой.

Август 12 1920

Наступление.

Август 13 1920

Заняли Васильевку.

Август 14 1920

Наше орудие дежурило на Лысой Горе. Адский обклад тяжелыми снарядами. Отошли на Бурчацк. Наше орудие поехало на поправку в Михайловку.

Август 17 1920

Догнали батарею и двинулись всей дивизией на с <ело> Орлянку. Потерял пояс. Прострелило осколками французской гранаты мои брюки. Наше орудие все время работало с командиром Харьковцевым.

Август 18 1920

Бой под Орлянкой. Заняли ее и подошли к С(келькам? *–неразборчиво*) и вернулись в Орлянку. Через несколько дней вернулись в Михайловку. До 4 сент<ября> спокойно, без боев стоим в Михайловке на позиции 2-го взвода. 2-й взвод меняет тела орудий в хозяйств<енной> части.

Сентябрь 4 1920

Наступление. Заняли Васильевку. Подбили с Лысой Горы бронепоезд и заняли хутор.

Сентябрь 5 1920

Пошли дальше. Под Янчекраком обложила тяжелая шрапнель. Ночевали в Янчекраке.

Сентябрь 6 1920

С боем заняли город Александровск.

Сентябрь 7 1920

Наше орудие выступило с Черноморским конным дивизионом в с<ело> Мало-Михайловку.

Сентябрь 10 1920

Ездили против бандитов в с<ело> Андреевку на берегу Днепра с дивизионом.

Сентябрь 16 1920

Ездили с кон<ным> дивизионом в обход села Васильевки, чем отрезали группу «товарищей».

Сентябрь 18 1920

Я и Лошунов выехали в Александровск.

Сентябрь 20 1920

Собравши 8 человек V класса, ночью на 21 выехали в корпус в Ялту.

Сентябрь 23 1920

Севастополь – на пароходе «Киев» приехали в Ялту.

Сентябрь 24 1920

Утром явились в Ореанду в Корпус[15].

Октябрь 13-14 1920

Приехали в Массандру. Пропали все вещи.

Ноябрь 1 1920

Эвакуировались на пароходе «Христи»[16].

Ноябрь 4 1920

Приехали в Константинополь.

Ноябрь 17-18 1920

На пароходе «Владимир» поехали в Бакар.

Ноябрь 25 1920

Приехали в Бакар недалеко от Фиуме[17].

Ноябрь 29-30 1920

Высадились и поехали на поезде.

Декабрь 1/14 1920

Приехали в Стрнище при Птуе в лагерь[18].

Декабрь 16/29 1920

Настал универсальный век,
Прогресс все время все меняет:
Курил из трубки человек,
Теперь же трубкою стреляет
На семь верст.

Теперь другие времена,
Другие прихоти у света.
Был раньше хобот у слона,
Теперь же хобот у лафета
На конце.

Тот не по моде, господа,
Кто нынче бороду не бреет.

У пушки тоже борода,
Но пушка бороды не бреет.
Ей нельзя.

Франтихи муфтой меховой
Спасают пальчики от стужи.
Что нам до муфты меховой,
Когда у пушки есть не хуже!
На стволе.

Сам полководец Ганнибал,
Давая кучеру на водку,
Того, наверное, не знал,
Что будут изучать наводку
Юнкера.

И думала ль его жена,
Идя с корзиною с базара,
Что у лафета не одна,
А тех корзинок будет пара.
Т.е. две.[19]

Апрель 11/24 1921

В 1 ч. ночи Е<вгений> Беляков (VII- I)[20] бросился под поезд. Его всего исковеркало.

Апрель 20/3 мая 1921

В 10 ч. вечера застрелился в бараке № 4 Илясевич (VI – 3). Еще жив. Арестовали Хоцянова. Есть какая-то связь между Беляковым и Илясевичем и Хоцяновым. Кажется, существует «Клуб самоубийц»[21]. Был вечер, обещавший быть превосходным, но его сорвали. Утром исчез из младшей роты кад<ет> Парамонов.

Апрель 21/4мая 1921

В 1 ч. дня Илясевич умер. Парамонов нашелся еще вчера. Сегодня донской сапожник, пьяный, пытался повеситься, но его спас Цыбульский. Посадили сапожника под арест.

Был у Хоцянова. Сказал мне довольно загадочную фразу насчет меня и моего трупа. Отрицает «Клуб самоубийц» и уезжает завтра.

«Клуб», кажется, существует, и члены его несколько просвечивают: Мальцев, Хоцянов, Львов, Каратеев, Григоросуло, Васильев, Потемкин[22] и др<угие>. Будто Директору и воспитателю Трофимову[23] прислали записки-анонимки с обещанием угробить, если они не прекратят расследования.

Вечером на вокзале какой-то господин загипнотизировал Чернавина и выпытал у него много из наших событий. Чернавин ничего не помнит. Хоцянова арестовали опять. Записок никаких не было, а только дошли слухи до Директора. Создается масса теорий, как личного, так и политического характера, и все очень печальные и страшные. Кадет Кунаков поставлен следить за Львовым, ибо что-то с ним неладное. Часов в 9-10 арестовали Львова, Григоросуло, Старка, Жукова, Потемкина, Липина и Шокотова. Они арестованы в общей комнате, с ними 3 воспитателя и 4 жандарма. В роте настроение приподнятое, нервы взвинчены до крайности. Уже дошли до того, что мы не уверены друг в друге, кажется, что кругом одни самоубийцы и страшные заговорщики. Заснули очень поздно, ч<асов> в 12.

Апрель 22/5 мая 1921

Сегодня рано утром всех арестованных 7 чел<овек> отправили в Птуй и, кажется, дальше в Белград. Липин и Шокотов винят и благодарят Зубрицкого, а главное Кунакова, язык которого, кажется, скоро подведет многих. Приходил Директор и говорил по отдельности с нами. Говорил, что Хоцянов – сын жида-выкреста, преподавателя Псковского к<адетского> корпуса, и что он – член большевистской организации, что он, будто бы, провожал Белякова до поезда[24]. Указывал на то, что у него появилось много денег и т<ому> подобн<ое>. Арестованных отправляют на излечение в распоряжение Военного Агента. Чернавин и Фиалковский встретили гипнотизера. Это оказался больной. Он городил всякую околесицу и т<ому> под<обное>, и ничего не добились от него. Арестованных привезли обратно. Я и Кунаков отнесли им вещи. Липина и Шокотова в Птуйе допрашивали в полиции и доктор, и нашли, что все, кроме Липина и Старка, больны. Хоцянов действительно этого происхождения. Он сидит в карцере и плачет. Завтра его везут в Белград.

Апрель 23/6 мая 1921

Ночью как будто бы что-то замышлялось. Якобы Попов, Скородумов и несколько других что-то хотели устроить, и несколько человек VI-2 сидели всю ночь и следили за ними. VII-й класс, видимо, не доверяет себе и поручает слежку и т.п. нашему отделению. Перекрестов тоже, кажется, принадлежит к ночной компании.

Арестованных сегодня утром отправили в Белград с кап<итаном> Жировченко и кап<итаном> Шестаковым[25] и одним переодетым жандармом. Хоцянов, под конвоем, тоже поехал. Сегодня отделенный праздник VI –I. С арестантами поехали Ла-

заревич и Каратеев. Илясевича похоронили, т.е. закопали, или вчера вечером, или ночью – только его в мертвецкой нет.

Май 1/14 1921 пятница

Вечером на музыку приехал Военный Агент генерал Потоцкий[26]. Вечером была зоря с церемонией.

Май 2/15 1921 суббота

Утром был парад. Потом обходил генерал бараки, потом был парадный обед в кавярне[27], музыканты там играли, а вечером в 13 бараке ставили «Иванова Павла» и танцы в кавярне. Лезгинку танцевали Козырев и Келеушев.

Май 3/16 1921 воскресенье

В 10 часов утра Потоцкий прощался с корпусом, и мы, музыканты, провожали его даже по дороге в Птуй. Нам дали куличей и котлет и т.п.

Май 10/23 1921

Днем приехал командующий 4 армии и Инспектор пехоты вместе с Директором Мариборской В<оенной> Реалки с женой и сыном[28]. Был парад, обход по баракам, потом парадный обед в кавярне. Нас пригласили на четверг в Марибор. Проводили с помпой и музыкой. После проводов мы, музыканты, закусили вместе с Директором в кавярне.

Май 13/26 1921

В 10 часов утра поехали в Марибор музыканты, певцы, Георгиевские кавалеры, по 25 чел<овек> от каждой роты – всего 130-150 чел<овек>. Дали 2 вагона. Доехали с музыкой. По приезде на станцию пошли по командам обедать в различные рестораны. В 2 часа пошли в Воен<ную> Реалку. Встречи никакой, приема тоже. В парке киоски и разукрашения. Пошли в бассейн купаться. Потом встречали коменданта города. Музыканты сыграли две вещи на эстраде и потом разошлись. И больше ничего. Скука отчаянная. Сербские кадеты даже не подходят. Вообще черт знает что такое! Все как будто сговорились против русских. В 9 часов вечера нас попросили играть танцы; перед этим сербский директор нагрубил капельмейстеру и вообще нахамил музыкантам. Бабам, гг. педагогам дали поужинать. Остальным привезли ужин из Стрнище. Вечером играли танцы до 1ч. ночи. Дали торт. В 1 ч. ночи пошли спать в приготовленное помещение наверху. Нас осталось человек 70, остальные уехали. Спали, правда, хорошо, но в 5 ч. утра встали.

Май 14/27 1921

Встали в 5 ч. утра, пошли на вокзал. Пили кофе с куличом. Потом поехали и приехали в лагерь.

В одно из воскр<есений> мы поехали опять в Марибор с музыкой. Там был праздник в нашу пользу. Был концерт почти исключительно нашего исполнения, потом танцы. Все происходило в Воен<ной> Реалке. Относилась публика ничего себе. В буфете денег не брали, но кадеты по-прежнему держатся далеко. На другой день рано утром уехали в Стрнище.

Май 21/3 июня 1921

В день тезоименитства В<еликого> К<нязя> Константина Конст<антиновича>[29] учрежден корпусный праздник К.К.К. Был парад и прибавка баллов мин. с 6-7. Вечером – вечер в кавярне.

Июнь 27/8 июля 1921

В день Полтавской битвы и праздника П<етровского> П<олтавского> К<адетского> К<орпуса> был пикник в лесу, снимались 2 раза, некоторые нагазовались, а вечером – спектакль в 13 бараке.

Июнь 28/11 июля 1921

Вечером Перекрестов покушался повеситься, но его сняли с дерева и принесли в барак. На другой день его отправили куда-то лечиться.

Июнь 29/12 июля 1921

В этот же день приехали «самоубийцы», загорелые и здоровые. Через несколько дней начал чудить Вовченко. Мне и Кунакову пришлось за ним следить и ночью. У него какая-то венерическая болезнь. Кажется, у Перекрестова тоже. Его тоже отправили куда-то. Ходят слухи, что их совершенно убрали в дисциплинарный батальон в Панчево.

Июль 15/28 1921

Мои именины, Директора тоже. Был молебен и поздравления. Колпак пригласил меня и Банана[30] и накачал. Он тоже именинник. Провели вечер очень весело, хотя я и оказался невменяемым. Решили преподнести Колпаку серебряный мундштук. Собрали 250 динаров.

Июль 16/29 1921

Банан купил в Птуе мундштук; преподнесли его Колпаку, очень доволен и т.п.

Июль 24/6 августа 1921

В Птуй приехал наместник короля и его музыканты. Ходил наш почетный караул – именинники Борисы: Финне, Сулима, Липин.

Июль 27/9 августа 1921

Голодовка в пользу голодающих на Руси[31].

Август 15/28 1921

Играли состязание Мариборск<ая> ком<анда> « Славия» и наша первая. Дали им 7-0.

Август 26/8 сентября 1921

Ходили в замок Вурберг на горе в 15 в<ерстах> от Стрнище – хоронить кадета Пылева: музыканты, певчие и VI-3. Встретил там Загурского, кад<ета> 2 к<орпуса>[32]. Великолепный вид и прием тоже ничего. Заведует санаторией ген<еральша> Духонина[33].

Август 27/9 сентября 1921

Утром выступили одиночным порядком назад. На пароме купили яблок и пришли в Стрнище. Вурберг основан в 1475 г. Существовал уже при Василии III.

Август 29/11 сентября 1921

Прибавили поведение с 7-8[34].

Сентябрь 5/18 1921

Именины мамы. Приехала из Птуй команда «Марич» и нашей 3-ей команде дали 12-2, но можно считать, что 12-0.

Сентябрь 12/25 1921

Сливки – Попов, Монин и др<угие> уехали в Белградский университет.

Сентябрь 19/2 октября 1921

1 и 2 футбольные команды ездили в Птуй.

СК.Р – дали 3-4,

Драве – дали 0-8. Здорово мотали.

В Стрнище было словенское гулянье в кавярне, с лотереей, музыкой, продажей.

Сентябрь 21/4 октября 1921

Вечером был концерт в пользу наших уезжающих студентов. Приехал и играл квартет: 2 женщ<ины> и 2 мужч<ин> – знаменитость г-жа Пеликан и м-ль Машер и т.д. Играл наш оркестр, пели и т.д. Очень прилично. Потом танцы в кавярне. Играли отчаянно.

Аукцион, лотерея и буфет. Настроение убийственное. Петров поругался с капельмейстером.

Октябрь 1/14 1921

В нашем лазарете умерли от скарлатины Экстен VI-3 и Козлов 3-й роты от туберкулеза костей, а от чахотки Албаков[35].

Октябрь 2/15 1921

С утра хоронили с музыкой Козлова. Экстена раньше свезли на кладбище как заразного. Играл оркестр, как никогда скверно. Вечером музыканты 20 человек, певчие 60 ч<еловек> поехали в концерт в Марибор. Была репетиция, а в 8 ч. в<ечера> начался концерт. Играл симфонический оркестр под управлением Цыбулевского. Играли Глинку, Чайковского, Огинского и Венявского. Пел хор под управлением Комаревского[36], хорошо пели. Играла тоже Бранд – Пеликан, и то же, что у нас. Пел то же самое Комаревский; последняя увертюра 1812 г. шла с нашим участием. Играли «Спаси Господи», «Боже Царя храни», «Финал». Вместе с хором очень хорошо получилось. Произвели фурор. Цыбулевскому преподнесли букет.

Октябрь 5/18 1921

Праздник Владикавказского корпуса. Играли зорю. Оделись все одинаково и чисто, с новыми погонами. В кавярне был обед.

Октябрь 11/24 1921

Ночью выпал первый снег: сразу после такой осенней погоды порядочный слой снега. Затопили печку. В бараке только наш класс, бывший 7-й в другом бараке, за кухней.

Октябрь 15/28 1921

День сугубых. С самого утра до 12 ночи цукали 7-й класс, некоторых совсем зацукали[37], но в общем прошло все благополучно. Погода сухая и теплая. Снега и следа нет, в этот промежуток времени стаял весь.

Октябрь 16/29 1921

Прибавили поведение с 8 на 9.

(Constantinople, Pera place du Tunnel Metrohan Societe Ottoman d'Electricite Ingenieur S. Weselovsky //pur Marianne)[38].

Ноябрь 1/14 1921

Перешли в 7-й класс. Остались на второй год из нашего отделения Бурман, Манин, Максимович, Козырев и Ревишин. Был Молебен. Сегодня годовщина нашей эвакуации из России.

Ноябрь 4/17 1921

Начались занятия, по 3 урока в день – 2 математики и 1 русский. В нашем отделении – Соколов, Мартынов и Горанин 2-й и перешли Тимченко и Гидзинский.

Принял отделение полковник Самоцвет[39]. Произвели в в<ице>-ф<ельдфебели> Соколова, в в<ице>-у<нтер-офицеров> Козлова, Кульбицкого, Зубрицкого и Куторгу.

Ноябрь 8/21 1921

Праздник Тифлисского, 2 Московского, Орловского, Воронежского корпусов. Кадеты этих корпусов празднуют свой праздник. В 7 ч. состоялась передача традиции[40]. Читали очень интересно назначения:

Генерал – Кулябко
Полковник – Соколов
Ротмистры–Телепнев, Перекрестов
Ассистенты – Сулима, Станиславский
Адъютант – Кунаков
Члены – Бируля, Куторга, Бунин
Шт<абс>- рот<мистр> за выслугу лет – Мартынов

Ноябрь 18/2 декабря 1921

Праздник присоединения Словении к СХС <Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев>.

Ноябрь 22/5 декабря 1921

Канун праздника 2 к<адетского> к<орпуса>. Получил поздравление от Леймана. Передали мне права старшего кадета к<адетского> к<орпуса>. Будет ходатайствовать о разрешении мне показа 208 выпуска. Вечером ходили к Деду[41]. Ничего не дал, только испортил настроение.

Ноябрь 23/6 декабря 1921

Праздник 2 ИПВК< кадетского Императора Петра Великого корпуса>. После обеда дали котлет с жареной картошкой и пряник. День самый обыкновенный, только одни воспоминания.

Ноябрь 24/7декабря 1921

Праздник 1 М ИЕ <Первый Московский императрицы Екатерины II Кадетский корпус>. Директор пригласил всех старших кадет VII кл<асса>, генерала и атамана.

Получил телеграмму с поздравлениями из Белграда, от всех нам. Очень обрадован этим до глубины души.

Ноябрь 26/9 декабря 1921

Георгиевский праздник[42]. Утром парад принимали Георгиевские кавалеры из офицеров – ген.-лейт. Готуа, полковники Зерянский, Краснобулинский, Ржевуцкий, Червяков.[43] Кадеты все в черных брюках и новых защитных рубахах. Потом обед в кавярне. День очень теплый и хороший.

Декабрь 1/14 1921

Сегодня ровно год, как мы приехали в Стрнище. Готовимся к 6 декабря. Погода такая же, как год назад.

Декабрь 4/17 1921

День сугубых. Вечером приехали студенты С., Попов и Петров из Загреба. Лазаревич, Левшин, Михайлов, Кодинец, Беляев, Самойлович, Ревишин и др<угие> и пограничники.

Декабрь 5/18 1921

Панихида в церкви и всенощная. Первый раз одели жетоны.

Декабрь 6/19 1921

Утро – зоря. Потом в церковь на обедню, после – на молебен. На молебне было очень мало, и когда Директор вышел поздравлять, то вышло черт знает что.

Потом в школе обед. Дед не был, а привел Ромашкевич[44]. Играл оркестр. Владикавказцы очень любезны.

Потом в кавярне вечер с 9 часов. Кавярню украсили шикарно. Была мазурка, «ванда» <>, танцевал с Марианной, говорят, что почти лучше всех. Вечер прошел блистательно, еще такого не бывало.

После вечера попойка, на которую пригласили Руссияна[45], Самоцвета и Вербицкого. Надрались и кончили в 5-м часу.

Декабрь 18/31 1921

Сегодня утром Свечников убил из ревности немца-доктора.

Декабрь 19/1 января 1921/1922

Переехали в 1 барак на 2 отд<еление> VII кл<асс>. Очень хорошо устроились, тепло и уютно.

Декабрь 24/6 января 1921/1922

Ходил вечером в церковь. Вечером кутья с пирожками и узвар.

Декабрь 25/7 января 1921/1922

Рождество Христово. Утром в церковь, после с визитами. Елка в 5-й роте.

Декабрь 26/8 января 1921/1922

Танцевальный вечер 1-й роты. Прошел довольно хорошо.

Декабрь 27/9 января 1921/1922

Елка в 4-й роте.

Декабрь 31/13 января 1921/1922

Вечером в 12 ч. в церковь, а после заняли у Деда денег, встречали шпаной в 6 человек Новый год у себя в бараке №1. Немного выпили и хорошо провели время.

Январь 1/14 1922

С утра с визитами, вечером – танцевальный вечер. Прошли для меня весело, танцевал и получил приглашение на вечеринку к Наташе Карповой.

Перевели на 1-й корпус.

Январь 4/17 1922

Был на вечере у Н. Карповой. Скучно даже очень.

Январь 5/18 1922

Умерли от скарлатины кад<еты> 2-й роты Фридман и Сладков. В корпусе эпидемия скарлатины.

Февраль 10/23 1922

Вчера началась масленица, были блины. Заболел скарлатиной Кирпотенко VI-2 и VI кл. Беляев. Делали осмотр.

Февраль 11/24 1922

Получил из Петрограда письмо от тети Маши, узнал адрес мамы. Об папе ничего.

Февраль 15/28 1922

Словенцы хоронили зиму. Похороны жалкия сравнительно с прошлогодними.

Февраль 16/29 1922

Ночью приезжал Старк с Итальянской границы. Говорил, что Погоржельский во время ловли контрабандистов попал под поезд. Его исковеркало, и он умер.

Февраль 26/11 марта 1922

Было в лесу на овраге побоище со словенцами. Кажется, почти угробили одного полусумасшедшего старика словенца.

Март 1/14 1922

Вчера вечером был митинг 7 класса в 1-м бараке. Возмущались Миляшкевичем, Медведевым[46] и пр. Решили на сегодня уроки отменить. Утром после поверки по моему сигналу весь 7 класс

ушел в лес. Потянулся и 6-й, но его частью остановили. Звери[47] подняли гвалт, называют большевиками и пр. Решили не извиняться, а требовать извинений от зверей. Дед будто бы собирается уезжать. Из-за Тихомирова-1, 7-3, поданы докл<адные> записки, но Тих<омиров>-1 извинялся и плакал. Если кого-либо выпрут, уходим все.

Март 2/15 1922

Утром была панихида по Г<осударю> И<мператору> и Августейшей Семье и всем прочим. 5-летие со дня отречения от престола. После церкви Дед принял Кулябко и Протопопова. Требовали извинений, а в противном случае уйдем из корпуса. Дед уходить не собирается, но, видимо, согласился. Если нет, то подаем докладные. Вечером получил письмо из Полтавы от мамы. Очень короткое письмо. Об отце ничего неизвестно. Мне кажется, что его нет в живых.

Март 10/23 1922

Вчера причащался св<ятых> Тайн. Получил письмо от Марианны. Сегодня получил письмо от мамы из Полтавы. Дядя Вася зверски убит. Катя вернулась и т.д. Много интересного.

Март 14/27 1922

Послал письмо маме в Полтаву.

Март 16/29 1922

Послал письмо тете Мане в Петроград.

Март 23/5 апреля 1922

Получил письмо от тети Мани. Весной, говорят, у них будет война.

Март 30/12 апреля 1922

Именины папы. Вчера выпал снег, адски холодно. Но сегодня с утра моментально растаяло и тепло. Вчера приехали юнкера и студенты на Пасху. Третий день Генуэзской конференции[48]. Баня.

Апрель 1/14 1922

По составленной протекции посылают в Загреб отвезти подарки Гернгроссу[49] и студентам. Дед дал на дорогу всего 70 динар.

Апрель 2/15 1922

В 5.45 поехал в Загреб с пересадкой. Приехал в 11 ½. Был у генерала Гернгросса. Знает папу. Обедал, пили кофе с пирожными и смотрели их город. Обратно ехал со Сковородовым. Выехал в 4.15, приехал в 10.30. Ящик студентам из багажа не дали – очень

неприятно. Когда приехал и явился к Деду, он дал мне золотые погоны. Произвели в в<ице> у<нтер-офице>ра. Поспел к заутрене.

Апрель 3/16 1922

Пасха. После церкви разговены в 22 бар<аке>. Играли марши. Были пограничники из четы <части> и границы, солдаты и офицеры. Дали по куску свинины, кулича, 3 яйца и сырной пасхи. В бараке громадная попойка и скандал. Утром ходили с музыкой провожать пограничников.

Апрель 4/17 1922

Танцевальный вечер в кавярне. Вечер порядочно скверный – без электричества и т.д. Капельмейстер поругался с Дедом и, кажется, хочет уезжать и забрать ноты. Музыканты всю ночь переписывали ноты, чтобы иметь дубликат. Кап<ельмейсте>р, кажется, пронюхал и во время вечера ходил около кавярни.

Апрель 7/20

Спектакль в 22 бар<аке>: «Завтрак с предводителем» и «Медведь». Играли неважно. И танцев не было, т.к. 1) Дед не позволил, 2) капельмейстер не дал нот.

Вечером капельмейстеру выбили стекла. Белявский, Васильев и Леонович уехали в Николаевское Кав<алерийское> Училище.

Апрель 12/25 1922

VII-2 с утра не вставали с постелей. Вечером на комитете исключили Кулябко, Финне и Кунакова с правом перевода в другой корпус. Ходили к Деду, но ни к чему не привело.

Корн<етский> Ком<итет> решил в случае плохого исхода уйти из корпуса, а также и выпуск. Соколов уходит из корпуса[50].

Апрель 13/26 1922

После нового ходатайства перед Дедом ушли с уроков и решили подать докл<адную> записку. Мартынов, Есаулов и Гедзинский отказались.

Из VII-3 уходят Куторга, Телепнев и кн. Оболенский. Остальные нет. Вечером уехали в Ник<олаевское> Кавал<ерийское> Училище Гулевич, Черняев, Поляков, Цыбульский, Еперов, Канторович, Лошунов[51].

Перекрестов взял назад свою записку.

Апрель 14/27 1922

Переписали записки на беженское положение. Перекрестова простили, и он снова написал записку. Получил письмо от мамы

из Полтавы. Вечером после поверки поднялся кавардак со 2-й ротой. Весьма сильный.

Апрель 15/28 1922

После обеда Дед перед ротой сказал речь и сказал, чтобы отправить подавших докладные записки в Белград, в 5 ч. Я взял старые сапоги от сапожника. К 5-и часам не успели собраться и остались до 10 ч. вечера. Когда относил Деду долг (30 динар), он предлагал остаться и обещал не забывать меня хорошей памятью. Слыхал от Гидзиевского, что меня назначили в фельдфебели. Деньги мне оставил. Вечером отслужили молебен и в 10 ч. в<ечера> при многочисленном собрании кадеты уехали. Самоцвет поехал с нами. Меня назначили старшим. Всего поехало 22 человека. Оставшихся посадили на прежнее положение. В поезде написали приказ и послали со станции Чаковец.

Апрель 16/29 1922

В 7 ч. у<тра> приехали в Загреб и пошли к студентам. Смотрели на учение подофицерской школы. Им бьют морды. Вечером походили по городу. В 9 собрались на вокзале. Матвей достал ½ вагона и билеты заранее. С вагонами неприятность. В 10 ч. в<ечера> поехали в Сремски-Карловцы. Переписали билеты до Белграда. Народу масса.

Апрель 17/30 1922

Воскресенье. В 10 ч. у<тра> были в Винковцах. Умывались. По дороге испортился среди поля паровоз. Запоздали. Вместо 4-х приехали в 8-м часу. Я с Матвеем пошел к Воен<ному> Агенту, а кадеты в <трамв. парк Александр ВО – *неразб.*>. К Военному Агенту завтра в 9 ч. утра. Ночуем в столовой.

Апрель 18/1мая 1922

С утра взяли с вокзала вещи, и в 9 ч. я пошел к Матвею. От него пошли к Воен<ному> Агенту. Разговаривал с полковником Базаревичем. Дал 4 выхода. Назначил придти в 4 ч. дня. Ходил к Славке Попову, который ждет наших против вокзала. Был у него в бараке. Потом пошли в город. Город больше Загреба, но менее европейский, ближе к славянскому. Обедал и ел национальное сербское кушанье «джувечь». Пошли в парк над Савой. Встретили Леймана и Женеленко. Потом двинули к Воен<ному> Агенту. По дороге повстречали жидовские похороны.

У Воен<ного> Агента говорили с Базаревичем и Потоцким[52]. Едем в корпус. Потоцкий нас винит меньше, чем персонал, но Ковалевскому[53] – 3 суток на хлеб и воду. А наши пройдут по корпусам.

Встретили Васильева. Ужинали с вином. Завтра уедем.

Апрель 19/2 мая 1922

К 10 ½ собрались на вокзале. Прибежал Кунаков и сказал, что нас требует г<енерал> Врангель. Матвей пьяным явился за бумагами к В<оенному> А<генту> и нарвался на Врангеля. Его отчислили от Армии.

Побежали к В<оенному> А<генту> и встретились у него в кабинете. Г. Врангель поздоровался и сказал небольшую, но сильную речь. Потом вызвал меня и приказал мне везти команду в корпус. Я получил бумаги и деньги и пошел на вокзал. Билетов не дали, пришлось бежать в Министерство, куда опоздал. Потом искал шефа станции и, в общем, мы остались. Встретил Петрова. Он угостил кофе с пирожными (калач). Встретили 3 похорон. Ночевали с Куторгой у студентов из Белграда.

Апрель 20/3 мая1922

С утра получил деньги на покупку билетов. Ходил к Матвею. Он в отчаянии и хочет ехать в Россию. Приехал Дед и Колосов. Мы скорее на вокзал и, получив билеты со скидкой, поехали по 4 человека на билет компаниями. Устроились сидеть.

Апрель 21/4 мая 1922

В 5 ч. у<тра> приехали в Загреб и пошли есть пирожные и кофе. В 11 ч. поехали на Чаковец. Устроились хорошо, по ¼ билета, сэкономили по 52 дин<ара>. В Чаковце обедали. Приехали в Стрнище в 8.30 ч. в<ечера>. В бараке встретили хорошо, с восторгом. Явился и удивил полк<овника> Маслова[54]. Бунин много разболтал об Самоцвете и теперь все знают об этом, хотя мы скрываем.

Апрель 22/5 мая 1922

Все звери в панике. Про Мотьку ходят небылицы. Весь день ходят кучками и расспрашивают об ген<ерале> Врангеле. Вечером приехал помощник военного прокурора.

Апрель 23/6 мая1922

Панихида по Г<осударыне> И<мператрице> Александре Феодоровне и всей Императорской фамилии.

Апрель 29/12 мая 1922

Принял отделение новый воспитатель капитан Маевский. Ждали ген<ерала> Врангеля.

Май 7/20 1922

Получил письмо от мамы. Ее выгонят из этой квартиры. В письме листок от Катьки. В Болгарии, кажется, крупные политические беспорядки[55].

Май 8/21 1922

Читал лекцию Бостунич об Англии, Индии и России. Хороший лектор – монархист[56].

Май 11/24 1922

Одесский праздник. Директор привез из Белграда личный портрет ген<ерала> Врангеля с его надписью в подарок корпусу. В Белую Церковь не едем.

Май 21/3 июня 1922

«Крымския торжества». Произвели Денисова, Белова и Чаплыгина[57]. Был парад. Вечером дождь.

Май 22/4 июня 1922

Сокольские упражнения соколов[58] под музыку. По вечерам концерт в 22 бараке. В кавярне вечеринка, дирижировал оркестром.

Май 23/5 июня 1922

Сугубые[59] 6 кл<асса> во главе с Ковалевским отказались нам подчиняться и взбунтовались.

Май 29/11 июня 1922

Музыканты ездили в Санта-Маргарет или Zveta Marijeta Prepolya играть на открытии Сокольского общества. Играли с 3-х до 12 ночи. Я набрался. Угощали.

Июнь 1/14 1922

Уладили все дела с 6 классом. Сняли погоны с шпаны 6-го класса.

Июнь 25/8 июля 1922

Хоронили Алгебру[60]. Кунаков – поп, Бируля – дьякон, я – церемониймейстер. Церемония и поминки. Много зверей смотрело.

Июль 1/14 1922

6 и 5 класс отказались от традиций из-за Ковалевского. Вечером дело уладилось. Соловьевы I и II на прежнее положение.

Июль 2/15 1922

Конец 3-й стадии и вообще учебного года. Скоро начнутся экзамены.

Июль 15/28 1922

Мои именины. День паршивый во всех отношениях. Вечером пили чай у Гончаренко[61].

Июль 16/29 1922

Корн<етский> Ком<итет> сложил с себя обязанности и передал все новому Корн<етскому> Комитету.

Июль 30/12 августа 1922

В 1 ч. дня Сокола, 25 чел<овек>, и музыканты поехали на слет Всесокольский в Любляну[62]. В 7 ч. вечера приехали туда и, поужинав в Русской Столовой, пошли с музыкой объединяться в кафе Трат(ники). Там немного выпили. Встретил полк<овника> Нечаева 2 к.к. Играли на эстраде, танцевал и ужинал. Были чехи, словенцы и т.д. Вернулись поздно ночью и ночевали в верстах 3 от города в школе на соломе. Музыкантов оставили до 16 ч. по просьбе русских Соколов.

Июль 31/13 августа 1922

В 4 ч. утра Сокола пошли на репетицию на слетище, а музыканты спали до 8 ч. Потом пошли в столовую пить молоко с хлебом. Потом пошли на молебен о Имп<ератрице> Марии Феод<оровне> и Вел<иком> Кн<язе> Николае Ник<олаевиче>. В 1 ч., пообедав, пошли строем на Слетище. Выдали знаки на грудь, по которым везде бесплатный вход. В 3 ч. приехали Король и Королева и начался слет[63]. Особенно хорошо делали упражнения на снарядах и под музыку французы-алжирцы.

Вечером русские Сокола с нашим оркестром, флагами, факелами прошли манифестацию по городу. Произвели впечатление.

Август 1/14 1922

С утра я и Гришка пошли в Град замок на горе, где живут мать и сестра Кольченко и Петренко. Весьма хорошо приняли...

Потом пришли в столовую и там пообедали и пошли на слетище. Вечером около русских бараков устроили танцевальный вечер, а русские устроили нам чай.

Август 2/15 1922[64]

Встали в 5 ч. утра и, напившись молока, стали приготовляться к Сокольскому параду. Т.к. у нас не было сок<ольской> формы, то русских соколов поставили сзади всех. Всего было человек 100, впереди наш оркестр. Играли наши марши и сбивали ногу впереди. Шумные овации, цветы, конфеты. На балконе университета стоял Король. Мы отстали и прошли отдельно под медленный Преображенский марш. Король все время держал руку под козырек. На площади пел хор. Потом шли обратно церемониальным маршем уже под Сокольский оркестр и опять отстали. И когда проходили, то кричали ура. Король пристально вглядывался. Говорят, сделал замечание гл<авному> соколу, что нас поставили сзади всех. После обеда – на слетище. Вечером пошли в «Тиволи» на «велико веселице»[65]. Подвыпил. Часов в 12 ночи сели на поезд

и поехали в Стрнище. Люблянцы на нас произвели самое шикарное впечатление.

Август 14/27 1922

Дед устроил выпуску парадный выпускной обед в кавярне. Сегодня годовщина Лысой Горы.

Август 16/29 1922

Выпускной вечер 2-го выпуска К<рымского> К<адетского> К<орпуса>. Было очень весело и хорошо украшено программой.

Август 22/3 сентября 1922

С утра музыканты и 20 танцоров пошли в Вурберг к институткам на вечер и танцы. В 3 ч. дня пришли в замок и, напившись чаю, пошли танцевать. Потом ужин – и опять танцы. Пели и играли. В 10 ч. кончили и пошли опять в кавярну.

Август 23/4 сентября 1922

Утром встали и, напившись чаю, собрались идти в Вурберг. Но потом пошли домой по старой дороге. Долго махали платками и трубами.

Сентябрь 8/21 1922

Утром после молебна с музыкой юнкера пошли на вокзал, чтоб ехать в Училище. Провожал весь корпус с Дедом. Качали, и Дед ехал с нами до Птуя. Пересадка в Чаковце в 3 ч., вечером пересадка в 12 ч. в Загребе.

Сентябрь 9/22 1922

Днем в 3 часа приехали в Белград и пошли к В<оенному> А<генту>, где и остановились ночевать. Потом, загнав вещи, пошли ужинать и выпивать.

Сентябрь 10/23 1922

В 12 ч. дня ген<ерал> Врангель, узнав о нашем проезде через Белград, принял нас посмотреть. Сказал несколько хороших слов. Выдали по 60 динар. В 6 ч. в<ечера> на пароходе поехали в Панчево. Пересадка. Ночью в Вршацах пересадка, и в 12 ч. н<очи> приехали в Белую Церковь, где нас встретили юнкера, и прошли с вещами в Училище[66].

Сентябрь 11/24 1922

Утром разбили по эскадронам. Я попал во 2-й эскадрон. Остаемся жить отдельно 5-м взводом. Сейчас же попал в хор трубачей на 1-й корнет В.

Через несколько дней едем с полк<овником> Стафиевским[67] в г. Вршац в командировку с трубами, в полной форме юнкера Н.К.У.

Октябрь 14/27 1922

Приехала 1 рота Крымского Кадетского Корпуса. Выходили с трубами встречать.

Октябрь 23/5 ноября 1922

Производство в корнеты старшего курса. Парад в корпусе принимали ген<ерал> Миллер[68], ген<ерал> Барбович. После этого г.г. офицеры переоделись и завтракали с музыкой. Вечером был корнетский обход с полк<овником> Синегубом[69] и хором трубачей.

Октябрь 24/6 ноября 1922

Вечером бал в зале «Бург». 2 оркестра, корнетская мазурка и после – попойка и парад в зале. После – в Школе корнетский обход и попойка в комнате № 8, парад перед казармой. Легли в 6 ч. утра.

Октябрь 31/13 ноября 1922

Вечером уехали г.г. офицеры 1-й бригады на работы, а с утра начались первые лекции.

Без даты

За время пребывания в школе был старшим в смене. Переведен в 3-й разряд, снова во 2-й и благополучно перешел на старший курс на должность помощника в п<ортупей>-юн<кера>. Были кандидатами на вахмистра я, Богословский и Эрн. 9 мая по ст.ст. – 100 <лет> училища, приехал ген<ерал> Врангель. Торжество и т.д. Ходили в Турски Бечей в Харьковский институт[70].

Июнь 29 /12 июля 1923

Производство в офицеры старших курсов. Торжество.

Без даты

На старшем курсе были 2 месяца. Был шафером на свадьбе Козырева и Е. Трофимовой.

Кончил по 1-му разряду мл<адшим> порт<упей>-юнк<еро>м и вышел в 12-й гусарский Ахтырский генерала Ея И<мператоского> В<ысочества> В<еликой> К<нягини> Ольги Александровны полк[71].

Август 20/2 сентября 1923

Наше производство в офицеры. Скучно и тоскливо.

Август 24/6 сентября 1923

Выехали 1 и 2 офиц. эскадроны в Кральево на работы[72].

Умер корн<ет> Конторович.

Сентябрь 21/4 октября 1924

Уехали из Кральево.

Сентябрь 23/6 октября 1924

Приехали в Пожаревец, Любичев, «мост на Морави».

Май 7/20 1925

Перешли в Државну страну Любичево[73].

Июль 23/5 августа 1925

В 2 ч. ночи выехал я и Трофимов[74] в Белград, чтоб ехать во Францию.

Июль 29/11 августа 1925

В 11 ч. в<ечера> выехали с партией во Францию.

Июль 30/12 августа 1925

Утром переехали границу СХС и Австрии.

Июль 31/13 августа 1925

Утром переехали границу Австрии и Швейцарии; с 10 до 3 стояли в Базеле и поехали дальше. В 5 ч. в<ечера> переехали границу Швейцарии и Франции. Ночевали в Б.

Август 1/14 1925

Утром прибыли в Lijon s/Br, потом в St.Fons. Завод St. Gobain.

Аавгуст 4/17 1925

1-й день стали на работу.

1926 г.

8 дней лежал в госпитале Croix-Rousse cr. с ангиной. Очень было хорошо.

Август 5 1926

Взял расчет с завода.

Август 6 1926

Уехал в Лион. Встретил Президента Французской республики Г.Думерга[75]. Приехал открывать Лионскую ярмарку и вечером 10.55 экспрессом уехал в Париж.

Август 7 1926

7.50 приехали в Париж на 50, avenue Felix-Foure Paris XV.

***

На этом записи из блокнота прерываются. В Париже Владимира Станиславского ждала новая жизнь. Ощущение одиночества и желание встретить надежную спутницу жизни, так свойственные молодым, не обошли стороной и его. Надежды на создание семьи вскоре оправдались: ему посчастливилось встретить свою любовь. У него и Марии Сергеевны, урожденной Тверской, родилось трое детей, получивших русские имена – Наталья, Иван, Елизавета. Казалось, жизнь на чужбине налаживается. Но близилось новое испытание – Вторая мировая война, и жить Владимиру Станиславскому оставалось немногим более десяти лет. В газете «Русские новости» № 93 за 1947 год в статье «Погребение русских, павших на поле брани во Франции в боях с немцами» читаем:

«Владимир Станиславский, корнет старой русской армии, затем – унтер-офицер французской службы. Погиб накануне своего производства в офицеры. Окруженный немцами, предлагавшими ему сдаться, пытался пробиться, бросая ручные гранаты. Посмертно награжден военным крестом».

Это уже другой, заключительный этап недолгой жизни русского изгнанника, во всех ситуациях сохранившего правила чести, усвоенные еще на Родине. Всего лишь три с небольшим месяца длилась для него последняя в его жизни война. Несомненно, он жил надеждой на возвращение в семью, встречу с женой и малышами после непродолжительных, как многим тогда казалось, сражений. Но роковой для него бой прервал навсегда – письма, мысли, жизнь. Его короткие письма с фронта к жене, Марии Сергеевне, мы включаем в рассказ о русском человеке, нашедшем пристанище за пределами России. Письма с фронта сержанта теперь уже французской армии, добровольно вставшего на защиту своей второй родины, Франции – это последние свидетельства жизни русского изгнанника, любящего мужа, отца троих детей. В обратном адресе на всех отправлениях значится: «Сержант Станиславский, из армии».

Лион. 9 марта 1940

Приехали в 5 часов утра и по дороге шли вместе. Кавалеристы шумели и мешали спать. Ждем дальнейших распоряжений на вокзале. Пока все благополучно. Настроение бодрое. В 7 часов едем в Sabony. По приезде напишу подробно. Целую всех вас крепко.

Понедельник, 11 марта

Дорогая Машенька!

Ночью уехали кавалеристы и артиллеристы, а нам сказали, что поедем в три часа дня. Потом и это отставили. Так что пока спим, едим и перевариваем. Кормят по-прежнему хорошо и сколько угодно. Ничегонеделание понемногу начинает надоедать. А вообще, поживем – увидим. Придется столкнуться со старыми <*неразб.*>, которые будто бы боятся нашей конкуренции. Говорят много глупостей из неизвестных источников. Юргенс пока так и не приехал.

Пока всем привет. Храни вас всех Господь. Целую крепко.

Вторник, 12 марта

Дорогая Машенька!

Только что получили приказ почти ночью. Выдали по 10 фр<анков>, консервов, вина, хлеба. К нам уже привыкли, и даже <А.> жалеет, что не едет с нами и с другими. Не вылезает от нас 2-й день. Не бойся – пьянства нет, т.к. все без денег. Кормят на убой. Держимся все дружно и думаем все зубрить. У всех масса книг. Настроение бодрое. Готовимся к службе в Баркаресе. Здешнее начальство советует не терять собственного достоинства. Пока, видишь, все хорошо. Всем привет. Целую крепко.

25 марта 1940

Дорогая Машенька!

Только что получил твою открытку. Адреса и имена в адресной книжке – Мария Романовна Забелло (Zabello). Адрес ее не знаю. Если она не в Русском доме, то значит где-то на юге. Спроси Марию Павловну. Евдокия Александровна Псиол (Psiol): Maison Russe St-Genevieve-de-Bois. Письма получаю, выходит, каждый день и по твоему примеру рву. С завтрашнего дня вставать будем в 6 часов вместо 6.30. Я все равно просыпаюсь раньше. Только что написал письмо Нине и попросил выругать Белого, что не отвечает. Бунтика попросил прислать часы из <*неразб.*> за 20 фр., т.к. мои остановились и мне без них очень трудно. Посылаю одновременно открытку Наташе. За стеной нескончаемый бридж. Начинаю прямо ненавидеть карты. Целую вас всех крепко. Христос с вами.

27 марта 1940

Дорогая моя Машенька!

Сегодня утром встали в 5 часов, выпили кофе, закусили и пошли маршировать. Сделали 30 километров, на половине пути закусили, пришли домой в 11 часов. Получил твою открытку и письмо от Белаго. Пишет, что умер д. Игорь. Царство ему Небесное! Много сделал для нас всех доброго.

Блохи кусают невероятно. На походе пели все время на всех языках. Первое время это меня поражало, а теперь сам пою по-испански, не понимая и не разбирая ни одного слова. Выходит, в общем, очень хорошо и весело. Не то сегодня, не то завтра будет ночной марш в 44 километра с лазанием по горам. Как ведут себя дети с Ксюшей? Как к этому относится Н.Н.? На днях начну письмо С. Д[76]. Вот пока все происшествия сегодняшнего утра. Целую вас всех крепко, мои родные. Христос с вами.

Пятница 29 марта 1940

Дорогая моя Машенька!

Сегодня письма не получил. Надеюсь, что у Вани ничего серьезного. Получил письмо от Ягелло[77]. Ничего особенного не пишет. Вчера после обеда ходили стреляли из пулеметов. До меня очередь не дошла, т.к. оставили единственного сержанта на всю роту. Командовал в отсутствии других чинов, которые <почти все истреблены>.

Дует холодный ветер. Очки не снимаю. Бараки еле держатся. Надел все 3 фуфайки. Сегодня дали 1-ю группу 4-го взвода <*неразб.*>. Утром преподавал взводу устав. Совершенно свободно им объяснял и спрашивал. Потом мне и русскому офицеру другой офицер объяснял пулемет. Очень просто – проще нашего. Сейчас пойдем в душ. Вчера с масками ходили в газовую комнату. Ничего не чувствовал. Маска особенного удовольствия не доставляет.

Ну, пока всего хорошего. Целую вас крепко. Христос с вами.

Суббота 30 марта 1940

Дорогая моя Машенька!

Сейчас от тебя не было письма, наверное, будет вечером. Пишу тебе каждый день. Сейчас получил открытку от Вербицкого. Ничего особенного не пишет. У нас такой ветер, что человека сдувает с ног. Утром еле дошли до лагеря с занятий, ничего не видно в облаке песка. Больно бьет по лицу и рукам. Очки спасают. Дома разделся и вымылся совершенно, т.к. песок был даже в носках, несмотря на 3 фуфайки и шинель. Вчера были в душе. Хорошо помылся. Солдатам дается не много времени, но я мог оставаться сколько угодно. Сама понимаешь – персона. Сегодня утром начал дежурство на всю неделю. Обязанности довольно расплывчатые – в роте должен быть полный порядок и все происходить вовремя и по расписанию. Я регулирую всю жизнь на неделю. В общем – козел отпущения. Как Ванино[78] здоровье? Целую крепко.

3 апреля 1940

Дорогие мои родные.

Вчера отправил вам письмо. Посылаю вид нашего лагеря. Чудно выспались и сегодня продолжаем устраиваться как следует по правилам. Вчера вечером ужинали в ресторане для разнообразия, т.к. 2 дня ели консервы. Погода скверная. Получил временное повышение в отсутствии офицера, но с исполнением своих же обязанностей в то же время. Вечером напишу письмо, т.к. надо уже бежать на службу. Целую вас крепко. Храни вас Господь.

3 апреля 1940

Дорогая моя Машенька.

Сегодня после обеда маневрировали в полк на холмах под дождиком. Это ничего, т.к. «дома» топится печка, и быстро раздел и высушил шинель, начистил винтовку. Т.к. офицер временно отсутствует, то мой шеф его замещает. А я замещаю шефа и остаюсь в то же время шефом группы. В общем, это ничего не меняет. Только что получил «жалование» за полмесяца 31 фр. и неожиданно 30 фр. от бар<онессы> Нины, не старушки, а другой, помоложе. Сейчас же поблагодарил. Многие русские тоже. Барановского еще здесь не видел, хотя мы и рядом, т.к. работы масса, все время болтаюсь из своей комнаты в казармы к солдатам. Посылаю тебе фиалки, которые собрал в поле, где мы маневрировали сегодня после обеда. У меня группа очень пока послушная, и мне не приходится повышать голоса или ругаться. Разве только в шутку. Надеюсь, что так будет и в дальнейшем. Завтра подъем в 4. ½ ч., т.к. здесь будем управляться вовсю, и времени не останется свободного ни минутки. Книги забрал с собой и все время подчитываю, хотя все, что касается моей должности, уже знаю наизусть. Получил сейчас письмо от Нины, очень бодрое, т.к. Сережа в отпуску, собирается к вам. Целую вас крепко, мои родные. Христос с вами. Мне прямо страшно, что мне здесь так хорошо и у меня все есть, чего у вас нет.

4 апреля 1940

Дорогая моя Машенька!

Сегодня встал в 5 ч. утра, т.к. наш взвод назначен к мишеням на стрельбище, т.к. утром стрельба батальона. Мы так здорово работали и организовали, что успели пропустить без задержки весь батальон. Мы должны были установить мишени, во время стрельбы отмечать результаты и менять как можно скорее, и потом все убрать на место. В награду весь полк ушел на маневры после обеда, а мы, т.е. взвод 28 чел. и 2 унтер-офицера, остались дома отдыхать. Тишина, печка топится, на дворе буря и довольно холодно.

Ношу все 3 фуфайки. Моя зубрежка привела к тому, что вчера унтер-офицеры просили им объяснить топографию, упражнения с компасом и чтение карты. Так что зубрю вдвойне – и для себя, и для других. Сейчас маневры, и это нам всем крайне необходимо. Видишь, как все хорошо устраивается. Мне прямо стыдно, что мне так хорошо, но я никак еще не могу вам ничем помочь и знаю, что вам всего не хватает. Рву твои письма, хотя мне это крайне неприятно, но, с другой стороны, и девать их некуда. Здесь, в лагере, здорово все организовано. С Баркаресом, конечно, не сравнить. Пиши, если хочешь, на Баркарес или прямо сюда. Дойдет и так, и так. Очевидно, через неделю поедем обратно. Вот пока и все на сегодня. Сейчас отвечаю Нине. Она мне послала карточки. Целую вас крепко, дорогие мои. Храни вас Господь! Целую.

5 апреля 1940

Дорогая моя Машенька!

Только что получил карточку. Очень хорошо вышла. Спасибо, родная. Конечно, похвастался перед другими. Это здесь так полагается – хороший тон. Вчера вечером ужинали в собрании, до сих пор обед нам носили из солдатской кухни, т.к. собрание еще не открывали. Очень хорошо организовано – меняются тарелки, вино в графинах, блюда все обносят. Только ножи по-прежнему карманные – свои. Сегодня опять лазали по горам – маневрировали. Очень, конечно, интересно, с моей точки зрения. Купил карту, компас у меня есть. Все это очень пригодилось. Надо, конечно, еще многое, но подождем производства. Говорят, что здесь будем служить до 18-го. А потом или опять в Баркарес, или куда-нибудь дальше. Вообще, как ты сама знаешь, говорят все время «on dit». Сейчас с Барановским ходили выпить кофе в Cavalerie. Местечко из 10 бистро и гостиницы и мелочных лавок. Местность каменистая и гористая. Растет паршивая трава и все остальное—камни. Довольно холодно, т.ч. 3 фуфайки не снимаю. Получил письмо от Бунтика. Высылает часы. Это мне крайне необходимо, т.к. все надо распределять по часам. Пиши, родная моя женушка. Все время о вас всех думаю и мечтаю скорее с вами встретиться, чтобы поласкаться как и раньше с тобой. Храни вас Христос.

7 апреля 1940

Дорогая моя Машенька!

Вчера утром были на стрельбе. Стрелял и я два раза, т.к. прошлый раз мы не стреляли. Результат еще не известен, но я видел, что мою мишень опускали, значит попал. После обеда опять маневрировали по горам. В общем делаем не менее 20 км в день. Вечером пошли в кафе в соседнюю деревню в Cavalerie. Было так

весело! Испанцы организовали хор, пели, танцевали. Очень красивые мелодии и очень хорошо поют. К 9 часам все солдаты ушли спать, а мы еще посидели, слушали музыку и пили пиво и кофе. Мозги немного отдохнули. Сегодня с утра наша рота дежурная, и поэтому почти все в караулах и нарядах. Я пока еще без дела, но могу каждую минуту получить.

Погода чудная. Был на спевке русского хора, который сегодня дает вечером концерт. В хоре поют и испанцы, и греки. Здорово поют, а для здешних вкусов – просто шикарно. Иду сейчас спешно завтракать. Обещали хорошо сегодня покормить. До свидания, мои родные, целую вас всех крепко. Храни вас Господь.

8 апреля 1940

Дорогая моя Машенька!

Спешу тебе ответить, что, по-моему, напиши письмо в префектуру, а мне пришли копию письма. Может быть, это мне поможет отсюда. Как можно скорее. Уедем отсюда числа 18-го, т.ч. еще успеешь. Я отсюда также хлопочу об этом. Пиши мне обо всех твоих неприятностях. Тебе будет легче, а я пойму. Я и так все себе ясно представляю. Но ты не бойся, что я раскафарюсь, и пиши. Получил письмо от Аглаимова[79]. Спрашивает, не нужно ли тебе что-нибудь помочь. Очень хорошее письмо. Сегодня получил 5 писем сразу. Из Баркареса пришли сюда. Утром опять стреляли, а после обеда – большие маневры. У меня сошло благополучно, хотя и нет у меня пока офицера. Пиши пока прямо сюда, письма идут быстро, 2 дня.

По-прежнему холодно, из фуфайки не вылезаю. Хорошо, что взял с собою шерстяные носки. Помогает и для мозолей, и для тепла. Хорошо ли ты разбираешь мои каракули? Иногда я спешу, и, может быть, тебе трудно читать. Не обижайся, что так мало спрашиваю о вашей жизни, о детях. Думаю все время, а пишу только о себе. А ты мне пиши о вас. Целую вас крепко. Храни вас Господь.

9 апреля 1940

Дорогая моя Машенька!

Сегодня от тебя нет письма, но зато есть от Бунтика и от Липина. Выезжаем 3-я группа 11 числа, т.е. завтра. У нас все время маневр за маневрами. Работа интересная, но понемногу начинаем уставать. Завтра встаем очень рано. Сегодня шел снег и дождь. Ветер и холодно. Вечером поедем в синема, опять на Фернанделя («Barnebe»). Забавно. Бунтик прислал адрес Харченко. Он ему ничего не пишет о себе. Бунтик высылает часы. Вот тебе и все наши новости. Спешно ложусь спать. Хотел прислать Ване в

подарок шапку, да портной остался в Баркаресе. Когда вернемся, то я закажу и пришлю. Это будет подарок на именины. Христос с вами, целую.

10 апреля 1940

Дорогая моя Машенька!

Только что вернулись с маневров. Было очень интересно. Прости, что надоедаю тебе с одним и тем же, но пока это моя жизнь. Кажется, у нас будет новый командир роты. До сих пор был только лейтенант заместитель. Хорошо, если он будет такой же, как и бывший, и как наши офицеры. Поздравляю тебя, моя родная, с Днем ангела нашего Ванюшки. Как только вернемся в Баркарес – пришлю ему шапку. А то здесь нет нашего портного, а заказывать дорого. Я чувствую себя уже гораздо увереннее в работе и службе. Привет всем. Целую вас всех крепко, мои родные. Храни вас Господь. Был большой entre.

11 апреля 1940

Дорогая моя Машенька!

Получил сейчас копию письма к префекту. Если есть номер досье, то напиши обязательно, какой. Т.к. это меня уже спрашивали. Напишу им из Баркареса, т.к. канцелярия осталась там, а без нее я не имею права непосредственно писать сам. Да это и лучше, если полк <*неразб.*> напишет, что там надо. Получил сейчас письмо от Юргенса. Он был в Париже на 48 часов, видел Capitan Bonnicel, и тоже его уверял, что нас действительно соберут не позже 1-го июня, за исключением некоторых, которые окажутся неспособными. Будто бы о мне хорошая аттестация, и я зачислен. Подождем – увидим. Только что вернулись опять с маневров. Я прямо засыпаю и, как и все, спешу лечь спать. Барановский справляется. Он, так же как и я, шеф группы и комбат в 9-й роте. Мы видимся каждый день и иногда обедаем вместе. Юргенс тебе кланяется.

Пиши, как прошли Ванюшкины именины. Скоро вернемся, кажется, в Баркарес. Целую всех крепко. Храни вас Христос.

12 апреля 1940

Дорогая моя Машенька!

Сегодня Ванюшкины именины, и я ему послал открытку и обещал прислать шапку из Беркареса. Надеюсь когда-нибудь выполнить. Поздравляю тебя, моя любимая, с Днем Твоего Ангела и желаю тебе полного счастья и в настоящем, и в будущем. Как проведу эти дни, чтобы отметить ваши именины, еще не знаю, т.к. устаем здорово, и нет времени думать, <*неразб.*> делать, что име-

ют другие, кроме службы. У нас новый командир роты. В остальном перемен нет, все по-старому. Холод собачий и ветер. Аппетит хороший, спим как убитые. Бар<онесса> Гюне, которая прислала 30 фр<анков>, предлагает французские книги. Ее зовут Елена, ей лет 40. Отчества не помню, его знает Розеншильд. Напиши, если знаешь имя отчество старушки Гюне (Чеботарева). Прислала не только мне, а многим русским в полку. Конечно, все ответили и поблагодарили. Эти дни почти никому не пишу, т.к. немного подзубриваю и почти ничего не читаю газет, хотя и раньше не увлекался. Самое главное мне рассказывают. Ну вот, еще раз целую вас всех крепко. Храни вас Господь.

19.04.1940

Дорогие мои! Возвращаемся в Баркарес. Погода чудная, виды прекрасные. Здесь остановка на полчаса. Надеюсь, что меня ждут письма. Вчера не писал, т. к. было закрыто. Целую крепко, Христос с вами.

20 апреля 1940

Дорогая моя Машенька!

Наконец вчера вечером приехали «домой». Нашел все в порядке. Вернулся опять в свою комнату и нашел кровать даже с чистым бельем. Доехали благополучно. Наш капитан очень доволен ротой в походе. Пели, орали и даже танцевали. Особенно испанцы. Веселый и славный народ. Нашел также 2 твои открытки, письмо от префекта, обещает, как всегда. И письмо от Стракача[80] с подписями Николаевцев на обороте. Очень мило с их стороны. Сегодня отдыхаем и ничего не делаем. Погода чудная и море синее. Насчет меню не пугайся: не каждый день так едим, но все же неплохо. Храни вас Господь. Целую крепко.

2 мая 1940

Дорогая моя Машенька!

Только что приехали на новое место. Ехать было весьма неважно, но зато виды были чудные. Были места прямо как на картинах. Устали здорово, зато сейчас живем в деревне, на свежем воздухе. Смотрю на окружающее и вижу наш Mainibeville. Жители очень любезны и сегодня все по-праздничному – воскресенье. Еще пока сам не устроился, т.к. надо устроить своих. Насчет школы пока ничего нового. «Наш» чудит еще больше. Ну, всего хорошего. Целую крепко. Христос с вами.

19 мая 1940

Дорогая моя Машенька!

Сразу получил три твоих письма и спешу тебе ответить. Т.к. не получал ничего от тебя, написал Нине. Спасибо тебе, родная, за хорошее настроение. Так и нужно, а то распуститься – это совсем нехорошо! Сейчас получил письмо от Юргенса – он успел съездить в Париж в отпуск, говорит, что мы все назначены в школу и соберемся 1 июня. Они, т.е. 1-я группа, уже собраны около Лиона. Не писал тебе 3 дня, т.к. были все время в сторожевке – и день, и ночь. Вчера вернулся довольно поздно и только сейчас смог написать тебе. У нас все спокойно, и настроение у меня бодрое, только думаю о вас всех. Поздравляю тебя, родная, с днем твоего рождения и желаю тебе всего-всего хорошего, а главное – скорее встретиться! Целую всех крепко-крепко. Храни вас Христос.

P.S. Барановский кланяется.

20 мая 1940

Дорогая моя Машенька!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю тебе всего-всего хорошего, а главное – здоровья и поскорей нам всем встретиться. Погода у нас чудная. Вчера воскресенье, отдыхали весь день. Получил жалование за 15 дней, 85 франков. А теперь и еще больше, кажется, получу. Весьма приятно, т.к. с деньгами и спокойнее и приятнее. Как у тебя дело с монетой? Твое последнее письмо было от 14 мая. Надеюсь получить сегодня от тебя. У нас во взводе щенок от рыжей собачки. Спит то у меня, то у моего соседа, сержанта-голландца. До сих пор не можем остановиться на кличке. Их было двое, и весь поход их несли в сумке. Другой остался с матерью в другом взводе. Дети ко мне чего-то все время пристают, просят их подбрасывать в воздух.

Вот тебе и все наши новости. Ни повышения, ни понижения не получил, и по-прежнему играю на двух скрипках. Целую вас всех крепко, мои родные. Храни вас Христос.

22 мая 1940

Дорогая моя Машенька!

Сегодня твое рождение, праздник Николы. С утра путешествуем и в попутке, и пешком – смотря по обстоятельствам. Погода чудная, местности знаменитые. Последнее письмо твое было от 14-го, и после этого ни одного письма ни от кого. Твое молчание мне очень не нравится, и я волнуюсь за вас. Написал Нине, и нет от нее ответа.

Пишу тебе эту открытку в течение более часа, т.к. все время мне мешают аэропланы. Беру с собой в карман и опущу при первой возможности, т.к. в поле почтовых ящиков нет. Напиши

мне при первой возможности, а то я очень беспокоюсь. Целую вас крепко, мои родные. Храни вас Господь.

23 мая 1940

Дорогая моя Машенька!

Пользуюсь тем, что в деревне есть второй почтовый ящик, и опускаю сразу две открытки. Немножко промокли под дождиком, а сейчас обсыхаем. Нашли молока, яйца и масло. Напились кофе с шоколадом. Сейчас будем завтракать, потом отдыхать. Солнышко светит во всю. Как это вы, мои родные, провели твой день рождения?

Целую вас всех крепко-крепко. Храни вас Господь.

24 мая 1940

Дорогая моя Машенька!

Даже в лесу оказался почтовый ящик, и я пользуюсь этим, чтобы написать тебе и сегодня. Пикник у нас самый настоящий, нет только самовара. Масса комаров. Вспомнил, что на твое рождение исполнилось 10 лет, как ты стала моей невестой. Последнее твое письмо было от 14-го. Получаешь ли ты мои письма? Что пишет Нина? У нас все по-старому. Последние дни мой чудак со мной странно любезен. Даже не верится, что мне раньше говорил. <*неразб.*> писем, т.к. ничего о вас не знаю. Целую вас всех крепко-крепко. Храни вас Господь.

28 мая 1940

Дорогая моя Машенька!

Вчера получил 3 твоих письма, от Нины 1 и от <*неразб.*>.

Пишу тебе уже с настоящей войны. Пока все, слава Богу, хорошо и благополучно, и надеемся, что скоро <*неразб.* – с этим делом покончим?>. Сам собой пока доволен, своим начальством тоже. А самое главное, что мой чудак дальше, чем немцы. Если так будет продолжаться, то получу повышение, т.к. утверждает в моей должности взводный. Барановский рядом с нами, но его не вижу, т.к. прогулки не разрешаются ни нам, ни немцам. Как будет со школой, ничего не знаю. Думаю, что если на днях не вызовут, надо будет писать. <*неразб.*>. Пока не до канцелярии, далеко и ничего толком неизвестно. Г(?) просит твой адрес. Напиши ей сама, т.к. я берегу открытки, новой пока не достать. Вот адрес <*неразб.*>. Писать каждый день может быть не удастся, но ты не волнуйся. Привет всем нашим. Целую вас крепко. Храни вас Господь, мои родные. Смотрю на ваши карточки и (мечтаю) о встрече с вами. Погода чудная.

30 мая 1940

Дорогая моя Машенька!

Если бы ты меня увидела бы, то, конечно, не узнала бы. Уже 10 дней не моюсь и не бреюсь, можешь себе представить, какой я бородатый и грязный. Ведем жизнь пещерных людей. Растягиваюсь только во рву, т.е. в ближайшей воронке. И то ночью. Едим хорошо. Днем отдыхаем, а ночью наблюдаем. Между делом воюем. Немцы нахалы. Погода чудная и днем жарко. Но за отсутствием газет ничего не знаем, что творится на белом свете. Жаль, что нельзя так сняться, а то фотография была бы занятная на память о военной службе. Начальство мною довольно и обещает повышение, что весьма приятно. Каждую ночь с нетерпением ждем писем. В отпуск никого не пускают пока. Ну, пиши, не забывай. Христос с вами. Целую крепко вас всех, мои родные.

7 июня 1940

Дорогая моя Машенька!

Спасибо за открытки, сейчас же отвечаю. Беспокоюсь я за вас всех, как вы это всё перенесете. Уж мы стараемся вовсю не пропустить их дальше во что бы то ни стало. На днях напишу всем остальным, когда буду в обозе, на отдыхе. У нас все по-прежнему, никаких, правда, и развлечений, да и вас тоже не хватает. Ну, Христос с вами, мои родные, целую.

2 июня 1940

Дорогая моя Машенька!

Сегодня опять получил два твоих письма, чему страшно был рад. Каждую ночь вижу тебя во сне, мечтаю снова быть вместе с вами. Наконец, сегодня помылся и побрился. Мы с Барановским сейчас говорили, что если бы можно вас кормить так, как нас сейчас здесь кормят. А то еще неизвестно, как вы все там едите. А мы – хорошо. Получил сейчас письмо от Аглаимова. Пишет, что их всех признали, конечно, годными.

Никому пока не пишу, т.к. экономлю открытки, пока не получил своего багажа, оставленного в обозе. Живем в лесу, на лоне природы. Чувствуем себя как на даче. Хотелось бы рассказать много интересного, а то ничего не напишешь. Единственное интересное пока событие, что я представлен к Военному кресту, и шансы получить есть большие, т.к. моя пресса у генерала очень хорошая. Посмотрим. Ничего не имею против, хотя ничего особенного не ожидаю. Храни вас всех Христос, мои родные. Целую крепко-крепко.

3 июня 1940

Дорогая моя Машенька!

Вчера получил письмо от Липина, пишет, что послал на днях мой чемодан. Извиняется за опоздание. Я забыл оставить при чемодане ключ. Ты все-таки открой его. Они все еще сидят в Баркарасе и о школе ничего не пишет. Гости к нам летают тоже частенько. Это нас особенно не радует, но, слава Богу, благополучно. Пиши мне все, что надумаешь. Мне все интересно. Спасибо Ване за письмо. Собачку зовут Nonette. Ее оставили в тылу, т.к. воевать с ней тут неудобно. Никакой породе она не принадлежит, просто дворняжка. Но зато очень славная. Здесь мы пьем даже молоко. Доим коров, когда есть время. Все время думаю о вас. Жалование еще не получили. Получим немного позже, когда попадем в тыл. Со всеми прибавками должно быть что-то много. Мечтаем, конечно, об отпуске, но пока, очевидно, придется подождать. Никому не пишу, т.к. почти нет ни бумаги, ни конвертов. Все осталось в обозе. Т.ч. не волнуйся, если с письмом будет задержка. Когда получим чемоданы, то напишу. Пока всего хорошего, храни вас всех Христос. Целую вас всех крепко-крепко, мои родные.

4 июня 1940

Дорогая моя Машенька!

Вчера опять получил от тебя письмо и открытку от Римских. Ставь, пожалуйста, число на письмах, а то трудно догадаться, когда оно написано. Прости, что пишу каракулями, но пока стола нет. Куда это вы уезжали, я не могу понять? Поздравляю С. Д. с прошедшим днем рождения. Пишу тебе каждый день. Ничего необычного не происходит. Получила ли ты мои штатские вещи? В Париже многие уже давно получили. Липин пишет, что послал на днях. Погода стоит чудная, пикник продолжается. Нина пишет, что Белый еще в Париже и все. Я много написать не могу, а ты, пожалуйста, пиши мне про всех: про тебя, Бегемотика, Ванюшку и Наташу[81]. Мне очень все это дорого и интересно. Начальство по-прежнему благоволит. Твои письма храню возможно дольше. Сейчас ждем ужина и писем. Вот пока и всё. Привет односельчанам. Целую вас крепко, мои родные. Храни вас Господь.

8 июня 1940

Дорогая моя Машенька!

Бедные вы мои, за что вы так страдаете! Получаю твои письма каждый день. Сегодня нашли маленькую керосиновую плиту и теперь можно есть все горячее. Ты себе представляешь, как это вкусно! Сегодня на завтрак было – патэ в консервах, жареное

мясо (разогретое), сардинки превосходные, чудный сыр бри, шоколад и кофе с ромом, вино, хлеб. Как видишь, совсем неплохо, только не всегда вовремя и чаще холодное. А то совсем пикник. Искусаны комарами настоящими. Ну, всего хорошего, храни вас Господь. Целую крепко.

9 июня 1940

Дорогая моя Машенька!

Какое счастье получать каждое утро от тебя письмо! Думаю все время о вас и мечтаю о встрече. Бегемотик, наверное, здорово изменился. Если приду, то, конечно, в каске, т.ч. они меня увидят во все красоте. Конечно, сейчас это только мечты в ожидании, когда мы их немного утихомирим. И то все время приходится их усмирять и удерживать. Не так уже они и страшны, если взяться за них серьезно. Что пишут из Парижа? Надеюсь, что у нас все благополучно. Ну, Христос с вами, мои родные. Целую, ваш В.

Послесловие

Письмо от 9 июня 1940 года оказалось последним...

В Париже нам удалось побеседовать с дочерью В. И. Станиславского, Елизаветой, которая и познакомила нас с дневником отца. Елизавета Владимировна, родившаяся в 1938 году, знала своего отца только по воспоминаниям старших: маленькой Лизе не исполнилось и двух лет, когда отец героически погиб.

– Елизавета Владимировна, расскажите, пожалуйста, все, что Вы помните о Вашем отце.

– Я помню не много. Мой отец, Владимир Иванович Станиславский, родился 2 июня 1902 года в Харбине. Его мать – Елизавета Константиновна, урожденная Бояновская. Его отец, Иван Владимирович Станиславский, был офицером в Царской армии.

Итак, мой папа родился в Харбине. Почему там – не знаю. Возможно, его отец находился там с женой по делам службы. Кажется, папа был единственным сыном у своих родителей. Потом они жили, кажется, в Петербурге. Мама говорила, что папа учился в кадетском корпусе. Возможно, в Петербургском, но точно я не могу сказать. Однако знаю, что во время революции он был в кадетском корпусе в Полтаве, а вот что было до этого – не знаю. Моего дедушку расстреляли большевики. Папа

видел, когда его везли в тюрьму перед расстрелом. Дедушка из тюрьмы каким-то образом послал ему на память свою кружку.

А бабушка, в честь которой меня назвали Елизаветой, наверное, погибла в Ленинграде, в сороковых годах. О ней ничего не знаю. Она осталась в России, они с папой переписывались до войны. К сожалению, письма не сохранились[82]. Когда папа ушел во французскую армию, он был очень скоро убит, в сороковом году. С тех пор от бабушки не было никаких известий. Не знаю, как она погибла. Из рассказов мне известно, что после революции папа вместе с кадетами продвигался на юг России. Затем он попал в Сербию, а потом перебрался во Францию. Не сразу в Париж, какое-то время ему пришлось работать в Лионе. Переехав в Париж, он сначала работал маляром, но вскоре открыл свое дело, свой личный бизнес. Когда началась Вторая мировая война, папа сразу же пошел во французскую армию, но воевал недолго, как я сказала, он был очень скоро убит – 16 июня 1940 года.

– Как он познакомился с Вашей мамой?

– После эмиграции все русские держались близко друг от друга. В их среде устраивались всякие балы, где можно было познакомиться друг с другом. И папа, вероятно, там и познакомился с мамой. Хотя точно я этого сказать не могу, не помню. Может быть, он сперва подружился с моим дядей, братом мамы, и через него познакомился с мамой. Не могу сказать точно. Тем не менее, в 1930 году они поженились. У них родилось трое детей. Моя старшая сестра Наташа родилась в 1932 году, потом, в 1934 году – мой брат Иван, и в 1938 году родилась я, Елизавета.

– Что Вы помните о папе?

– Ничего не помню. Мне было 18 месяцев, когда его убили, так что не помню ничего.

– Как он был убит, что это было за сражение?

– У меня хранится статья в газете об этом, там все написано. Сейчас он похоронен в Сен-Женевьев-де-Буа. В том последнем для него бою было убито много человек, их всех вместе похоронили около госпиталя, недалеко от места сражения. Но после войны моя мать вместе с женами других погибших в этом сражении воинов поехала на место захоронения. Тогда и было принято решение о перезахоронении всех погибших в том бою. Их останки перевезли сперва в Париж, в собор на рю Дарю. После панихиды останки воинов предали земле на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.[83] У меня есть фотографии этих событий.

– Что у Вас осталось на память от папы?

– Я храню его фуражку Ахтырского полка, Георгиевский крест, некоторые письма, много фотографий.

– Ваших старших сестры и брата уже нет в живых. Они, наверное, помнили что-то о папе. Делились ли они с Вами своими воспоминаниями?

– Мы очень мало говорили об этом. Мне теперь очень жаль! Конечно, они немного помнили папу, а я совсем его не помнила. Мне из-за этого всегда было очень грустно. Все вокруг говорили, что я очень похожа на маму, а на папу не похожа совсем. Мне же очень хотелось быть похожей на своего папу. Но у папы были голубые глаза, у меня – карие; папа был блондин, а я.... Как будто я не его дочка! Я из-за этого переживала. Но я знала, что папа был очень аккуратный. Поэтому и я старалась тоже стать очень аккуратной, чтобы все вокруг говорили: «Ах, она такая же аккуратная, как папа!» И у меня это так и получалось. Я до сих пор, так же как папа, собираю и храню разные семейные письма, все карточки, документы. Этим я и похожа на папу.

– Зато Ваш старший сын, Марк, судя по фотографиям, внешне очень похож на Вашего папу, своего деда.

– Да, если рядом поставить их фотографии, то заметно их сильное сходство.

– А что рассказывала про папу Ваша мама? Какими воспоминаниями она делилась?

– Не помню, что она рассказывала, не помню. Она только раз заметила, что я чем-то похожа на папу, когда я выпила немного водки (смеется).

– Что Вы знаете о папиных друзьях?

– О, да! Друзей у него было много. Один папин друг умер в возрасте ста лет. До самой его смерти мы с ним были очень-очень близки. Папа был в Ахтырском корпусе. А все ахтырцы отличались крепкой дружбой, они все в Париже были как одна семья. И еще один его друг, Владимир Павлович Ягелло, стал моим крестным отцом. Он отец протоиерея Владимира Ягелло, с которым мы до сих пор поддерживаем связь. Другой друг нашего папы, Степанов (не помню уже его имени), стал крестным отцом моего старшего сына Марка. У моих детей не было деда, так вот Степанов стал им как бы дедушкой. Помню еще одного папиного друга – Мартоса. Он тоже умер в возрасте около ста лет. Мы с ним часто общались, он был нам очень близок, и все мои дети его очень любили.

– Известный писатель Борис Зайцев также был знаком с вашей семьей, с Вашим папой. В одной газетной статье он упоминал о Владимире Станиславском.

– Я самого Бориса Зайцева не помню, но помню его дочку. Мы жили рядом, были соседями. Мы в 125, а они в 127 доме по улице Сен-Доминик.

– Борис Константинович был дружен с Вашим папой?

– О, да! Но папу все очень любили. К сожалению, более подробных известий о папе у меня просто нет.

***

Вот то немногое, что смогла рассказать о корнете Станиславском его дочь, Елизавета Владимировна. Закончим рассказ о жизни и героической смерти Владимира Ивановича Станиславского его стихами из старой тетрадки и статьей из газеты (предположительно, «Русская мысль», Париж, 1947 г.), которые бережно хранятся в семейном архиве Елизаветы Станиславской.

Из записных книжек В. И. Станиславского

Лишь оттаяли дороги,
Зимней стужи сбросив узы,
Полюбили меня музы,
Полюбили меня боги.

Я пишу стихотворенья,
На гитаре разливаюсь,
И, исполнен вдохновенья,
Всей душой перерождаюсь.

Счастлив я, что к жизни годен,
Не пишу уж глупых писем,
Потому что я – свободен,
Потому что независим.

Париж, 1929

К гусарской шапке, набекрень надетой,
Взлетает пулею приветственно рука.
От радости готов произвести в корнеты
Всех подпоручиков пехотного полка.

Корнет влюблен! Он весел и смеется
А милый образ так волнует кровь,
Что так и кажется, что с уст его сорвется:
- Привет тебе, гусарская любовь!

Париж, лето, 1929

Если Вы до сих пор не забыли меня,
Я пишу Вам стихами на тему,
Как однажды в закате осеннего дня
На вокзал Вам привез хризантему.

На перроне в толпе я насилу успел
Передать Вам разлуки эмблему,
И мгновенье спустя Ваш экспресс улетел,
Увозя и мою хризантему.

Хоть на несколько дней Вам удастся вкусить
Море, солнце, свободу, богему.
И под властью их чар поспешите забыть
И меня, и мою хризантему.

В эту темную ночь вспоминаю сейчас
В глупых строчках наивной поэмы
Освещенный вокзал, а на платье у Вас
Желтый отблеск моей хризантемы.

Париж, октябрь, 1929

Погребение русских, павших на поле брани во Франции в боях с немцами

(Статья из газеты «Русская мысль»)

28 февраля – из аргонских лесов, из Эльзаса – прибыли в Париж десять гробов с прахом десяти русских воинов, павших в рядах французской армии в боях против немцев в 1939 – 1940 гг. Десять гробов проследовали в храм на рю Дарю, где в минувшую субботу состоялось торжественное отпевание. В тот же день останки погибших были перевезены на православное кладбище в Сен-Женевьев де Буа и похоронены в братской могиле.

Помнится, года два тому назад в дни паломничества в Мурмелон (где нашли упокоение русские участники экспедиционного корпуса войны 1914 – 1918 гг.), среди нас, приехавших из Парижа, горячо обсуждался вопрос о судьбе других русских воинов – о тех, кто с оружием в руках стал на защиту Франции в 1939 году, кто активно участвовал в борьбе против немцев, кто – будучи русским – с честью носил французский мундир и пал на поле брани. Русская молодежь, волей судеб очу-

тившаяся во Франции, в подавляющем большинстве своем выполнила свой долг до конца. И уже вскоре после окончания войны встал вопрос о перенесении праха их в братские могилы, о создании на французской земле русского некрополя: памятника русской доблести, явленной в чужих пределах.

Увы! Не будет преувеличением сказать, что этой – казалось бы, неотложной – задачей ни одна из русских организаций во Франции до сих пор серьезно не занималась. Только теперь по частному почину, благодаря личной энергии матерей и вдов погибших, дело отдания последнего долга русским воинам сдвинулось с мертвой точки.

Прибытие первых десяти гробов – это только начало. За ними последуют вскоре другие.

Имена павших

Еще задолго до прибытия тел павших в Париж, с большим и понятным волнением мы ознакомились со списком этих первых десяти, с кратким перечнем подлинных героев, положивших душу свою за други своя.

Корней Безверхний, солдат 100-го пехотного полка, награжденный Военным крестом и Военной медалью, смертельно раненый в июне 1940 года при отважной разведке в Мертр-и-Мозель.

Константин Боровский, доброволец 21 маршевого полка Иностранного легиона, убитый немцами при перебежке пулеметного отряда под Реймсом и посмертно награжденный орденом Почетного легиона.

Георгий Бруно, сержант того же полка. Бросился на помощь раненому товарищу и пал, сраженный германским снарядом.

Князь Георгий Гагарин, вольноопределяющийся 23-го пехотного полка, убитый в последний период войны в боях за освобождение Эльзаса.

Андрей Гонорский, капрал 22-го батальона альпийских стрелков, героически погибший, отбиваясь от наседавших немцев.

Павел Делакруа (русский по матери), погибший в феврале 1944 года в Эльзасе и посмертно награжденный Военным крестом.

Александр Левентон, юноша 22-х лет, доброволец и резистант, был ранен в боях за освобождение Парижа, убит в феврале 1945 года в Эльзасе. Военный крест. Военная медаль.

Владимир Станиславский, корнет старой русской армии, затем – унтер-офицер французской службы. Погиб накануне своего производ-

ства в офицеры. Окруженный немцами, предлагавшими ему сдаться, пытался пробиться, бросая ручные гранаты. Посмертно награжден Военным крестом.

Георгий Зарубин, герой тунисской кампании. Дважды под огнем немцев переплывал с ответственным поручением реку. Был убит под Бельфором и посмертно награжден Военным крестом.

Иван Зубов, почивший в ноябре 1944 года в Вогезах, в рядах 1-го маршевого полка Иностранного Легиона.

Таковы эти десять славных русских имен.

Отпевание погибших

Прибытие в Париж десяти тел воинов-героев, их отпевание и погребение превратилось в подлинное торжество, в крупное событие в жизни парижской русской колонии. Храм на рю Дарю был переполнен задолго до начала заупокойной литургии. Посреди храма на катафалках установлено десять гробов, покрытых французскими национальными знаменами и богато убранных цветами.

В церковной ограде выстраивается взвод, присланный военным генерал-губернатором Парижа. Внутри храма – целый ряд представителей французских военных властей, боевых единиц и объединений. Обращает на себя внимание делегация Иностранного Легиона – легионеры в белых кепи во главе с майором Булиже... Представители префектуры, полковых и дивизионных объединений со своими знаменами несут почетный караул у тел русских героев. 22-й полк иностранных добровольцев представляет русский – майор М. Волохов, семь раз награжденный Военным крестом.

Мы ищем в храме представителей Советской армии и узнаем с изумлением, что им не было послано приглашение присутствовать на торжестве. Этот непонятный промах нарушает, естественно, гармонию и полноту впечатлений памятного дня.

Наряду с родственниками погибших на отпевание явились и многочисленные делегации русских организаций... В тесной толпе мы замечаем многочисленных представителей парижской русской колонии... Заупокойную литургию и отпевание совершает архиепископ Владимир в сослужении протопресвитера Н. Сахарова, прот. А. Чекана, о. Олега Болдырева, о. Евграфа Ковалевского, о. Бориса Старка. Вдохновенно поет хор А. П. Афонского.

Краткое прочувственное слово – внутри храма – произносит о. А. Чекан. Он говорит о погибших и о русской женщине, благодаря неустанной энергии и стараниями которой удалось наладить перевезение тел с полей сражений в братскую могилу.

Служба кончена. Товарищи, друзья-однополчане выносят их храма один за другим десять гробов. Убитым воздаются воинские почести. Со ступеней храма с краткой речью – по-французски – обращается о. Евраф Ковалевский.

– Кровь наших русских людей, – говорит он, – смешанная на полях битв с кровью сынов Франции, является лучшим символом франко-русской дружбы...

Один за другим гробы устанавливаются на автокары, украшенные венками и знаменами. Длинная вереница машин отправляется к месту последнего упокоения погибших героев – в Сен-Женевьев де Буа.

На кладбище

В Сен-Женевьев, на площади перед мэрией, нас встречает буквально весь город. Делегации от бывших участников войны, представители местных объединений, десятки знамен и венков. Траурное шествие под звуки военного марша отправляется на православное кладбище.

Около военной часовни-памятника, где уже уготована братская могила, нас встречает новая толпа и настоятель Успенской церкви о. Лев Липеровский, мэр города и представитель Союза участников войны выступают с краткими речами. Теплое напутственное слово произносит о. Борис Старк. Последнюю литию по православному обряду, но на французском языке совершает о. Евграф Ковалевский. По-французски же поет хор М. Е. Ковалевского, специально прибывший из Парижа.

Последняя перекличка:

Georges Zaroubin. – Mort pour la France

Jean Zouboff. – Mort pour la France

Гроба опускаются один за другим в могилу. Хор поет «Коль славен».

Церемония окончена.

Б.Б.

Примечания

1. 21 ноября 1919 года Петровский Полтавский корпус покинул Полтаву, чтобы через несколько дней соединиться с Владикавказским кадетским корпусом. Эшелон корпуса прибыл во Владикавказ 4 декабря 1919, а 4 марта 1920 года корпусу пришлось эвакуироваться походным порядком по Военно-Грузинской дороге в Грузию. В тяжелых лагерных условиях, сопровождаемых голодом и болезнями, кадеты находились в Кутаисе до отправки их по железной дороге в Батум, а оттуда – в Крым, на пароходе «Кизил-Арват». Сводный Полтавско-Владикавказский кадетский корпус был размещен в Ореанде. Учебный процесс так и не удалось наладить в должной мере, т.к. кадеты 6-го и даже 5-го классов ушли на фронт, и только в августе они стали возвращаться в корпус. В сводный корпус поступали в это время кадеты всевозможных корпусов, а также любая часть учащейся молодежи, оказавшейся в рядах Белой армии. Многие приходили в корпус с наградами, оружием, ранами. «Кадетские корпуса за рубежом» Нью-Йорк, США С.45-48.
2. Имеются в виду шестидюймовые пушки Канэ.
3. Училище основано приказом от 27.06.1865 г., открыто 1.10.1865 г. 26 сентября 1914 г. училищу было присвоено наименование «1-го Киевского военного училища». После смерти великого князя Константина Константиновича 10.10.1915 г. 1-е Киевское военное училище стало именоваться Киевским Великого Князя Константина. Принимало участие в боях с большевиками в Киеве. Участвовало в 1-м и 2-м Кубанских походах. 6.08.1919 г. училище переведено в Феодосию. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Святого Николая Чудотворца, 187 юнкеров — Георгиевскими крестами и медалями.

   После преобразования армии в РОВС до 30-х г. училище представляло собой кадрированную часть в составе 1-го армейского корпуса.
4. В январе 1920 года генералом Деникиным был основан Феодосийский интернат при Константиновском военном училище. В него отправляли с фронта всех несовершеннолетних подростков, не имеющих родителей или не знающих о месте их пребывания. Приказом от 9 октября 1920 г. в состав Крымского кадетского корпуса был включен Феодосийский интернат при Константиновском военном училище. «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США С.49.
5. Ныне город Армянск, расположен на севере Крыма.
6. В ноябре 1917 года была создана артиллерийская часть, получившая впоследствии шефство генерала Сергея Леонидовича Маркова и послужившая основой для Артиллерийской генерала Маркова бригады. 18 августа 1920 года приказом Главнокомандующего Рус-

ской Армией был утвержден Знак Марковского артиллерийского дивизиона. Командиром бригады (дивизиона) был назначен генерал-майор Петр Николаевич Машин, подполковник РИА, участник 1-го и 2-го Кубанских походов. Командиром 1-ой генерала Маркова батареей артиллерийской генерала Маркова бригады был полковник Александр Альфредович Шперлинг (до 6.08.1920); начальник команды разведчиков, а затем старший офицер – подпоручик артиллерии Борис Антонович Давыдов (умер 28.12.1919).

7. Александровский фронт образовался между городом Александровском (с 1921 г. – Запорожье) и Кичкасской переправой. Перед Русской армией стояла задача овладеть переправой и разрушить Александровский железнодорожный узел. В северо-восточных районах Александровска 16-26 июля формировалась армия противника. Главные сражения на Александровском фронте шли 25 июля – 5 августа. За участие в боях под Александровском Владимир Станиславский был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (приказ по Крымскому кадетскому корпусу № 115 от 25.04.1921 г.).

8. Дмитриевка, Васильевка, Янчекрак (с 1945 г. – село Каменское), Михайловка, Андреевка, Царицынский Кут, Бурчацк, Орлянка – украинские поселения, в 1920 году неоднократно переходившие из рук Русской армии к красным.

9. Вероятно, в записях ошибка. 23 июля 1920 года перед 1-ой Конной армией Буденного стояла задача разбить войска польского Юго-Восточного фронта на львовском направлении и не позднее 29 июля занять Львов. Лишь 20 августа части армии начали уходить с Польского фронта. 1-я Конная армия участвовала в сражениях с Русской армией на юге Украины осенью 1920 г.

10. Машин Петр Николаевич, КаВУ 1905 (1907) Подполковник. В ДобрА в отряде полк. Покровского на Кубани. Участник 1-го Кубанского похода. 1918 г. командир 1-й бт, 1918 г. полковник, командир дивизиона 1-й аб до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 6 июня 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии, до дек. 1926 г. командир Марковского ад. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 49.

11. Лысая Гора – высокий песчаный холм на правом берегу Днепра.

12. Шперлинг Александр Альфредович, р.1895. Из дворян Прибалтики. В ДобрА; янв. 1918в Юнкерской бт, участник рейда партизанского отряда полк. Чернецова. Участник 1-го Кубанского похода 1-й офицерской бт, затем в 1-м легком ад, с 16 дек. 1918 г. до смерти командир 1- бт в 1-й (затем Марковской аб). Полковник (с 26 марта 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Убит 6 августа 1920 г. у раз. Чакрак под с. Бурчатском Таврической губ. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М, ФИВ, 2012. Том 2. с. 671.

13. Харьковцев Борис Васильевич, р. 1890 г. Из дворян. АлВУ 1912 г. Капитан артиллерии. В Добр. А; с июня 1918 г. командир орудия 1-й Офицерской ген. Маркова бт, с 12 авг. 1918 г. командир бронепоезда «Офицер», затем нач. Конвоя ген. Кутепова; с сент. 1918 г. по март 1920 г. и в мае 1920 г. командир бронепоезда «Слава офицеру». С 6 авг. и на сен. 1920 г. командир 1-й бт в Марковской аб. Полковник. Галлиполиец. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 582

14. В июне 1918 года отряд полковника М. Г. Дроздовского после присоединения к Добровольческой армии составил 3-ю пехотную бригаду, позднее – дивизию. Сводно-стрелковый полк в составе дивизии стал называться 2-м Офицерским стрелковым полком. С октября 1919 по август 1920 года им командовал полковник А. В. Туркул; с 8 августа 1920 по 23 сентября 1920 — полковник В. П. Мельников.

15. Приказом Главнокомандующего генерала Врангеля от 9 октября 1920 года Сводному Полтавско-Владикавказскому кадетскому корпусу присвоено наименование «Крымский кадетский корпус» (ККК). «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США. С.49.

16. Крымский кадетский корпус эвакуировался из Ялты 1-го октября 1920 года на паровой барже «Христи» – плоскодонной угольной ладье, метров 80 в длину и 8 в ширину; палуба была выше воды примерно на один метр. Из воспоминаний бывшего кадета Андрея Ивановича Федюшкина: «На пароходе было много разных людей: штатские, военные, оторвавшиеся от своих частей, репортеры каких-то газет, – главным образом устроившиеся в трюме, кадеты же в большинстве – на палубе. Мы несли наряды по поддержанию порядка на пароходе. Эта служба распределялась кадетами старших классов. В течение плавания мы получали ежедневно на четверых один блинчик, изжаренный на примусе, и кружку воды» (Биографический листок «Мамины записки». Выпуски 5, 6, 7).

17. Порт Бакар входил в состав Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС), позднее – Королевства Югославия. Фиуме – независимое государство (свободный город), просуществовавшее с 1920 по 1924 год.

18. Стрнище – лагерь бывших военнопленных, находившийся на Словенской территории. Лагерь состоял из деревянных бараков, из неплотно сбитых досок. Длина барака была примерно 60 метров, ширина –12. В них стояли деревянные кровати без матрасов. Из воспоминаний: «Спали мы на деревянных топчанах — каждому было выдано по два тощих солдатских одеяла, а на подстилку употреблялись шинели, так как матрацев не было» (Биографический листок «Мамины записки». Выпуски 5, 6, 7). Подробнее – «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США С. 52-55.

19. Популярная песня юнкеров-артиллеристов русских военных училищ.

20. VII-I – 7-й класс, 1-я рота. Кадета Евгения Белякова, Георгиевского кавалера, вспоминают как доброго и скромного юношу, отличного товарища, которого все любили. «Русская Армия в изгнании» под ред. С. Волкова М.: Центрполиграф, 2003.

21. Печальные случаи добровольного ухода из жизни среди кадет, к сожалению, имели место и в дальнейшем. Однако после тщательного расследования пришли к выводу, что причиной нескольких последовательных самоубийств были, вероятнее всего, тоска по оставленной Родине, острое ощущение одиночества и собственной ненужности. Сведений, подтверждающих наличие «клуба самоубийц», не нашлось. Самоубийства на почве душевного надлома и разлуки с родиной были распространенным явлением в эмигрантской среде не только в кадетском корпусе, но и среди боевых офицеров. Бывший кадет Михаил Каратеев вспоминал: «... все говорило за то, что он («клуб самоубийц») является плодом чьей-то досужей фантазии или чрезмерной «проницательности» начальства. В частности, было совершенно очевидно, что между двумя самоубийцами не существовало никакой связи: Беляков был кадетом Полтавского корпуса, а Ильяшевич – Владикавказского, вместе они никогда не ходили, учились в разных классах... и едва ли когда-нибудь перемолвились хоть словом» («Русская армия в изгнании» под ред. С.Волкова). Однако есть сторонники противоположной версии. Андрей Квакин пишет, что с 29 декабря 1920 года по 27 августа 1923 года зафиксировано 29 событий, имеющих отношение к описанному делу. Такая система не могла быть случайной («Клуб самоубийц». «Новый журнал», № 233, 2003 г.).

22. Кадеты Владимир Васильев, Михаил Каратеев, Николай Львов, Дмитрий Потемкин числятся в списках первого выпуска кадет, окончивших Крымский кадетский корпус (1921г.); В. Григоросуло – в списках не окончивших корпус. «Кадетские корпуса за рубежом» Нью-Йорк, США. С.142-143.

23. Директор корпуса – Владимир Валерианович Римский-Корсаков. Р.14 июня 1859. Оф. Л-гв. Преображенского полка. Генерал-лейтенант, директор 1-го Московского кадетского корпуса, затем во Франции, с 1930 основатель и директор корпуса-лицея в Версале. Ум. 8 ноября 1933. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 304

Иван Павлович Трофимов. Р. 1874. Подполковник. Воспитатель Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР и РА до эвакуации Крыма. 11 дек. 1920 г. перевезен из лагеря «Селемие» в Каттаро. Эм в Югославии, 1 сент. 1920 г. – 1 сент. 1929 г. преп. Крымского кадет. Корпуса, затем до 1 авг. 1933 г – Первого Русского кадетского корпуса. После ареста в октябре 1944-1945 остался в Белой Церкви

Умер авг. 1962 там же. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 513-514.

24. По разным слухам, «клубом самоубийц» руководил «советский агент» Хоцянов – подпоручик-артиллерист, проживавший в колонии лагеря Стрнище, поддерживавший связь с кадетами-марковцами и другими. У него в комнате организовывались карточные игры, проигравший должен был расплачиваться жизнью. Документальных подтверждений этих слухов найти не удалось.

25. Кадеты Ростислав Попов, Олег Скородумов, Лонгин Лазаревич, Михаил Каратеев – первый выпуск; Георгий Перекрестов – второй выпуск Крымского кадетского корпуса. «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США С.142-144. Капитан Б. В. Шестаков – офицер-воспитатель (14.03.1920-1.08.1928). «Кадетские корпуса за рубежом» Нью-Йорк, США С.172-176.

26. Потоцкий Сергей Николаевич. Р. 13 сент. 1877. Сын генерал-лейтенанта. Оф. Л-гв.2-й аб. Генерал-майор, военный агент в Дании. В ДобрА и ВСЮР на той же должности, дек. 1918 - апр. 1919 глава «Русской делегации» в Германии по делам русских военнопленных. Эм. В Дании, пред. Союза инвалидов, Российского Общества Красного Креста, Союза взаимопомощи русских офицеров в Дании. Ум. 7 янв. 1954 в Копенгагене. С.В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М, ФИВ, 2012. Том 2, с. 262.

27. кавярня (kavarna)– кафе, кофейня (сербск.)

28. Мариборская Военная Реалка – бывший австрийский кадетский корпус; с 1919 по 1921 год – это «Высшая военная реалка» в окрестностях Марибора. Комендантом этой школы был кавалерийский полковник Яковлевич.

29. Великий князь Константин Константинович – член Российского Императорского дома, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, генерал-инспектор военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, поэт, переводчик и драматург. Публиковался под псевдонимом «К.Р.» Под руководством великого князя была произведена большая работа по развитию и улучшению обучения в военно-учебных заведениях.

30. Со слов Елизаветы Станиславской, Банан – это корнет Владимир Бунин. Воевал в ВСЮР и Русской Армии. Награжден Георгиевским крестом 3 и 4 степени. В эмиграции в Югославии окончил Крымский кадетский корпус в 1922, Николаевское кавалерийское училище в 1923 г. (Волков С. В. Офицеры арм.кав. М.,2002)

31. Летом 1921 г., во время небывалой засухи в Поволжье и разразившегося там голода, по предложению директора корпуса в помощь голодающим был организован сбор средств, направленных затем через Международный Красный Крест в Россию.

32. Загурский Николай Александрович – кадет 2-го кадетского корпуса. В 1920 г. эвакуирован из Владивостока в Югославию. Сдал экзамен и получил аттестат Крымского кадетского корпуса, окончил университет в Белграде. В 1941 в составе югославской армии попал в немецкий плен. С этого же года до 1945 г. – в Русском Корпусе.

33. Санаторий в замке Вурберг (Wurmberg или Vurberk) был создан Русским Красным Крестом. Первые годы в санатории лечили больных в последней стадии туберкулеза. Возглавляла санаторий Наталия Александровна Духонина, вдова генерала Н. Н. Духонина. К июлю 1921 года в Вурберге проживало 100 больных русских эмигрантов. Их лечили бесплатно. К октябрю 1921 года средства на содержание больницы сократились, поэтому новых пациентов не принимали.

34. Для общей оценки учащихся использовалась 12-бальная система.

35. Албаков Сергей – кадет III класса, умер 23.09.1921; Экстен Григорий – кадет VI класса, умер 14.10.1921; Козлов Григорий – кадет IV класса, умер 14.10.1921. «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США. С.170.

36. Цыбулевский – бывший капельмейстер лейб-гвардии Преображенского полка, известный дирижер, надворный советник, преподаватель музыки. В корпусе – с 17.01.1921 по 1.03.1923 г. Дополнительный заработок от дирижирования симфоническими оркестрами в Белграде, Загребе, Праге он тратил на приобретение инструментов для корпусного оркестра.

    Комаревский Борис Викторович (1893 –1945) – капитан, регент, в корпусе – преподаватель пения с 21.08.21 по 9.11.1923.

37. Цук – система приобщения к кадетским традициям и одновременно система кадетского саморегулирования и применения внутренних карательных мер. Промашка новичка каралась наказанием со стороны старшего. Цук проник в корпуса, главным образом, из кавалерийских училищ (от кавалерийского термина «цукнуть» лошадь, ее одернуть, привести к повиновению) – «Сборник воспоминаний бывших питомцев Петровского Полтавского кадетского корпуса». Рукопись, Франция, 1965, с. 171

    Кадеты считали цук важнейшей корпусной традицией. Многие военные педагоги смотрели на цук сквозь пальцы, а иногда даже находили в нём положительный элемент. См. прим. 11 к гл. «Барон Дистерло».

38. Записан адрес некой Марианны, вероятно, знакомой девушки автора дневника.

39. Полковник Самоцвет Матвей Феофилович р. 1867. Сын генерал-лейтенанта. ПВУ 1887. Оф. ОКВ. Полковник, командир роты Одесского кадетского корпуса. В ДобрА и ВСЮР; на той же должности.

Эвак. с корпусом в Югославию, мар.1920- 25 нояб. 1921 командир роты Первого русского кадетского корпуса, 6 нояб. 1921 г. – 8 мая 1922 воспитатель Крымского кадетского корпуса. Ум. 28 июня 1936 г. в Сараево. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 356-357.

40. Традиции – это ряд установившихся обычаев, узаконенных не приказаниями свыше, а самими учащимися, и идущими иногда даже вразрез с распоряжениями и бытом Школы, предписанными официальным регламентом. Традиции делятся на категории: традиции, уходящие корнями в быт и нравы русской армии; правила поведения в стенах корпуса и вне их; традиции шуточного и юмористического характера. «Сборник воспоминаний бывших питомцев Петровского Полтавского кадетского корпуса». Рукопись, Франция, 1965, с. 169.

    Хранителем корпусных традиций считался старший 7-й, или позже 8-й класс, которому это право торжественно передавалось от предыдущего выпуска.

41. «Дедом» кадеты называли директора корпуса В. В. Римского-Корсакова. Сотни кадет обязаны ему и подобранному им педагогическому коллективу образованием и воспитанием за годы, прошедшие после исхода из России. Вот его завет:

    «Я вам завещаю одно:
    Храните святые заветы,
    На Русь принесите всё то,
    Чем русские жили кадеты».

    С горечью среди кадет и преподавателей была воспринята весть об увольнении В. В. Римского-Корсакова с поста директора в декабре 1924 г. «Честь родного погона». Составитель А. Йордан. 1999 г.

42. 9 декабря (26 ноября по старому стилю) – праздник Георгиевских кавалеров. В этот день в 1769 году Императрица Екатерина II своим указом учредила высшую воинскую награду – Орден Святого Георгия. Традиции торжественно чествовать героев сохранялись в России вплоть до революции 1917 года.

43. Готуа Георгий Семенович, р. 1 янв 1871 г., Кутаисская прогим. Георгиевский кавалер. В ДобрА и ВСЮР с нач. 1919 г; во 2-м армейском запасном батальоне, с 3 ноября 1919 г командир 77-го зап. б-на. Генерал-майор. Эм в Югославии, с 1921 г жил при Донском кадетском корпусе в Билечеве. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 1, с. 313.

    Ржевуцкий Степан Андреевич – командир батареи 52-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В начале 1918 г. – в Дагестанской армии, затем во ВСЮР и Русской Армии; с июня 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с сентября 1919 г. командир 2-го дивизиона 8-й артиллерийской бригады, с

октября 1919 г. командир Отдельного тяжелого гаубичного тракторного дивизиона. Полковник. В эмиграции в Югославии с 1 июля 1921 г. по 21 апреля 1928 г. – служащий Крымского кадетского корпуса. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 671

Из-за неразборчивости текста другие фамилии, возможно, прочитаны неверно.

44. Ромашкевич Александр Дмитриевич. Р. 1861 г. Полковник, начальник хозяйственной части Полтавсого кадетского корпуса. Во ВСЮР с 7 авг. 1919 г. на той же должности, затем воспитатель и командир роты того же корпуса. В РА с 1 сент. 1920 г. До эвакуации корпуса, до 20 сент. 1921 г. командир роты Крымского кадетского корпуса. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 318.

    «Необходимо отметить ту героическую работу, которую проделывал заботливо, внимательно и бескорыстно один из командиров рот, полковник Ромашкевич А. Д. В течение всего пребывания в Корпусе он любезно собирал все мелочи кадетской жизни и ежегодно издавал прекрасные сборники «Материалы к Истории Петровского Полтавского корпуса». Делал он это буквально до последнего издыхания. Кадеты его очень любили. В эмиграции он сильно тосковал по оставленной им на Родине семье. В 1931 году он подал в отставку и уехал в старческий дом в Кикинде, где и скончался в 1943 г.» «Сборник воспоминаний бывших питомцев Петровского Полтавского кадетского корпуса». Рукопись, Франция, 1965, с. 149

45. Руссиян Дмитрий Тимофеевич р. 1874 г. ПпКК 1824 г., КАУ 1896, Спб. археологический ин-т. Подполковник, командир 1-го тяжелого тракторного ад. 1918 г. в гетманской армии; с 7 сент. 1918 г. командир 2-го арт. полка. Во ВСЮР и РА. Полковник, Эм в Югославии; 8 мар. 1921 г. – 1 авг 1928 г. командир роты Крымского кадеткого корпуса, член ООа. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 330

46. Миляшкевич Федор Иосифович. Полковник Ярославского кад. корп. Эвак. 25 янв. 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. Мар. 1920 – 25 июня 1921 г. преп. Первого Русского кадетского корпуса, 21 мар.1922 – 1 сент. 1924 г. преп Крымского кадетского корпуса. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 68.

47. В кадетских корпусах «зверями» называли воспитателей, преподавателей.

48. Генуэзская конференция – международная встреча по экономическим и финансовым вопросам в Генуе проходила при участии представителей 29 государств с 10 апреля по 19 мая 1922 года. Повод – изыскание мер «к экономическому восстановлению Цент-

ральной и Восточной Европы». Основной вопрос – стремление европейских стран к аккомодации с коммунистическим режимом в Москве. От Советской России требовалось признать все финансовые обязательства и долги прежних режимов России. Вопросы разрешены не были; часть из них была перенесена на Гаагскую конференцию 1922 года.

49. Гернгросс Борис Владимирович р. 29 апр. 1878 г. Полт. губ. ПпКК 1886, МАУ 1889, АГШ 1906. Офиц 17-й кабт. Полковник, командир 14-го гусар полка. 1918 г. нач. Елисаветградского кав. Уч. Генеральный хорунжий Во ВСЮР и РА; с 10 янв 1920 г., командир 14 гусар. полка, затем в штабе 2- кд до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Эвак. на корабле «Аю-даг». Галлиполиец, командир 3-го кав полка, затем 2-й кавал. бриг. Эм в Югославии, член ООГШ, пред. ПО в Горице, к 31 командир 2-й бриг. Кд, преп. ВВНКв Белграде. Ум. 4 июля 1943 г. в Белгр. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 1, с. 280.

50. Николай Кулябко, Борис Финне и Евгений Кунаков не были исключены, закончили корпус в 1922 году. Соколов в списках выпускников не значится. «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США. с.143-144.

Корнетский комитет – неформальный орган «самоуправления» кадетов. Автор дневника входил в состав корнетского комитета.

51. Георгий Куторга, Иван Телепнев, Эдуард Канторович, Всеволод Гулевич, Виктор Черняев, кн. Михаил Оболенский, Евгений Поляков, Игорь Цыбульский, Иосиф Лошунов – в списках поступивших в Николаевское Кавалерийское Училище. «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США. с.161-162.

52. Базаревич Владимир Иосифович р. 4 нояб. 1881 г. ПЮУ, АГШ 1909. Во ВСЮР и РА. Полковник. К 1926 г. воен агент в Югославии. Начальник отдела Делегации, ведавшей интересами русской эмиграции, к 1931 г. военный представитель 4-го отдела РОВС в Белграде. Ум. 31 окт 1943 г. в Белгр. С.В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 1, с. 76.

Потоцкий Дмитрий Николаевич р. 5 нояб. 1880 г. Из дворян, сын офиц. В ДобрА с нояб. 1917 комендант командующ. войсками Роситова. Взят в плен в дек. 1917 г., бежал в Киев; с конца 1918 г. пред. комиссии по вопросу о военнопленных, с начала 1919 г. в Герм. Уполномоч. Красного Креста. 1920-1923 г. – военный агент и представитель ГК в Югославии. Эм в Югославии; член ОКСГ; 1923-1924 член ООШГ; затем во Франции и Алжире. Ум. 31 мар 1949 г в Н-Йорке. С.В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 262

53. Николай Ковалевский – кадет V класса Крымского кадетского корпуса; умер 15 декабря 1922 г. «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США. С.170.

54. Маслов Григорий Константинович, р. 22 дек. 1878 г. КвКК 1896, КАУ 1898. Полковник, преп. Николаевск. военного училища. Во ВСЮР и РА; инсп. классов в Крымском кадетском корпусе до эвакуации Крыма. Эвак. на кор. «Константин». Эм. в Югославии, член ООА. 1 нояб. 1920 – 12 нояб. 1925 г. инсп. классов и преп. того же корпуса. Ум 18 июня 1929 в Белой Церкви. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 41.

55. Речь идет о кризисе правительства лидера Болгарского земледельческого народного союза Александра Стамболийского. 9 июня 1923 года в результате переворота правительство Стамболийского было свергнуто.

56. Григорий Васильевич Бостунич – писатель, журналист, драматург, адвокат, оккультист. Одной из первых и основополагающих работ Бостунича стала книга «Масонство и русская революция», написанная в Сербии.

57. Константин Денисов, Александр Белов, Дмитрий Чаплыгин – выпускники Крымского кадетского корпуса (2-й выпуск). «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США. С.143-144.

58. Сокольское движение – молодёжное спортивное движение, основанное в Праге в 1862 году. В Россию идею движения принесли чешские преподаватели гимнастики. После 1917 года русское сокольское движение продолжалось среди русской эмиграции, где военно-спортивные общества «Русских Соколов» сыграли роль в сохранении «русскости» в чужих странах. Обществам «Русский Сокол» удалось воспитать целое поколение зарубежной молодежи русскими патриотами, здоровыми телом и душой.

59. Сугубые – младшие кадеты.

60. Похороны алгебры – шуточная традиция кадетов по окончании выпускных экзаменов «хоронить» науки. «Похороны» проводились тайком от начальства ночью, при свечах. Учебники, уложенные в самодельный «гроб», по традиции сжигали. Однако из-за недостатка учебников кадеты воздерживались от сожжения подлинников и готовили им специальную замену.

61. Гончаренко Виталий Михайлович. ПпКК, КвКК 1902, ПВУ 1904. Полковник, воспитатель Полтавского Кадетского корпуса. Во ВСЮР и РА. Эм. В Югославии. 1сент 1920 г.– 1 сен. 1928 г. воспитатель Крымского Кадетского корпуса. Ум. 25 дек 1940 г. в Югославии. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 1, с. 35.

62. Первый Слет Югославянского Сокольства, проходивший в Любляне, послужил толчком к росту русского сокольства в Югославии. Русские выступали в одном строю с югославами, а после гимнастических показательных выступлений прошли под национальным флагом по улицам города.

63. Александр I Карагеоргиевич (1888-1934) – основатель государства Югославия. Во время Первой мировой войны – Главнокомандующий Сербской армией. По-братски принял десятки тысяч беженцев из России во время гражданской войны. К концу 1922 года Король СХС Александр I взял под свое покровительство около сотни тысяч русских беженцев. Был противником установления дипломатических отношений с СССР. Убит хорватским террористом в 1934 г. Его жена Мария – принцесса Румынская. Сестры его матери, Стана и Милица, были замужем за Великими князьями Николаем Михайловичем и Николаем Николаевичем.

64. 15 августа 1922 г. по почину общества «Русский Сокол» в Любляне состоялось «Собрание представителей Русских Сокольских организаций и отдельных лиц русской национальности, входящих в состав Югославянских Сокольских обществ». Целью собрания была выработка «Правил» для объединения русских соколов и установления взаимоотношений с Югославянским Сокольством.

65. Парк Тиволи – самый большой парк в городе Любляна.

66. Николаевское Кавалерийское Училище (НКУ) – возрождено в Галлиполи 1921 году на основе существовавшего в Крыму Учебного дивизиона. Впоследствии эвакуировано в г. Белая Церковь (КСХС), где действовало до 1923 года. Произвело 4 выпуска – в 1922, 1923, 1924 годах, всего 357 человек. Автор воспоминаний – в списках выпускников 2-го выпуска. Начальник НКУ – генерал-лейтенант А. В. Говоров.

67. Стафиевский Анатолий Николаевич р. 1896 на Волыни. КК, ЕКУ 1914. Штабс-ротмистр 7-го гусарского полка. Во ВСЮР и РА до эвакуации Крыма. На 18 дек.1920 в составе 2-го кав. Полка в Галлиполи. Ротмистр. Сменный оф. НКУ в Белой Церкви, с 1925 г. во Франции. Подполковник, участник монархич. движения. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 445.

68. Генерал Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867-1939). Выпускник Николаевского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища, академии Генштаба, офицер лейб-гвардии Гусарского полка, генерал-лейтенант, представитель Ставки при итальянской главной квартире. Воевал в белых войсках Северного фронта, с мая 1919 г. – Главнокомандующий войсками Северной области, с июня того же года – Главнокомандующий войсками Северного фронта, затем – Главный начальник Северного края. В

эмиграции – начальник НКУ, вахмистр эскадрона, Главнокомандующий Русской Армии в Париже, начальник штаба Русской Армии. С 1930 г. – председатель РОВС. Состоял председателем: Объединения офицеров 7-го гусарского полка, Общества взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Общества северян. Похищен советскими агентами в 1938 г. в Париже, расстрелян в 1939 г. в Москве. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 66.

Генерал Барбович Иван Гаврилович (1874-1947) окончил Полтавскую гимназию, Елисаветградское кавалерийское училище. Командовал 10-м гусарским полком. Георгиевский кавалер. В 1918 г. сформировал отряд, с которым присоединился к Добровольческой армии, с 1919 г. – в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, командир 2-го конного полка, начальник конной дивизии в Крыму, командир Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, командир конной дивизии, командир 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии с 1920 г. командовал Сводным корпусом. Кавалер ордена Св. Николая Чудотворца. В эмиграции – почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. С 1933 г. – начальник 4-го отдела РОВС, председатель объединения кавалерии и конной артиллерии. (Волков С. В. Офицеры арм.кав. М.,2002)

69. Синегуб Валентин Константинович р. 1877. ПпКК 1895, НКУ 1897. Полковник 10 уланского полка, командир 10 гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом 1918 г. в Ахтырке. В РА до эвак. Крыма Эвак. на корабле «Лазарев», 1921 г. командир дивизиона НКУ. Эм. в Югославии, служил в югосл. армии. Ум. до 1965. С. В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., ФИВ, 2012. Том 2, с. 395.

70. Харьковский девичий институт в Турском Бечее (250 воспитанниц, начальница М.А.Неклюдова).

71. 12 гусарский ахтырский полк – один из старейших полков Русской Императорской армии. Ведет свою летопись с 1651 год. За Отечественную войну 1812 года полк награжден серебряными трубами с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России». Полк, ликвидированный в начале 1918 г., был восстановлен тогда же в составе ВСЮР в виде двух эскадронов ахтырских гусар, влившихся в 1919 году в 12-й Сводный кавалерийский полк, которым командовал бывший офицер Ахтырского полка Георгий Николаевич Псиол. После эвакуации из Крыма в составе армии барона Врангеля, ахтырские гусары находились на полуострове Галлиполи, а затем в полном составе поступили на службу в армию Югославии и несли пограничную стражу. В эмиграции ах-

тырские гусары неоднократно собирались в доме своего Августейшего шефа – Великой Княгини Ольги Александровны.

72. «1 сентября 1923 года состоялось производство... общеобразовательного курса в унтер-офицеры с правом производства в офицерский чин по удостоению начальства. После этого весь состав Училища прибыл в г. Кральево на работы по прокладке дорог. Начальником Училища был назначен ген-майор Чекатовский, штаб Училища разместился в Кральево». Памятка Николаевского Кавалерийского Училища. Издание бывших юнкеров. 1969, с. 244.

   Из послужного списка В. Станиславского: «В составе Училища – командирован на работы в гор. Кральево, куда и прибыл 1923 года сентября месяца 9 числа».

73. В послужном списке Владимира Станиславского это время означено следующими записями:
   «Откомандирован в распоряжение Командира 2-го Кавалерийского полка – 1924 года, июня месяца, 28 числа.
   Прибыл в полк и назначен в 4-й Сводный 12-й Кавалер. Дивиз. Эскадрон – 1924 года, июля месяца, 1 числа.
   В составе того же эскадрона перешел на новые работы из района г. Кральева – в район г. Пожарьевца/Лубичев Моста – 1924 года, октября месяца, 5 числа.
   Убыл в 10-ти месячный из полка отпуск – 1925 года, апреля месяца, 10 числа».

74. Трофимов Михаил – выпускник Николаевского кавалерийского училища, 1-й выпуск. «Кадетские корпуса за рубежом». Нью-Йорк, США. с.161.

75. Гастон Думерг (1863-1937) – французский государственный и политический деятель, президент Франции (1924-1931). Занимал посты министра колоний, министерства иностранных дел, председателя Сената. Во время Первой Мировой войны в феврале 1917 года Думерг возглавлял французскую миссию в Петрограде, в ходе которой неоднократно настаивал на продолжении войны Россией. После ухода с поста президента ещё раз был премьер-министром. Питал планы о создании Национального Союза – широкой коалиции всех политических партий Франции. Однако его мечты не были реализованы. 8 ноября 1934 года Думерг оставил должность главы правительства и полностью сошел с политической арены.

76. С. Д. – Сергей Дмитриевич Тверской, отец жены Владимира Станиславского.

77. Ягелло Владимир Павлович (15 июля 1907, Вильно – 26 февраля 2000, Париж). Корнет Ахтырского гусарского полка, художник, общественный и церковный деятель. Окончил Русский кадетский корпус в Сараево, учился в Парижском университете на геолога.

Работал художником. Окончил Высшие военно-научные курсы генерала Н. Н. Головина. Был принят в Ахтырский гусарский полк корнетом. Во время Второй мировой войны мобилизован во французскую армию. Был в плену. В 1941 бежал. «Российское зарубежье во Франции (1919-2000)». Биографический словарь. Наука. Дом-музей Марины Цветаевой, 2008-2010.

78. Ваня – Иван Владимирович Станиславский, сын автора писем.

79. Аглаимов Всеволод Петрович (1892 - 1965). Николаевское кавалерийское училище 1911. Штабс-ротмистр 12-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 22 фев. 1919 г. командир эскадрона своего полка, ротмистр. В Русской Армии в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Полковник. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 дек.1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи, убыл в Константинополь. С 1929 г. член правления Общества взаимопомощи Николаевского кавалерийского училища.

80. Стракач Константин Станиславович, р. 1868. Николаевское кавалерийское училище 1889. Ротмистр с 1900 г. В Русской Западной армии, с 1919 г. подполковник. В эмиграции во Франции, к 1929 г. член правления Общества взаимопомощи Николаевского кавалерийского училища. Полковник. Соч.: «Памятка о жизни николаевцев за рубежом». Париж, 1936.

81. Наташа, Ваня – старшие дети Станиславских; Бегемотик, скорее всего, семейное шутливое имя младшей дочери Елизаветы, которой в это время не было еще двух лет.

82. В записной книжке Владимира Станиславского сохранился адрес: «Ленинград, Ленинградская сторона, Большая Зеленина улица, д. № 9, кв. 114. Елизавета Константиновна Станиславская». Узнать что-либо о судьбе этой женщины не удалось.

83. Заупокойную литургию и отпевание совершал архиепископ Владимир [Тихоницкий – Л.З.], в числе сослуживших ему – протоиерей Борис Старк. Вот фрагмент воспоминаний о. Бориса:

«Мы объезжали военные кладбища, поля битв, выискивали на крестах русские имена, искали родных этих солдатиков и потом, с их разрешения, стали перевозить их на русское кладбище Ст. Женевьев, где она [Анна Феликсовна Воронко] купила в центре кладбища большое место. Особенно мне запомнилась первая поездка... в марте 1947 г. В ту поездку мы привезли 10 гробов, проехав 6 дней по дорогам Соммы, Шампани, Эльзаса, Лотарингии, Арденн...

В субботу рано утром мы были в Париже и привезли гробы в собор на ул. Дарю, где совершалось отпевание. После чего я повез гробы с отпетыми солдатиками на наше Русское кладбище.

Нам для этой поездки обещали большой грузовик, в котором было три места рядом с шофером и крытый кузов сзади. С нами

должна была ехать еще одна дама — жена убитого Владимира Станиславского.

Когда в понедельник утром мы были готовы к выезду, то... подали машину с одним местом около шофера и сзади только брезентовый верх.

Я уступил место рядом с шофером дамам, которые весь путь сидели одна у другой на коленях, а сам забрался в кузов, где уже лежали 10 пустых гробов. ... Среди 10 убитых, которых нам надлежало выкопать, шестеро были с 1940 г.»



Кадет Владимир Станиславский



Георгиевский кавалер В. Станиславский

во 2е орудие.
15 июля 1 взводъ поѣхалъ и пріѣхалъ на пополненіе въ Васильевку.
20 июля Присоединились къ батарее въ Яиче-Кракъ.
23 июля Стали въ заставу на высотахъ за Яиче-Кракомъ въ прорывѣ (1-й взводъ), а ночью отошли на Васильевку.
25 июля Нашъ 1-й взводъ отбилъ атаку конной дивизіи Буденнаго.
26 июля Дежурилъ 2-й взводъ. Вызывали.
27 июля 1-й взводъ подбилъ автоброневикъ который потомъ взяла пѣхота.
28 июля Спокойно.
29 июня. Рано утромъ выѣхали всей батареей. Мы на свое мѣсто 2й взводъ правѣе. Били на пр. 16 прямой наводкой. Нѣсколько разъ мѣняли позицію и отходили и потомъ снова заняли старую. 2й взводъ здорово обстреляли но они драпнули благополучно. Когда они вернулись их окружили и они еле выб...

Страница дневника кадета В. Станиславского. 1920 г.

Выписка
изъ приказа по Крымскому Кадетскому Корпусу отъ 25 апреля 1921 г. № 115. м. Стрнище

§ 3.

Объявляю при семъ списокъ кадетъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, кои были удостоены за боевые подвиги георгiевскихъ наградъ въ гражданскую войну съ указанiемъ времени ихъ полученiя:

Станиславскiй Владимiръ ...... Георгiев. Крестъ 4 ст.
16 Августа 1920 г.

Подлинный подписалъ: Директоръ Крымскаго кадетскаго корпуса Генералъ-Лейтенантъ Римскiй-Корсаковъ

Съ подлиннымъ вѣрно:

Выписка из приказа по ККК от 25 апреля 1921 г.

Распоряженiе
ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ
№ 245.

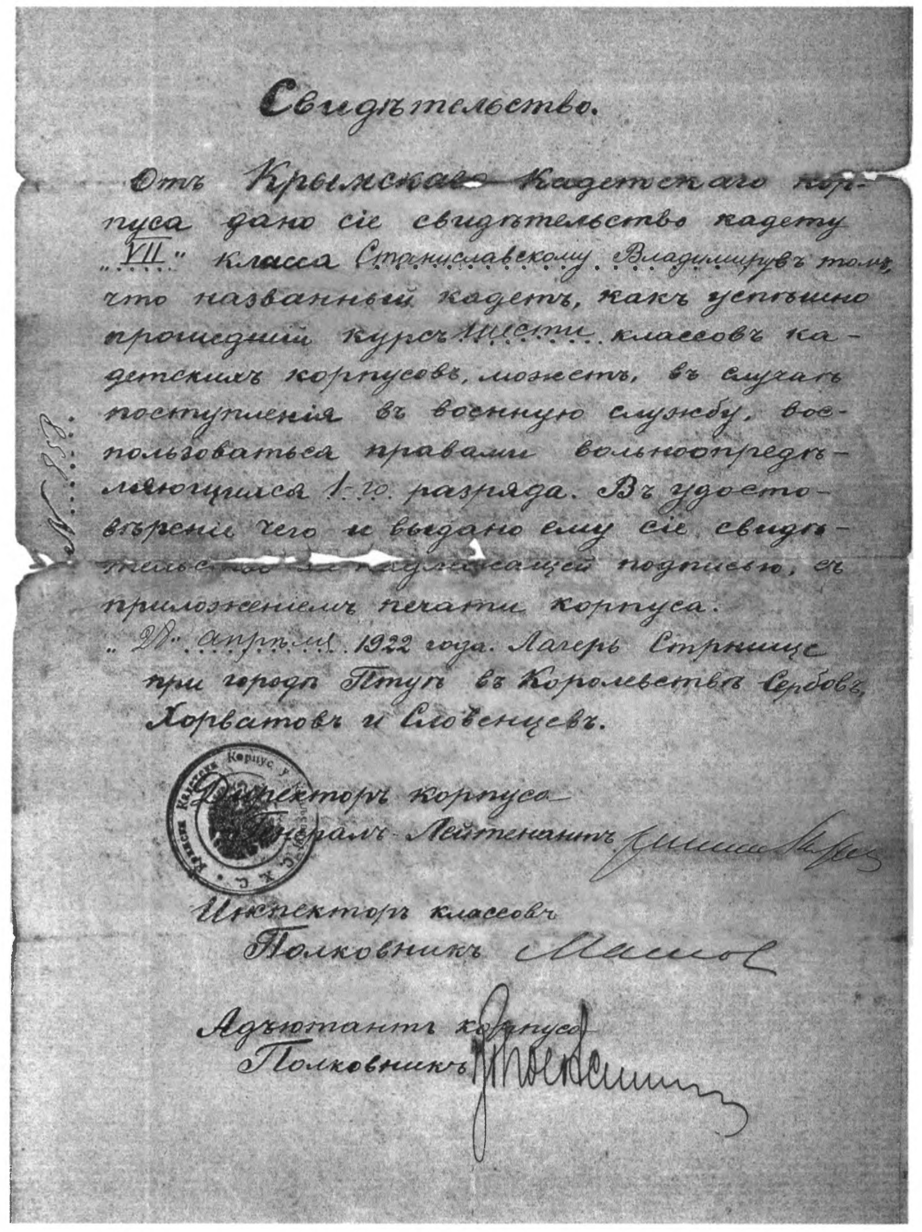
Сремски Карловци. "2" сентября 1923 года

ПРОИЗВОДЯТСЯ: По Кавалерiи:
Николаевскаго Кавалерiйскаго училища:

Въ Корнеты: Старшiе портупей-юнкера: ФРОЛОВЪ Михаилъ, КАРПИНСКIЙ Викторъ.
Младшiе портупей-юнкера: ЮРЧЕНКО Василiй, БОГОСЛОВСКIЙ Юрiй.
Юнкера: СОЛОВЬЕВЪ Сергѣй, РЫЖКОВЪ Алексѣй, НАУМЕНКО Всеволодъ, КУЧЕРЪ Николай, ИЗМАЙЛОВЪ Павелъ, КОСТЕЛЕВСКIЙ Михаилъ, ЧУПРУНОВЪ Александръ, ТЕРЁХОВЪ Сергѣй, ДУДОРКИНЪ Михаилъ и ЗЫССЪ Леонидъ – въ I-ый Кавалерiйскiй полкъ.

Старшiй портупей-юнкеръ МАРТЫНОВЪ Дмитрiй,
Младшiе портупей-юнкера: ЛАПТЕВЪ Евгенiй, ФИННЕ Борисъ, ПОЛЯКОВЪ Евгенiй и СТАНИСЛАВСКIЙ Владимиръ.
Юнкера: ЧИЖОВЪ Борисъ, АДАМОВИЧЪ Николай, СПИРИДОНОВЪ Всеволодъ, КОХЪ Виталiй, ТИМОФЕЕВЪ Александръ, КУТОРГА Георгiй, ТРУШКЕВИЧЪ Георгiй, КУЛЯБКО Николай, фонъ-КОССАРТЪ Федоръ, ЗУБКО Александръ, ДОМОНТОВИЧЪ Иванъ, ГИДЗИНСКIЙ Романъ, ФIАЛКОВСКIЙ Александръ, ГЛАЗКОВЪ Петръ, ЩЕРБИНСКIЙ Борисъ, ЛИПИНЪ Борисъ, БУНИНЪ Владимиръ, КИРПОТЕНКО Вадимъ – во 2-ой Кавалерiйскiй полкъ.

Распоряжение ген. Врангеля о производстве в корнеты, 2 сентября 1923 г.



Свидѣтельство.

Отъ Крымскаго Кадетскаго корпуса дано сiе свидѣтельство кадету "VII" класса Станиславскому Владимiру въ томъ, что названный кадетъ, какъ успѣшно прошедшiй курсъ шести классовъ кадетскихъ корпусовъ, можетъ, въ случаѣ поступленiя въ военную службу, воспользоваться правами вольноопредѣляющихся 1-го разряда. Въ удостовѣренiе чего и выдано ему сiе свидѣтельство за надлежащей подписью, съ приложенiемъ печати корпуса.

"22" апрѣля 1922 года. Лагерь Стрнище при городѣ Птуѣ въ Королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ.

№ 858

Директоръ корпуса
Генералъ-Лейтенантъ [signature]

Инспекторъ классовъ
Полковникъ [signature]

Адъютантъ корпуса
Полковникъ [signature]

Свидетельство, выданное кадету В. Станиславскому 22 апреля 1922 г.

В первом ряду слева– Владимир Станиславский и Владимир Бунин



Портрет В. Станиславского, написанный его другом



Венчание Владимира Станиславского с Марией Тверской. Париж, собор св. Александра Невского на рю Дарю. 1930 г.

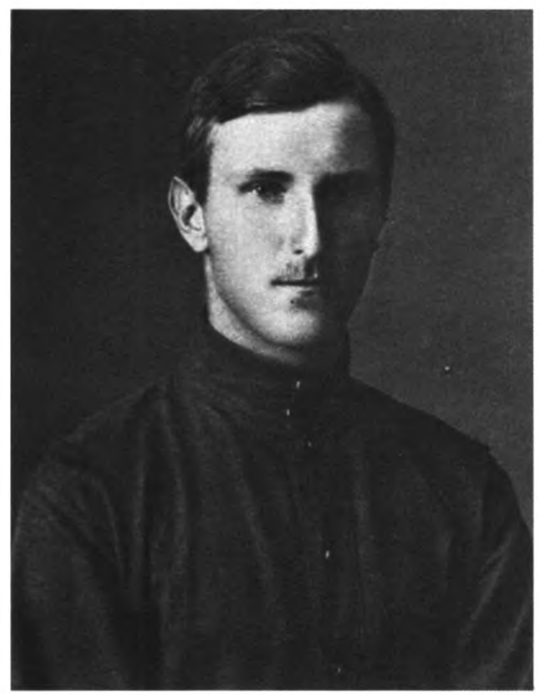
Свадьба М. С. Тверской

Въ воскресенье, 5 октября въ русской церкви на рю Дарю состоялось бракосочетаніе В. И. Станиславскаго и М. С. Тверской, дочери саратовскаго губернатора С. Г. Тверского, вѣдавшаго при генералѣ Врангелѣ въ Крыму управленіемъ внутреннихъ дѣлъ.

Вѣнчаніе совершалъ отецъ Георгій Спасскій въ сослуженіи съ причтомъ. Пѣлъ хоръ Афонскаго.

Церковь была переполнена. Между прочимъ, присутствовали: Е. К. Миллеръ, М. А. Кедровъ, П. Н. Шатиловъ, Ю. Н. Даниловъ, Н. Н. Стоговъ, гр. О. И. Бобринская, А. С. Хрипуновъ, Г. В. Глинка, Н. Н. Таганцевъ, В. П. Носовичъ, Н. Н. Чебышевъ, А. М. и Л. В. Масленниковы, С. Ф. Шатилова, кн. С. А. Щербатовъ съ супругой, бар. Нолькенъ, бар. Б. Г. и О. К. Кеппены, Д. Б. Нейдгардтъ

Газетное объявление о бракосочетании В. И. Станиславского и М. С. Тверской



В. Станиславский. Париж, 30-е годы



Владимир Станиславский с дочерью Лизой. Ок. 1940 г.

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

PRÉFECTURE DE POLICE

CERTIFICAT D'IDENTIT

Paris, le 28 10 1926

Valable jusqu'au 28. 10. 1927

Le présent certificat n'est pas valable pour le retour dans le pays qui l'a délivré sans une mention spéciale inscrite sur le présent document. Il cessera d'être valable si le porteur pénètre, à un moment quelconque, en Russie.

Signalement	
Taille 1 m. 70 c.	Nom de famille Stanislavsky
Age 24 ans	Prénoms Vladimir
Cheveux bl.	Date de naissance Harbin
Yeux gris	Lieu de naissance 18 - 6 - 1902
Visage ov.	Nom de famille du père Jean
Nez droit	Nom de famille de la mère Boyanovsky
	(D'origine Russe n'ayant acquis aucune autre nationalité)
Signes particuliers	Profession Ouvrier
Observations	Ancien domicile en Russie
	Résidence actuelle Paris 5 av. Félix Faure

Le soussigné certifie que la photographie et la signature apposées ci-contre sont bien celles du porteur du présent document.

LE PRÉFET DE POLICE :

Pour le Préfet de Police et par autorisation,

Le Chef du 4e Bureau de la Sous-Direction Administrative du Cabinet :

Signature du titulaire :

№ 34568

Удостоверение личности В. Станиславского, Париж, 28 октября 1926 г.



Общество Объединенія и Взаимономощи офицеровъ 12 гусарскаго Ахтырскаго ген. Дениса Давыдова нынѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны полка

ЧЛЕНСКІЙ БИЛЕТЪ № 98

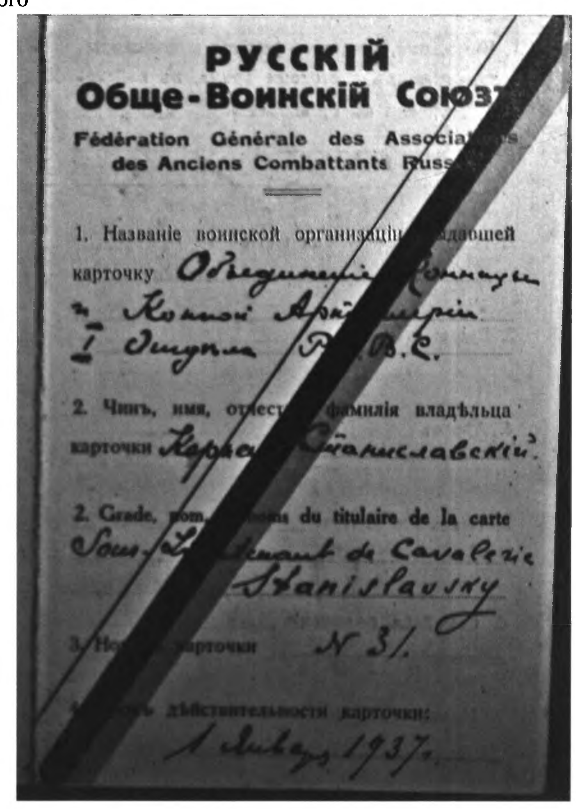
Выданъ Корнету Ста[illegible] члену Общества что подписью и [illegible] печати удостовѣряется.

2 сентября 1923

Бѣлградъ. Председатель Общества ...

Секретарь ...

Документы В. И. Станиславского



РУССКІЙ

Обще-Воинскій Союз[illegible]

Fédération Générale des Associa[illegible] des Anciens Combattants Russ[illegible]

1. Названіе воинской организаці[illegible] выдавшей карточку Объединеніе [illegible] и Конной Артиллеріи I [illegible] Р.[illegible]В.С.

2. Чинъ, имя, отче[illegible] фамилія владѣльца карточки [illegible] Станиславскій

2. Grade, nom, [illegible] du titulaire de la carte Sous-L[illegible] de Cavalerie Stanislavsky

3. Но[illegible] карточки N 31.

[illegible] дѣйствительности карточки: 1 Января 1937.



Гробы с останками русских героев перед собором св. Александра Невского. Париж, 1 марта 1947 г.



Vous êtes prié d'assister au **Service Religieux** qui sera célébré le **Samedi 1er Mars 1947,** *à 10 heures précises,* en l'Eglise Russe de la rue Daru à Paris-8e, pour le repos de l'âme des Russes résidant en France, combattants volontaires et mobilisés dans l'Armée Française, tombés au Champ d'Honneur, et plus particulièrement à la mémoire de plusieurs d'entre eux, tombés en défendant avec courage et honneur le sol hospitalier de la France : Messieurs

Bezwersky Cornély, Soldat au 100e R.I., **Borovsky Constantin,** Lieutenant au 21e R.M.V.E.C.A. 2, **Bruno Georges,** Sergent au 21e R.M.V.E., **Gagarine Georges,** Aspirant, **Gonorsky André,** Caporal 22e R.C.A., **Delacroix Paul,** Caporal au 21e R.I.C., **Stanislavsky Vladimir,** Sergent au 21e R.M.V.E., **Zarbubine Georges,** Caporal à la Légion Etrangère, **Zouboff Jean,** Soldat de 1re Classe à la Légion Etrangère,

dont les corps ramenés des champs de batailles des Ardennes, de la Marne et d'Alsace, sont transférés à Paris, en vue de leur inhumation définitive au Cimetière de Sainte-Geneviève-des-Bois.

Priez pour Eux !

De la part des familles VORONKO, STANISLAVSKY, LEVENTON, GONORSKY, GAGARINE, BEZWERSKY, GUEORGIEFF, DELACROIX, BRUNO, ZOUBOFF.

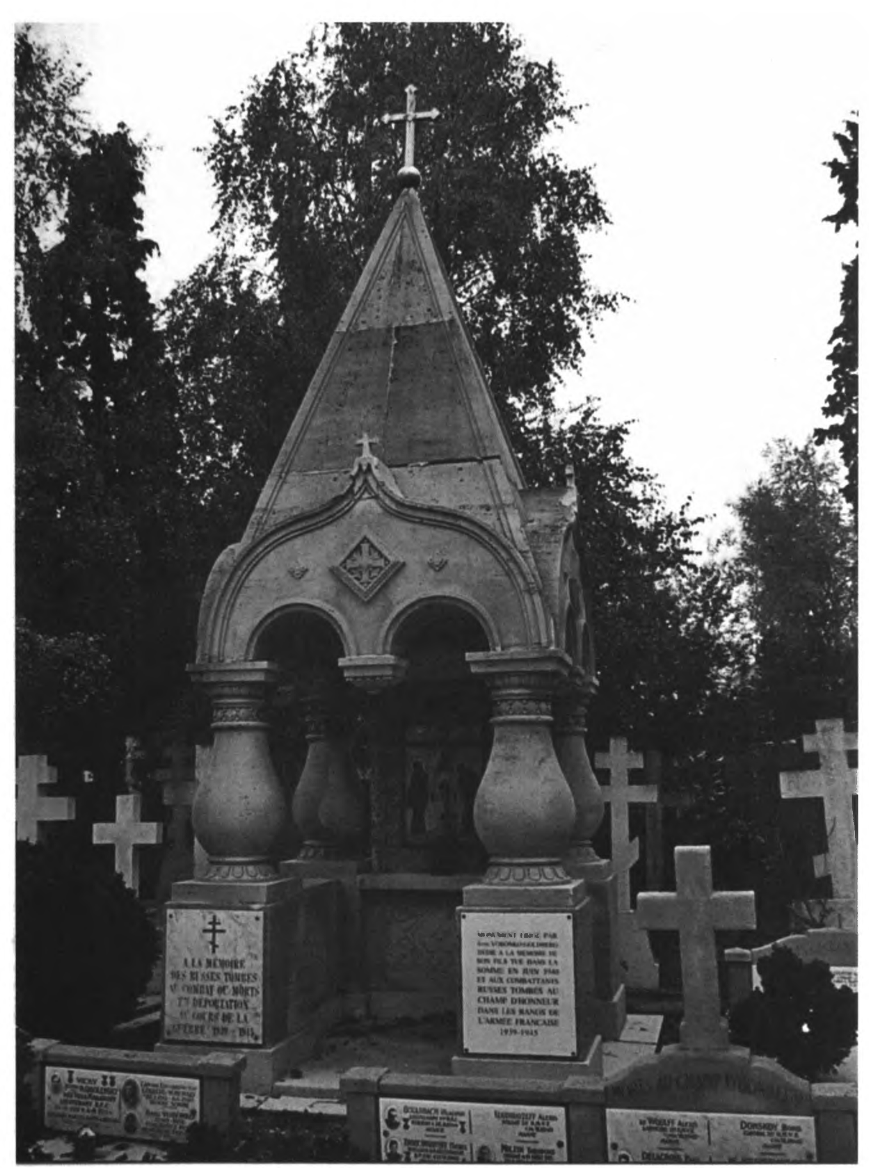
La Cérémonie d'Inhumation à Sainte-Geneviève commencera à 14 h. 30.

On se rassemblera Place du Colonel Fabien

Madame VORONKO, 8, rue du Mont-Thabor, Paris-1er.

Pompes Funèbres Réunies (8e Arr) LAMY-TROUVAIN, Convois et Transports Funèbres, 58, Boul. Malesherbes - Tél. Lab. 30-20

Приглашение на церемонию прощания и похорон русских героев. 1 марта 1947 г.



Памятник на могиле русских воинов, погибших в боях за Францию в I и II Мировых войнах. Здесь покоится В. Станиславский. Кладбище Сен-Женевьев-де-Буа

Н. Д. Хабаров. Страницы дневников

Дневник солдата Первой мировой войны... Известно, что дореволюционная Россия была страной по преимуществу крестьянской: в середине XIX – начале XX вв. крестьяне составляли более 80% от общего числа разносословного населения страны. В то же время мемуарные записки русских крестьян встречаются нечасто. Поэтому дневник простого солдата Николая Хабарова, крестьянина Ярославской губернии, можно считать очень ценным и редким материалом. Оказывается, крестьяне дореволюционной России не только умели читать и писать, но и считали важным сохранять свои мысли, рассуждения, переживания на страницах дневника.

В дневнике Николая Хабарова обращает на себя внимание одна характерная особенность. Описывая свою жизнь – на ученьях или в окопах, в поезде или в увольнении – он, крестьянин, выросший на просторах центральной России, всегда пристально и любовно наблюдает за погодными изменениями, за природой того края, где оказывается солдат по долгу своей службы. И это понятно – ведь жизнь крестьянина была неразрывно связана с природой и практически полностью зависела от благоприятной погоды.

Все свои наблюдения Николай Хабаров вносит в записные книжечки. Из его записей мы также узнаем об условиях быта солдат Первой мировой. Николай Хабаров достаточно лаконично (вероятно, из цензурных соображений) описывает свое участие в военных событиях, однако вполне откровенно выражает своё отношение к войне, к страданиям людей, прежде всего – своих собратьев-солдат.

Большевистский переворот застал Николая Дмитриевича на военной службе. К сожалению, из дневника вырваны страницы, на которых, предположительно, автор мог бы рассказывать о своем отношении к революции. Вполне возможно, он сам их удалил из осторожности. Хранить такие записи, конечно, было опасно. И только в кругу самых близких Николай Дмитриевич мог признаться в сложном отношении к советской власти.

Особого внимания заслуживает язык повествования. Мы постарались сохранить стилистические и орфографические особенности оригинала. Наблюдая изо дня в день за событиями нелегкой солдатской службы, мы одновременно можем наслаждаться простым и порой наивным языком старой

крестьянской России, в наши дни уже утраченным. К огромному сожалению, Николай Хабаров потерял одну из своих записных книжек, и нам не удастся узнать о некоторых, несомненно, интересных и важных моментах тех дней, которые он описывал.

Скромность автора заметок не позволяет нам глубоко проникнуть в невзгоды, сопровождавшие солдатские будни. И только от его родных нам стало известно, что, например, домой Николай Дмитриевич вернулся без единого зуба: цинга не хуже вражеской пули выводила из строя простых солдат.

В описаниях Хабарова нет жалоб и ропота, хотя он и досадует на несправедливость по отношению к солдатам. Свой долг он выполнял честно и смиренно. И не его вина, что России не пришлось стать победителем в этой войне. А нам, потомкам тех простых русских людей, которые с одинаковой готовностью и возделывали землю, и защищали её, остаётся с благодарностью вспомнить имя этого человека, сумевшего стать одним из голосов той России, которой больше нет.

«Надо служить верой и правдой»

Записные книжки солдата Н.Д. Хабарова (1916-1917 гг.)
(Материал предоставлен Марией Викторовной Зеленцовой, внучкой автора записок)

Книжка № 1. 1916 г.

Марта 15 дня из роты Его Высокородие выбыл прапорщик Шульц. В этот последний день, 15 марта, по выходе из роты, прапорщик Шульц зашёл в роту проститься с нами и сказал:

«Спасибо, – говорит, – братцы, за службу. Я хотя и немного время находился с вами в роте, но ничего не видел худого, кроме хорошего. И никакого замечания из-за вас не получил ни от кого. Спасибо, братцы, за службу!»

И вся рота ответила: «Рады стараться, Ваше Высокородие!» Вся рота очень полюбила его, хотя он мало находился в нашей роте. Он был очень весёлого нрава и когда приходил, бывало, на занятия на плац, то всегда с нами здоровался так: «Здорово, мои молодцы!» Когда он ушёл из роты, то все очень его жалели, потому что он очень в короткое время заслужил расположение к нему и добрые чувства всех солдат.

Город Старый Петергоф – немноголюдный город и не имеет ничего особенного по постройке. Прямо можно сказать, что это дачный город. Зимой 1915 и 1916 годов в нём большей частью можно видеть одних только солдат. Если солдату нужно купить что-то из съестного или что-то ещё, то это очень дорого. Но и не раз бывало так, что и дорого бы заплатил, но никак ничего не достанешь. Это – что касательно съестного, например, Ситнева или булок.

Город Петергоф небогат архитектурной постройкой. Но природой он одарен красой, в отличие от многих богатых городов великой России. Он весь утопает в роскошных и очень красивых садах, одним словом – он весь построен как в лесу. А главное – он имеет побережье Финского залива, по которому растёт очень много вековых рощ. Есть тут и много разных красивых местечек, с которых представляется очень красивый вид на залив. Особенно красиво, если посмотреть с берегу, когда вдаль по заливу там проходит многое множество разных судов и пароходов. А если смотреть ещё и в ясную погоду, тогда видны очертания города Кронштадта и дым, выходящий из кронштадтских фабрик и заводов.

Промежду Старым и Новым Петергофом построен очень красивый дворец Его Императорского Величества. Он построен на высокой горе, а в сторону к заливу – большая крутизна, и по ней устроены для спуска вниз очень красивые лестницы, по сторонам которых наделаны разные статуи. Из этих статуй, когда нужно будет, во всякое время можно сделать, чтобы изо рта статуи, а так же и из носу и ушей, сразу потечёт вода. Совсем внизу, под горой, очень большая площадь, заросшая липовым лесом. Тут есть такие липы, что они будут толщиной не тоньше елового леса, который растёт в нашей Ярославской губернии.

Залив далеко от берегу всё мелкий, так что по берегу сажень за двести есть постройки. Но постройки, надо принять во внимание, не какие-нибудь простые, а всё казенные: они построены для каких-нибудь более выгодных целей, например, сказать, так называемый беспроволочный телеграф или же какие-то наблюдательные посты для военных целей.

Сначала, когда мы прибыли на службу, то всё казалось очень ново, а служба или, проще сказать, учение казалось прямо смешным. А и правду сказать, есть над чем бы и посмеяться, но только было не до смеху, потому что всякий знал, что он для чего-то призван. Всякий знает, что надо обучаться и идти защищать свою Родину. А идти надо, можно сказать, на верную смерть. Потому и не так смешно казалось, что двадцать и больше человек учат ходить,

точно маленьких. Признаться, сначала учение казалось мне очень трудным. Но это было, покуда учили без винтовок: очень болели ноги, потому что по целым дням все делали повороты, большей частью по разделениям. А если мы чуть что долго не понимали, то и бегом запустят так хорошо, что и рубахи у всех сделаются мокрые. Но, маленько-помаленьку, попривыкли.

Начали из нашего брата ратники 2-го разряда делать побеги, и опять нам стало очень трудно. Никуда не стали отпускать, даже за кипятком и то водили под командой. И, бывало, на поверке стояли не по одному часу за убежавших товарищей. Фельдфебель, бывало, скажет: «Надо, – говорит, – подождать их. Может, подойдут». Очень это всё было обидно, потому что у тебя только и думы, что надо служить верой и правдой, а за таких подлецов-товарищей приходится страдать вовсе не виноватым. Бывало, из роты убегут человека три, и вся рота – около тысячи человек – все страдают, ни в чем не виноватые.

Сначала, как мы только пришли на службу, я был в 1-м взводе. А потом, 27 сентября, к нам в роту пригнали из города Саратова действительных. Они оказались крупней наших ростом, и их поставили в 1-ый взвод, а нас перевели в 4-й взвод. В этом перемены большой не вышло, потому что взводные – тот и другой хорошие. К новому взводному скоро привыкли. Всю зиму до самой масленицы было очень вольно. Чуть не каждое воскресенье ездили в Петроград или кому куда нужно: в Гатчину, Красное Село, Стрельну, Ораниенбаум, Кронштадт – одним словом, куда хочешь, лишь бы поспеть к поверке. А на праздник Рождества Христова были уволены на трое суток. Некоторым подписывали записки, и данные кой-кто ездили и к нам, в Ермаковскую волость. После Рождества очень многие не явились в роту: которые опоздали по запискам, а многие уехали и самовольно. И после праздника с полмесяца каждый день стояли полные площадки людей под винтовкой за самовольную отлучку и за побеги, а кто и за опоздание по увольнительной записке. Некоторые по запискам опоздали ненамного: на три или пять дней, они стояли по 10 часов. А кто уехали без записок или же по запискам, но они были написаны не домой, так те стояли часов по 30-ть.

На масляной неделе никуда не отпускали, даже в масляное воскресенье, и то ходили на стрельбу. В масляное воскресенье у нас из роты уехало 7 человек домой самовольно, в том числе ездили ермаковские – Иван Брусников, Пётр Гусев, и один соколовский – Алексей Вихорев. Они из дому вернулись в масляное воскресенье, и их сразу поставили под ружье. Ни Гусев, ни Бру-

сников не могли выстоять по два часа, простоял только один Вихорев оба часа. Но больше им стоять не пришлось. На другой день они собрались становиться: одели скатки и ранцы, но их не поставили, потому что получили от Ротного командира приказ отдать их под суд, и под винтовкой они стоять не будут. Они стали в роте находиться под надзором, шинели у них сначала отобрали к заводному, к ночи и также во время обеда.

С мясного заговенья никого никуда не стали отпускать, и занятия стали производить по воскресеньям. А раньше, до этого времени, по воскресеньям никогда занятья не было. Как мы прибыли из дому, так даже по субботам-то занимались только до обеда, а потом полтора дня гуляли без занятия – кто уедет в Петроград, кто куда. А кто останется в роте, тот весь день гуляет в своем городе. Зимой были очень сильные морозы. Бывало, что по целым неделям сидели в казарме, не выходя на улицу. Маршевые роты зимой были редко, из нашего батальона ушли только две маршевые. Первая маршевая пошла ещё с осени, когда мы ещё вовсе мало отслужили. Потом, 22 ноября, из нашей роты ушли в маршевую одна полурота верхняя, 250 человек. Когда их провожали, было холодно. Их выстроили прямо напротив наших казарм на дороге. Мы вышли с ними проститься. Они стояли вольно. Кто поёт песни, а кто и плачет. Да и тот, кто поёт песни, тоже, наверно, не от радости поёт, а так, чтобы перед товарищами не показать себя трусливым. Очень красиво посмотреть на людей, стоящих в строю, которые сряжёны в маршевую. Потому что они сряжёны все как один: шинели, шапки, шаровары и сапоги, а также и походная амуниция вся как у одного, и одеты они все как один и по форме. Когда мы стали с ними прощаться, как они пошли, и все замахали платками и закричали УРА, то многие заплакали, и у всех стало тяжело на сердце, потому что все привыкли друг к дружке и жалко расставаться с товарищами по службе, потому что расставание не временное, а можно сказать, что навсегда.

Весна началась неожиданно. С 8 марта по 13 было страшно холодно, прямо не было и признаков весны. Потом, с 14-го марта, стало гораздо теплей. Два дня были очень красные, и начало таять от солнышка, а потом занесло, и стал перепадать небольшой дождик. И к 20-му марта снега не стало и половины, а плац, на котором мы всё время занимаемся, он весь стоит в воде, и заниматься на нём нельзя.

Нам вечером на поверке 18-го марта прочитали приказ, изданный по батальону, чтобы все чины 2-го Сводно-Гвардейского запасного батальона отписали на Родину и всем лицам, которые

присылают письма, чтобы в адресе не указывать место нахождения своей части, а главное – на конверте не писать «Г. Старый Петергоф», а писать адрес так: «Действующая армия 2-й Сводно-Гвардейский Запасной Батальон. 4-я рота 4-й взвод Н.Д. Хабарову»

20-го марта ездил я в Красное Село. Погода стояла очень хорошая, весь день было солнышко. Очень приятно было ехать на машине, потому что куда ни посмотришь – по сторонам везде показывается из-под снегу земля, и кругом пахнет весной. Всё хорошо, всё очень красиво, но только на сердце точно какая тень легла, через которую невозможно смотреть так ясно, как бы следовало. Вся краса весны ранней, только что начинающей выделяться от зимы, не приносит никакой радости, потому что впереди предстоит чего-то неизвестное и вместе страшное.

Да, приехал я этого 20-го марта в Красное Село и сразу пошёл к товарищам в 1-ю роту 176-го пехотного Запасного батальона, где служили Капитоха п<ененской> и Васюха, мельника ильинского Мирона Ивановича. Но их уже не нашёл, они были высланы на позицию ещё 10-го марта. Товарищи ихние, которые остались, сказали мне, что из них уже в Петроград привезёны в госпитали раненые. Судя по этому, наверно, уже есть и убитые, но я ничего про товарищей не узнал – живы они или нет. После всего этого я зашёл к крёстному, Артемию Хабарову. Я его застал за работой на пекарне: пекут хлебы. Попил у них из котла, в котором был заварен чай. Я из него черпал прямо стаканом. Потом написал крёстному письмо домой, и, простившись с крёстным, зашёл к соколовскому – Александру Петровичу Смекалову. Он взводным командиром в 4-ом взводе 8-й роты, литер (Ж), 176-го Пехотного Батальона. Я у него со всем взводным роты вместе пообедал и потом попил чай. Александр Петрович к чаю купил варенья и булок, и я, попивши чаю, простился и пошёл на вокзал. И сел в 1 час 30 мин. на поезд на Лигово, а в Лигове пересел на другой, идущий из Петрограда на Ораниенбаум. На вокзале Старой Петергоф встал и в роту прибыл и явился дежурному первой роты в 3 дня.

Марта 23-дня после обеда ходили на тактические занятия за станцию Старый Петергоф. Вернулись заполночь. Сошли на место, где было должно производиться занятие, а тут в каждом ручейке и в каждой канавке полно воды! И поэтому занятие производить было бы очень трудно. Были с нами подпоручик Глухов и прапорщик Адрианов, и были обе полуроты: нижняя и верхняя. Подпоручик Глухов скомандовал: «Ружья составить в козла!», и потом приказал нижней полуроте закидать верхнюю снегом. А солдаты чему и рады – чтобы покидаться снегом. Тут и пошла

пальба в друг дружку снегом. Очень, я думаю, интересно бы посмотреть со стороны на эту картину, потому что сот семь человек старались как можно бы больше кинуть друг в дружку снегу. Тут собралось много городских зрителей на нашу снежную войну. Кидались-кидались мягким снегом, а потом пошли в ход и ледяные глыбы, так что многим поразбивали морды, носы и наделали синяков друг дружке. Если бы были тут на месте камни или что-нибудь такое, то, думаю, нашлось бы много дураков употребить и это в дело. Тогда бы могли наделать много раненых. Снегом начали кидаться в шутки, а потом чуть и не взаправду вышло: кому попало порядочно, стало обидно – он и давай кидать больше. Когда скомандовали: «Отстать кидаться! Будет!», то не больно охотно бросили кидаться. Это очень всем понравилось, солдату это первое развлечение. Подпоручик Глухов сам всё время был самый первый тут, где больше летало комьев снегу.

В день Благовещения 25 марта занятия не было. С утра сходили на прогулку, а потом весь день были свободны. Часов в десять пришёл Ванюшка соколовский, и мы до обеда попили с ним и Васюхой Новиковым чаю в казарме из чайника. Я сходил в полковую Лавку и принес к чаю селёдку. Потом пообедали и пошли в город. Пришли в город – а всё ещё было заперто. Мы пошли в Новый Петергоф к товарищам. Они уже переведены в маршевую роту, им одёжа вся выдана для позиций. Кокарды и бляхи у ремней зашиты под защитным цветом сукном. И Федюшка Ивана Григорьева просил меня написать его отцу об том, что их скоро вышлют. «Нам, – говорит, – писать об этом нельзя. Письма, – говорит, – такие рвут». Жалко его мне стало, когда я стал с ним прощаться. У него, говорит, табачишко весь вышел да и деньжонок, как видится, тоже нету. А из дому получить уже некогда, потому что их скоро вышлют на позицию. Я бы рад ему помочь, но никак не мог, потому что я сам нахожусь на военной службе, а у солдата заработки у всех равные. От них мы пошли в город Старый Петергоф: я, Иван Александрович, Василий Новиков и Михаил Топников.

[*утрачены две страницы*]

В субботу 26 марта занятье было только до обеда. После обеда ходили на прогулку. В воскресенье двадцать седьмого марта занятья не было, до обеда ходили на прогулку в лес, к даче Его Величества. В лесу нашли двух белок на ёлках. Лес такой же, как и у нас в Ярославской губернии. Есть ёлки, сосны, берёзы и вообще

все породы деревьев, как и у нас, но только тут ещё растёт дуб, что у нас очень редко встречается.

С белками было очень много дела: кто кидал в них камнями или палками, а кто влез на деревья, и как-никак, а всё-таки одну белку согнали на землю, чем наделали очень много крику и смеху. Но всё-таки она опять успела вскочить ещё выше на ёлку, на которую влезть никак нельзя. Так все и бросили это развлечение. Все вышли на полянку, сели на лужок и стали петь деревенские песни, кто какие знает. Да когда стали петь деревенские песни, вспомнилось что-то родное, прошлое, знакомое, когда, бывало, ходили дома в лес и тоже пели песни. Но только дома почему-то было очень много веселья... Но и здесь красиво и весело, но только почему-то не так на сердце легко, как бывало дома. Там, бывало, уйдёши – и ни о чем не думаешь, не думаешь, что надо к какому-то времени придти. А здесь – как бы и где бы ни был, а всё думается, что ты на военной службе. А военную службу или военную дисциплину знает и хорошо понимает, в чём она состоит, чего она обязывает делать и исполнять, только тот, кто служил и был когда-нибудь солдатом.

После обеда сегодня же, 27 марта, мы ходили в город, и я в фотографии снялся. Полдюжины визитных карточек стоит три рубля. Дал два рубля задатку, а остальные надо доплачивать, когда будут готовы карточки. Потом ходили на взморье. Там ещё на всем заливе стоит лёд, и по льду очень интересно ездить на устроенных таких..., не смогу их и назвать, что это такое сделано. Как парусники или не знаю что. Только они на колёсах или полозьях. Сделан такой треугольный, не очень большой, можно сказать, как щит. На нём поставлены мачты для натягивания паруса. Натянут парус, и чуть только бы поднимался хотя бы и небольшой ветер, на нём могут ехать хоть по ветру, хоть даже и против ветра, куда угодно. И на таких парусниках идут даже очень шибко по Финскому заливу, очень много катаются и ездят до Кронштадта и обратно.

Двадцать восьмого числа с утра погода очень была ясная, но а к вечеру стало заносить. И в такой день к нам в Старый Петергоф пригнали очень большую партию лошадей, всего 450 лошадей. Их пригнали из Новгородской губернии, из города Крестцы. Пригоняли солдаты, они служат тоже в Новгородской губернии, в городе Медведев.

С двадцать восьмого, ночью, подкинуло немного снегу, но утром же всё стаяло, а двадцать девятого днём перепадал помаленьку дождь, очень тепло. Этого же дня ходили в баню, очень хорошо помылись. Больше ничего особенного не произошло, толь-

ко ещё выбирали из первого и из второго взводов тех, кто знает какое-нибудь мастерство. Но выбирали всё из действительных, а из ратников не брали. Ну а вечером на поверке фельдфебель объявил, что после поверки пусть проходят все, кто имеет какое мастерство, в канцелярию записываться. И я тоже сходил в канцелярию и записался своим мастерством – плотничеством.

Наш отделенный Командир 1-го отделения, младший унтер-офицер Филимонов, тридцатого марта назначен артельщиком принимать продукты для нашей 4-ой, и с тридцатого марта он уже перестал с нами заниматься. Теперь он принимает продукты, а новым отдельным не знаю, кого назначат. Тридцатого я на занятия не ходил – у меня были отданы сапоги в починку, и я всё время сидел на словесности [*распространенная форма занятий господ офицеров с нижними чинами, включающая чтение и разбор книг, занятие грамматикой, письмо – прим. ред.*], и делали уборку по роте.

С ночи до утра был снег, навалило за ночь, а к полудню весь стаял. Тридцать первого марта тоже сидел без сапог весь день, сидели на словесности в третьем взводе. Занятье было очень слабое, очень много шутили и даже по временам рассказывали сказки. Но сказки говорили тогда, когда в роте и, проще сказать, в казарме не было ни офицеров, ни фельдфебеля, а как чуть кто услышит, что появляется кто-то из начальства, так сейчас же опять начинает словесность спрашивать. В обед делал подпоручик Глухов перекличку тем, кто был записан в Армию. Из них кто грамотный, того записывал отдельно от тех, кто неграмотный. Этого же тридцать первого марта вечером у нас отобрали казённые суконки и перчатки. Погода весь день стояла очень хорошая, всё красило солнышко.

Первое апреля было очень тёплое. Снегу, можно сказать, почти что нисколько не было, только разве где-нибудь наваленный в большие груды или же навоженный [*привезённый – прим. ред.*] откуда-нибудь – только тут и не стаял ещё. Сапоги у меня ещё были всё в починке, и я сидел в третьем взводе на словесности. Сидели на словесности у окна к Финскому заливу, и из него всё видно, что делается на заливе. И вот этого первого апреля после двух часов дня на заливе стало видно, что лёд от берегу куда-то точно отходит. Стало видно чистую воду, и эта вода к вечеру пришла очень широко к берегу, так что лёд белый чуть-чуть стал виден далеко-далеко на середине залива. Я не могу сказать, что это приливом унесло лёд от берегу или же его так затопило. Я не могу настоящее объяснить, потому что я был далеко и различить

хорошо нельзя. Очень бы интересно посмотреть всё это рядом, но никак было нельзя, потому что я сидел на казарме без сапог.

На другой день, второго апреля, я как только встал утром, так сразу и посмотрел в окно на залив. И чудное дело: лёд опять стоит до самого берега такой же белой, как и раньше. Не знаю, его ветром принесло обратно или же только вода ушла сверху вниз. Но тут говорят, что лёд переходит от берега к берегу по случаю прилива и отлива. Этого второго апреля я тоже сидел без сапог на словесности в казарме.

Сегодня утром у торговки булками пропали деньги, около сорока рублей, и она приходила жаловаться фельдфебелю, и у нас в роте опять не слава Богу – большое неудовольствие. Она могла потерять дорогой, а думает на солдат. Впоследствии деньги нашлись или подняла другая булочница, которая тоже торгует у нас в роте, и отдала той, которая потеряла. И вся эта катала прекратилась.

В Вербное воскресенье третьего апреля мне утром выдали сапоги, и я пошёл на улицу. Погода была очень хорошая, тепло и сухо и очень ясно светило солнце. И мы с самого утра и до обеда все играли в городки. Тут на плацу играло очень много народу: кто играет в городки, кто в мячик – одним словом, кто как умеет, потому что народ весь из разных губерний, и всякой играет так, как он играл дома на родине, когда ещё он был маленьким. Да в теперешние годы многих бы дома ни с чем не заставили бы играть так. А здесь играет всякий с большим удовольствием, как маленький ребёнок, забывая своё горе. После обеда сходил в город и получил карточки, доплатил один рубль денег. Одну карточку послал домой, на память тяте. Да ещё две карточки – одну на память маме, а другую сестре пошлю завтра. В один раз посылать все опасно, могут пропасть все сразу. А порознь пошлю все, которая да дойдёт. Занятья не было. Весь день у меня был брат Ванюшка соколовский.

В первых числах апреля из роты выбыл куда-то в другую часть прапорщик Симановский. Был очень хороший офицер, за всё время, покуда он был в роте, ни разу никого не наказал. Он был очень тихий, никого не огорчил даже словом. Он уехал из роты 30 марта или 1-го апреля, хорошо не могу сказать.

В масляное воскресенье и в мясное заговенье и в пост, также в воскресенья или же в субботу, на каждой неделе показывали живые картины. Кинематограф был устроен в манеже. Картины показывали из военного быта и также из деревенской жизни. Некоторые картины показывали очень интересные. Зрителей поме-

щали в манеже тысячи по две: когда смотрели по две роты, а когда и по три за один раз, и свободно можно бы ещё поместить народу. Зрители – всё одни солдаты, смотрят бесплатно. Другой раз было и не очень охота идти смотреть на картины, и поспать бы не хуже, но никому не дают оставаться в казарме, всех до одного, кроме дневальных и дежурного по роте, выгоняют смотреть картины. Унывать не велят, а велят развлекаться и быть всегда весёлому.

Третьего апреля пришли из манежа часов в одиннадцать, но и поверки не было, прямо легли спать. Поверку делали уже утром.

4-го и пятого апреля оба дня стояли очень холодные, оба дня не было солнышка, было пасмурно. Занимались на улице оба дня с винтовками.

Шестого апреля наш взвод был рабочий. До обеда я работал на кухне, но а после обеда пришёл к нам кум Иван Фёдорович. Я отпросился в город, меня отпустили. И мы с кумом Иваном и Сережкой (Василия Васильевича) сходили в город и там попили в чайной чаю и похвастали об службе и об домашних.

Седьмого апреля с утра до обеда было занятье. Но после обеда занятья не было, и мы ходили на прогулку в лес. В лесу очень весело, день очень тёплой и, можно сказать, почти жаркой. Полежали на лужку и поборолись, кто умеет, несмотря на то, что Страстная неделя эта была, в четверг. Пели песни солдатские и деревенские, коротенькие. Очень тепло было, снегу нигде не было, только где в лесу в оврагах, а так везде сухо и красиво. Здесь всё новое увидишь, не то, что видел дома. Но только не очень всё это интересует, потому что всё дом на уме.

Восьмого числа, в пятницу на Страстной неделе, до обеда было занятие, но только что говорится, что занятье: вышли и покурили, посидели и пришли на обед. А после обеда фельдфебель попросил нас с господином отделенным Двининым зайти в офицерское собранье и отнести на квартиру Подпоручику Глухову багаж. И мы зашли в офицерское собранье, и нам подали ящик, полный бутылок с разными дорогими винами: мадера и разные другие. Мы с господином отделенным позавидовали, что праздник у этих людей будет очень весёлый. Бутылки все на воле, ничем не закрыты, я подумал: вот, говорю, только потерять свою совесть – и напивайся сколько надо. В теперешнее время и за большие деньги никогда не получить такого вина солдату. Но только это я пишу так, для примеру. Но я не такого слабого рассудка, чтобы мог когда себе позволить такую глупость: не только что на военной службе, но и хотя бы во время своей воли. А здесь, на военной службе,

за это пахнет военной тюрьмой! Восьмого апреля с обеда пошел дождик, очень тёплый и спорый. Сразу стали на земле везде лужи.

Девятого апреля, в Страшную субботу, после прогулки и попивши чаю, пошли в баню, чтобы помыться на великий праздник Пасхи. Сошли сначала в баню в Старый Петергоф, но тут и до вечера не попасть помыться: пришёл весь наш Батальон, все ждут очереди получить билеты. Ну, мы пришли и видим, что не дождаться – взяли и ушли в Новой Петергоф. Там хотя тоже народу страшно много, но всё-таки скоро получили билеты и взошли в баню. И вот, теснота такая в бане, что раздеваться и разуваться пришлось, стоя на ногах. Потом кой-как разделись, одёжу всю склали в один угол и оставили Васюху Новикова (соколовского) сторожить, а сами пошли мыться. А то если никто не будет смотреть, то и одёжи своей после не найти: кто-нибудь найдет чужую или же так перебросят, что ни за что своей не найти. Тут моется в одной бане сразу, наверно, около тысячи человек, если не больше. Как посмотришь, всё равно муравейник шевелится. Но как-никак, а помылись очень хорошо. Билеты в бане стоят помыться 5 копеек, но есть и дороже.

Вымывшись, вышли на улицу, и мы с Исаковым Г. и Фёдоровым И. купили две бутылки квасу и потом два фунта колбасы для праздника Пасхи. Вечер на Пасху прошёл очень скоро, сделали поверку и потом в десять часов всех выстроили и погнали на службу. Служба совершалась на большом плацу, где обучают солдат. На середине плаца была устроена вышка, где должен совершать священник богослужение, и вся эта вышка убрана была ельником и проведено электричество, фонарь. Возле фонаря, рядом очень, можно сказать, красиво. Много было устроено кой-чего интересного. Другое я и не смогу объяснить, что от чего происходит, а представляет очень красивую картину. Как, например сказать, было устроено, что крест на солдатской церкви был както обведен весь электричеством, так что он казался весь точно из огня. Это очень интересно посмотреть, а особенно в такую тёмную ночь, какая была на Пасху. Ночь была очень тёмная.

На плацу был собран на службу весь батальон. Очень много было народу, наверно, тут было тысяч шесть, а нет – то и больше. Очень интересно посмотреть. Служба началась в 10 часов, 25 минут одиннадцатого. И только что началась служба, послышались выстрелы из орудий. Но только не могу сказать, откуда эти выстрелы были слышны – из Кронштадта или из Петрограда. Но я думаю, что, наверно, эти выстрелы из Кронштадта, потому что Кронштадт к нам ближе Петрограда.

Служба началась 25 минут одиннадцатого, а кончилась в одиннадцать часов. И все пришли в казарму, и там выдали на каждого солдата по 1 фунту кулича и по ½ фунта пасхи, а также по ½ фунта ветчины и по 2 яйца. Потом пришёл в роту подпоручик Глухов, и он поздравлял нас с Великим праздником Пасхи. И прокричали все: «Ура!» – за командиров, за всё Русское воинство и за нас, Гвардейцев.

После всего этого стали разговляться. У некоторых солдат было запасено «ханжи», и многие напились в дрызину, как когда-то и мы также напивались дома в деревне, когда жили на своей воле и когда торговали казёнки. Это всё проходило в самую глухую полночь. Разговелись и легли спать, а утром разбудили часов в шесть и выгнали на двор, чтобы сделать уборку в роте – без этого нельзя.

Днём, в первый день после Пасхи, ходили в Новый Петергоф. Но товарищей в казарме не застали: их всех угнали смотреть какие-то картины или представления ли.

Потом я пришёл в казарму и стал писать в этой книжке для памяти, как провели ночь на Пасху, а также первый день Пасхи. В этой книжке можно бы и ещё пописать немного после, для памяти, но уже кончаю сегодня, потому что завтра, может быть, попаду в Петроград. Я записался завтра, на второй день Пасхи, ехать в Красное Село, но а если можно будет, то проеду в Петроград и эту книжку оставлю у Борисьевны. И она, когда поедет домой, то её отвезёт и отдаст вам. В ней для вас, может быть, найдётся чего и интересное прочитать когда в слободное время. Я жалею, что стал записывать для памяти очень поздно. Если бы записывать всё с начала службы, то бы много было записано интересного, теперь уже по порядку не записать. А с самого начала службы записывать было некогда. Теперь время свободного стало больше, и я стал записывать.

С Пасхи я буду, что будет возможно, записывать в другую книжку. У меня куплена ещё в аккурат такая же книжка, как эта самая.

Кончаю писать я в этой книжке в Первый день Пасхи, вечером, в городе Старом Петергофе, 1916-го года, 10 апреля.

Н.Д.Хабаров.

Первый раз в жизни я встречал Пасху на чужой стороне, вдали от всех близких и милых моему сердцу. Не очень был весёлый

праздник. Даже не верится, что Пасха. Прямо точно это всё во сне снится.

Прощайте, дорогие родители и сестра Нюша. Я покуда жив и здоров по сей день, и вам того желаю от Господа Бога. Доброго здоровья и в делах ваших скорого и счастливого успеха.

Любящий вас, Николай Дмитриевич Хабаров.

На память о службе
Книжка № 2. С 10 апреля 1916 года

Книжка Хабарова Николая Дмитриевича, 2-го Сводно-Гвардейского Запасного Батальона 4-й роты 4-го взвода, г. Ст. Петергоф. 1916 г. 10-го апр.

Прошу, кто найдёт эту Книжку, то её послать.

Адрес такой: Станция Ермаково, Ярославской губ<ернии> Пошех<онского> уезд<а>, дер<евня> Баркино. Хабарову Дмитрию Артемьевичу.

Прошу того, кто её пошлёт, написать свой адрес, и ему все хлопоты будут уплачены.

Н.Д. Хабаров

1916 год

Пасха была 10 апреля, и мы стояли ещё всё на старом месте, в г. Старом Петергофе. Первый день Пасхи встретили очень хорошо, всё это описано в первой книжке.

На второй день Пасхи я ездил в Петроград и был там у Параскевы Борисовны и у Ивана Точилова. Потом с Шуркой Комаровым съездили погуляли по городу. Были на квартире у Прони (Александра Ильина), но его дома не застали – куда-то ушёл гулять. От него зашли к зятю тётки Пелагии Черевниковой, и он нам с Шуркой поднёс по стаканчику очищенной политуры, настоянной перцем. Как только выпили, то сразу зашумело в голове, но скоро прошло.

На третий день Пасхи с утра дежурный сказал, чтоб не расходиться: с десяти часов будет занятье. Но только что напились чаю, все ушли из казармы, и никого на занятии не осталось. Даже и на обед больше половины не приходили.

Мы с товарищами Григорием Исаковым и Дмитрием Четвериковым с утра ушли гулять в деревни. Кругом Старого Петергофа у нас много маленьких деревнюшек, и в них живут всё больше эстонцы. Как у нас на Каменке, и тут есть очень хорошенькие девчонки. Выходят гулять так же, как у нас. На гулянии танцуют польку и кой-что другое. И мы весь день Пасхи прогуляли в немецких деревнюшках и по мысу, а потом ещё были на гулянии у копорок. Эти копорки работают у огородников, садят в огородах. Их у одного огородника работает штук десять. Они и собираются на гулянье. Они умеют играть чижика, как у нас, и мы в Пасху играли чижика с барышнями, как и дома. Барышням одним гулять очень плохо, потому что их всего штук десять, а солдат придёт на гуляние не одна сотня. И некоторые очень нахальные, матюгаются скверными словами и даже озорничают. По случаю этого, по ночам высылают из нашего Батальона патруль с винтовками и патронами и туда ночью никого не пропускают.

В Пасху было очень тепло и сухо, гуляли все в одних гимнастёрках, очень было хорошо. В Четвёртый и Пятой день Пасхи было занятье. Первый раз вышли на занятье без шинелей, в одних гимнастерках, на пятый день Пасхи, 14 апреля.

Пятнадцатого апреля нам выдали ремешки для связывания шинели в скатках и потом выдали набрюшники. С обеда ходили на прогулку за вокзал, с песнями. Очень было тепло и сухо. По дорогам, когда идёшь всей ротой, то точно всё в дыму – в пыли. Всю Пасху каждый вечер мы ходили гулять: когда на Финский берег залива, когда в лес, когда в деревню, где везде веселье.

В субботу 16-го апреля занятье было только до обеда: выносили матрасы на улицу, как и каждую субботу.

В воскресенье 17-го апреля утром до обеда занятий не было, но после обеда было занятье. Производили ротное ученье всей ротой. После занятья прошли городом с песнями.

В понедельник 18-го апреля я был представлен по кухне, и весь день на занятии не был: принимали продукты и весили порции. Вечером ходили на прогулку с Исаковым вдвоём на берег Залива. Очень было тепло, и мы пошлялись по мысу, точно дома.

Во вторник 19 апреля были в карауле. Караульным был Синицын. Я стоял начальником часовым у денежного ящика при Батальонной канцелярии в первой смене. Погода была: с утра пошёл маленько дождик, но днём опять всё разнесло, и дул очень сильный и холодный ветер.

В среду 20-го апреля пришли из караула и до обеда спали. А в обед ходили в город в баню. Батальонная баня попортилась, и в городе солдаты мылись бесплатно, за это платилось от нашей части или батальона. Ходили сразу двести человек, кроме кадровых. Под командой было мыться тесно, так что сразу и шаек не хватало. Но все-таки помылись хорошо, и я выстирал сам бельё и вечером сходил на залив, выполоскал его. Я за всё время службы в семь месяцев первый раз только стирал сам белье. Я его сам стирал потому, что вышли все деньжонки, и пришлось самому стирать бельё, чего ещё в жизни со мной не случалось. Но что поделаешь: в солдатах всему научишься, чего бы дома и не подумал никогда делать. Если солдату всякое дело отдавать в люди, то не напасти денег, потому и приходится всё делать самому.

Этого же двадцатого апреля у нас из роты, а также и изо всего Батальона, высылали отборных людей в Артиллерию. Из нашего взвода никого не вызывали, а выслали большую часть из верхней полуроты. И которых людей выслали, у них на руках состояли винтовки и амуниция, и все это передали нам. Мене выдали винтовку за N 28233. Потом выдали всю походную амуницию и фляжку для воды, без которой солдат в летнее время никуда не должен идти и ехать. И завсегда в дороге в ней должна быть вода.

Даже без этой фляжки и в отпуск никуда – ни в Петроград, и ни в другие города не съездишь. Когда поедешь в Петроград, то одеваешь скатку на левый бок через плечо. И всё чтобы было чищеное, а то и не отпустят.

Двадцать первого и двадцать второго выслали партии людей из нашего Батальона. Выслали всё в Гвардейские запасные Батальоны в Петроград.

Двадцать третьего, в Егорий [*день Георгия Победоносца – прим. ред.*], я ездил в Красное Село и был у Александра Петровича. Он только что недавно приехал из дому, ездил в отпуск на 17 дней. И он мне рассказал, что к нему мама приносила посылку и 4 рубля денег, и он их взял бы и привёз мне, но дома получили от меня письмо. Я писал, чтобы они ничего больше не посылали, потому что нас скоро вышлют. И они у него взяли всё обратно. Но я раньше не знал, что он ехал домой, а то бы я с ним велел послать чего-нибудь. Попивши с Александром Петровичем чаю на улице из чайника, на вытащенном сундуке, мы оба пожалели, что не пришлось привезти ему мне посылку и деньги: в аккурат я бы сегодня получил. Но ничего не поделаешь. Видно, так надо было быть. Я от него поехал в Петроград, прямо к Парасковье Борисовне. И я ей про все рассказал, что не пришлось получить деньги и посы-

лочку. И теперь, говорю, наверно, скоро будет не получить, потому что нас, наверно, скоро вышлют. Она говорит, что если очень деньги нужны, то возьми у меня. А я, говорит, скоро поеду домой, так мне дома отдадут. И я у ней взял денег 5 рублей, и потом она мне надавала очень много бумаги для писем и для конвертов и Муберабику [*имеется в виду гуммиарабик – вязкая жидкость, затвердевающая на воздухе, которая применялась как клеящее вещество – прим.ред.*] для склеивания конвертов. Когда я приехал в роту из Петрограда, то у нас выслали из роты партию и в ней выслали Мишуху Топникова. Мне с ним не пришлось и проститься. Я очень жалел об этом. Бог знает, придётся ещё когда-нибудь нам увидеться с товарищем или нет. Служили в одной роте и проститься не пришлось, расставшись, может, навсегда.

Двадцать четвёртого апреля в воскресенье занятия не было весь день и до обеда. Утром ходил я в монастырь на службу. Служба совершается очень хорошо, очень хорошо поют монашенки. После обеда мы ходили гулять в Новый Петергоф к дворцу. Там были уже открыты все статуи, но фонтаны ещё не были открыты. И всё-таки очень красиво было на всё это посмотреть. И потом мы прогулялись по берегу залива в парк. Очень много тут всего красивого, чего я не могу и описать. Вечером у меня был Иван Фёдорович, мой кум. Он попил у меня чаю и опять пошел в деревню, где он стоит. Время очень жаркое, от самой Пасхи не было ни одного дождика.

Двадцать пятого было весь день занятье. После обеда ходили за станцию и там в лесу занимались словесностью. Очень хорошо было заниматься в лесу в тени от солнышка. День был очень жаркой.

Двадцать шестого весь день было занятье. До обеда тоже ходили за станцию и там сначала определяли расстоянье от места до какого-нибудь предмета и потом проверяли. Глухов всё записывал, кто угадал приблизительно. Потом рассыпались в цепь и делали наступление. Очень это всё интересно и полезно для занятья. Тут скорей можно понять, как надо будет действовать на войне. После обеда я на занятии не был, а ездил за дровами для кухни.

День был очень жаркой, и при ходьбе всей ротой по дорогам очень тяжело, потому что страшно поднимается пыль и лезет в нос и глаза. Поёшь песни, а без песен ходить не велят. Подпоручик Глухов говорит: «Если не будете, ребята, петь песни, то и на прогулку ходить с вами не буду, а будете заниматься на плацу». Да оно и правильно: много раз лучше сходить всей ротой с песнями куда-нибудь прогуляться, и время гораздо скорей проходит, чем

топтаться на плацу всё время. Очень надоело заниматься на плацу: ходишь-ходишь всё на одном месте – взад и вперёд, и занятье каждый день одно и то же. Когда-нибудь да надоест. То ли дело сходить прогуляться!

Сегодня же, двадцать шестого апреля, выслали Учебную Команду в Петроград в Гвардейския части. Да очень их жалко, потому что им через какие-нибудь дней через пять был бы экзамен, но их не допустили. Всё ихнее ученье не подействовало к производству, а три месяца пробыть в учебной команде – много всего приходится потерпеть, не как в роте.

Двадцать седьмого апреля до обеда ходили на занятье за вокзал и там примерялись узнавать расстоянье местности на глазомер, а потом проверяли мерой. Очень это всё интересно: сначала определяют, кто сколько; и когда промеряют, то всякий узнаёт, что он угадал или нет. Точно угадать очень трудно.

Когда ещё были тут на занятии, то всё время заносило и гремело, и только что успели дойти до казармы – полил сильный дождь с громом.

В обед в 2 часа дня 27-го апреля уехал домой наш деревенский Павел Черевников – по чистой. Он был на комиссии в Петрограде и отбраковался совсем, по чистой, глазами. Я с ним домой послал два письма и несколько конвертов своей работы и Муберабику [*гуммиарабик – прим.ред.*] для склеивания конвертов. Я это всё послал для того, что вроде как память обо мне родителям и сестре: интересно будет посмотреть на конверты моей работы, которые я делал собственноручно в свободное время от занятий на военной службе. Потом ещё я с ним послал визитную карточку.

Дождик шёл до вечера и всю ночь, хорошо промочило. Сразу лес и также трава – всё стало зелёное, очень стало всё красиво. Но только самому невесело, потому что не дома.

Двадцать восьмого апреля, в четверг на третьей неделе после Пасхи, с утра до занятия всё шёл дождь и снег. Потом пошёл холодный дождик, и на занятье до обеда не ходили, а сидели на словесности. Занимались условными знаками и писали на тетрадках, какой знак обозначает какую местность или же какую-нибудь постройку, чтобы мы могли по этим значкам разбираться по карте, снятой с какого-то места. А также и сами чтоб могли снять, чтобы другие могли в ней [*карте – прим.ред.*] разобраться, что где находится: где лес, где деревня, где пашня – одним словом, всё чтобы было обозначено отдельно. Очень это всё интересно и также полезно.

Двадцать девятого апреля утром шёл всё снег и дождь, а в роте в нашем взводе были выломаны нары – морили клопов. Матрасы все были вытасканы на парадной лестнице, и я у них стоял дневальным весь день, писал письма.

Тридцатого апреля в субботу до обеда было занятье. Погоды никакой не было, очень холодно, от винтовки зябли руки. С обеда наш взвод работал на кухне. А вечером после поверки я получил от тёти Паши посылку – фунта два Лампасей [*монпансье – прим. ред.*] И я был этому очень рад, потому что сахару часто не хватает от получки до получки.

Май

Первого мая было всё облачно, и часто валил снег. Но супротив как только покажется солнце из-за оболочка, он сразу стаивал. Я ходил утром на Обедню в солдатскую церковь.

Второго мая был день не очень холодный, перепадал часто дождик.

Третьего мая до обеда был я на занятье. Было не очень тепло, пасмурно и дул ветер. А после обеда я на кухне принимал продукты. Изредка перепадал дождик. Выдали летние гимнастёрки и зимние отобрали.

Четвёртого мая я был на кухне, приготовляли к вечеру винегрет, и немного ещё до обеда занимались словесностью. После обеда я ходил на квартиру к Подпоручику Глухову за сапогами, и я эти сапоги принёс ему в офицерское собранье. Четвёртого мая выслали из батальона 25 человек в сапёрный батальон. Из нашей роты взяты были четыре человека. День был солнечный, но не очень тёплый, потому что дул холодный ветер.

Пятого мая утром вышли на занятье и сразу скричали роту собираться в баню. В баню ходили городскую, но бесплатно. Мылись сразу двести человек, мыться было тесно, но всё-таки помылись очень хорошо: мойся сколько хочешь, никто не торопит. Из бани пришли в одиннадцатом часу, но занятья никакого не было. После обеда получили жалованье, получили по 1 р. 50 коп. День был солнечный, но не очень тёплый, потому что дул холодный ветер.

Шестого мая было занятье на улице с винтовками. Было холодно, стояла очень пасмурная погода, и дул холодный ветер.

Седьмого мая в субботу до обеда было занятье с винтовками. А после обеда вытаскивали матрасы на улицу. Погода стояла тоже пасмурная и, можно сказать, холодная.

Восьмого мая в воскресенье я ездил в Петроград, был у Мишухи Топникова в Кексгольмском Батальоне. От него я ездил за Московскую Заставу к Александру Виноградову узнать про брата Шурку Мещанинова. Но у Виноградова никто его адреса не знает, он к ним приходил, спрашивал насчёт работы, а адреса своего не сказал. Я его так и не мог разыскать. Потом я был на Варшавском вокзале, был у Прони на квартире, но он уже уехал домой. На вокзале при мне пригнали поезд от позиции. На нём приехали много солдат с позиции, вымаранных и истомлённых. Потом приехали партии беженцев, всё одни почти женщины. Очень они смотрят на всё задумчиво, видать, что жизнь их прервана или, можно сказать, вовсе разбита.

На этом же поезде были привезены раненые не прямо от позиции, а уже откуда-то перевезённые из других городов из лазаретов. Я видел, как один к двум солдатикам повис на шею руками, а они его держат за ноги, да так и несут. А то один держится руками за товарищей, а ноги переставляет помаленьку сам. А женщины, которые тут есть на вокзале, стоят и плачут, смотря на них. Да и правду сказать: когда посмотришь на их, то точно мороз по коже проходит, делается почему-то не очень ловко. Подумаешь: когда-то он был здоровым человеком, а теперь стал уродом, ни к чему не способным. Большие тыщи, а нет – мильёны, таких теперь людей на белом свете: изуродованных, ни в чём не виноватых. Приходится страдать и переносить страдания, мученья – всё из-за людей.

Девятого мая, в день Угодника Николая, с утра было занятье. Занимались с винтовками. А после обеда ходили с песнями на прогулку в лес. Там посидели на лужку. Очень красиво в лесу. В роту пришли в четвёртом часу, и занятья больше уже не было. Погода стояла холодная, с утра было совсем пасмурно, и преподал дождик. После обеда стало проглядывать солнышко, и точно стало маленько потеплей.

Десятого мая до обеда было занятье, занимались с винтовками на плацу. А после обеда тоже немного позанимались на плацу, а потом с песнями ходили на прогулку в Новый Петергоф.

Одиннадцатого мая с утра погода была ясная, но не особенно тёплая. Всё время всё дует очень холодный ветер, тепла большого не бывало от 24 апреля. Этого дня как прогремело, так и стало стоять всё холодно. На занятье вышли в скатках шинеля, а потом приказали скатки раскатать, потому что стало пасмурно, и без ши-

нелей холодно. Пришел подпоручик Глухов и приказал вести всех в роту. И до обеда сидели на словесности. С первого часу дня в самой обед шёл мелкий дождик, холодный.

Двенадцатого мая было занятье на плацу с винтовками. Погода стояла ясная, но только что не очень было тепло, потому что всё время дует холодный сильный ветер с залива. Так насквозь и пронизывает сильным холодом!

Тринадцатого мая занятье было до обеда на плацу с винтовками, а я с утра до 12 часов стоял дневальным. А после обеда ходили на прогулку с песнями, версты за 4, к Ораниенбауму.

Четырнадцатого мая, в Царский день, занятья не было весь день. До обеда ходили на берег залива, и дул очень сильный холодный ветер, прямо с самого залива. Прямо он так и пронизывал насквозь каким-то холодом! Потом я часов в 11 пришёл в казарму, а тут гонят всех на работу, и я взял и ушёл в город и там встретился с братом Ванюшкой соколовским. В этот день в городе Старом Петергофе как сколько было офицеров – то это прямо страшное дело! Прямо на каждом шагу всё встречались офицера! Честь приходилось отдавать прямо не отнимавши руки! А они, офицера, только рукой машут и говорят, что не надо, идите вольно. Офицеры всё молодые, только что, 14 мая, их произвели. Они только один день назад сами были такими же рядовыми, как и все, сам он тянулся перед всяким офицером. А тут через одну ночь стал офицером – ему каждый отдает честь и всякий ему должен и, можно сказать, обязан отдать установленную честь. Хотя и не ему, так его офицерской форме. А кто не исполнит этого, то будет наказан по всем правилам военной дисциплины.

Потом мы пришли в роту и, не обедавши, пошли с Ванюшкой Андриановым в Чухонския деревни разыскать кума Ивана Фёдоровича. Ходили за вокзал Старого Петергофа, вёрст за восемь. Но найти его никак не нашли. Потому что мы ушли не по той дороге: надо было идти влево, а мы пошли шоссейкой вправо. И никак не могли никого настояще спросить, кто бы мог сказать, далеко ли и где прямей пройти до деревни, в которой стоит кум Иван Фёдорович в карауле № 10, во 2-й роте. Бабёнки вовсе худо по-нашему понимают, от них настояще ничего невозможно узнать. Не знаю, что они эстонки или финки ли. Говорят, что большая часть тут по деревням живут всё эстонки. Так ходили, ходили и не могли никак найти. Так и пришли обратно. Погода стояла нельзя сказать, что ясная, и не совсем пасмурная. Но только что можно сказать – холодная. Дул сильный холодный ветер. Только что мы с ним пришли в роту, сразу всех, кто только нашёлся в роте, всех

погнали в хлебопекарню за хлебом. Я пошёл за хлебом, а Ванюшка пошёл в город. Я сходил за хлебом и стал сразу писать в этой книжке для памяти, что случилось в этот день. Вечером ходили в кинематограф, показывали живые картины.

Пятнадцатого мая я ездил в город Кронштадт. До Ораниенбаума ехал на машине, а потом через Финский залив ехал на пароходе. За проезд на пароходе и солдату приходится платить. Но только что с солдата берут 4 копейки, а с вольного – 15 копеек. Проехать в Кронштадт без увольнительной записки никак невозможно, потому что очень во многих местах просматривают и проверяют записки. А когда приедешь в Кронштадт, то не только что солдат, а всех, и вольных, задерживают и требуют пачпорта. А если у кого нет пачпорта, то и на берег не выпускают, а нет – так и заберут в Комендантское.

В Кронштадте я был у Мишутки (Семёновича высотского), и с ним вместе служит Колюха (бабинского Алексея Михайловича). И мы с ними ходили в чайную и попили чаю. В Кронштадте солдата пускают во все чайные, не как в Петрограде или у нас в Петергофе. Иди в любую. А у нас в другой чайной поест всякая гультопа, а солдата не пускают. Потом меня Мишуха с Николаем проводили на пристань. Я взял в кассе билет и пошёл на палубу парохода «Луч». Я на нём и ехал до Ариенбавы [*Ораниенбаума – прим.ред.*], а они пошли обратно в город. А утром из Ариенбавы до Кронштадта я ехал на пароходе «Заря».

Ехать на пароходе по заливу вёрст семь. Ехать очень красиво, по сторонам везде виднеются форты и видны берега: НАШ и Финляндия. По заливу очень много ходит разных пароходов и парусных лодок и рыбачьих лодочек – одним словом, очень интересно проехать по заливу.

Шестнадцатого мая – с утра на плацу на занятье с винтовками. Когда пришёл подпоручик Глухов на занятье, а все взводы стояли и оправлялись, он всем взводам сделал замечанье: что, говорит, надо заниматься, а не оправляться по получасу. С обеда ходили за продуктами для кухни: наш взвод был рабочий.

Семнадцатого мая с утра всей роте выдавали Аммуничныя [*амуничные – прим.ред.*] деньги. Выдали по 30 копеек каждому. На ваксу и обшиванье эти деньги выдают. После выдачи денег немного занимались на плацу. А после обеда ходили на тактические занятья в лес промежду Старым и Новым Петергофом. Было выдано по 5 холостых патронов, и друг на дружку наступали. В нашей партии была вся рота, и с нами были три офицера: подпоручик Глухов, прапорщик Андриянов и прапорщик Степанов. А на

которую партию мы наступали, в ней был господин фельдфебель со взводом инструкторов. Очень всё это интересно. В лесу во время перебежек лежали в траве. Лежать очень мягко и приятно. И когда встретились обе партии, тогда порядочно похлопали из винтовок. Хотя и холостые патроны, но хлопают очень шибко! Погода весь день была очень ясная и было не очень холодно, только что дул страшно сильный ветер с Западу. Очень сильно заносило песком, когда идёшь в строю по пыльной дороге. Вечером после поверки фельдфебель объявил, что кто какой мастеровой – то после поверки в канцелярию. Но только записываться нужно такому, который твёрдо знает своё мастерство. А если кто при испытании окажется, что не знает своё мастерство, то тот будет наказан за отклонение от военной службы. Я сходил в канцелярию и записался своим мастерством – плотником. Записалось очень мало.

Осьмнадцатого мая я был назначен уборщиком, и делал уборку и до обеда ходил на занятье. Занимались на плацу с винтовками. А после обеда вся рота ходила на прогулку в лес разучать песни. Но а я остался в роте делать уборку. И только что начали мыть лестницу (её в этот день мыли по случаю того, что завтра, 19 мая, праздник Вознесения Господня), только что начали мыть – пришли ко мне брат Ванюшка и с ним дворищинский Васюха, андрияновский. Васюха этого дня только что приехал из дому и привёз мне 1 рубль денег и посылку: 2 фунта масла, банку лампасей [*монпансье – прим.ред.*]. Меня дежурный отменил от уборки, и мы сначала попили в казарме чаю, а потом пошли в город и зашли в чайную и заказали опять чаю. И попили с товарищами чайку, и поговорили об домашнем. Потом вышли, и Васюха пошёл на вокзал, а мы с Ванюшкой простились и пошли в роту. Ещё со мной были Васюха Нов. и Фёдор Морозов. Погода стояла ясная, но очень холодная, дул страшно холодный ветер.

Девятнадцатого мая я ездил в Красное Село. Сначала я пошёл к крёстному, Артемию. Пришёл сначала на квартиру, где стояли пекаря, но тут уже никого нету. Потом я пошел в ихнюю хлебопекарню, но и там никого нет, и всё в пекарне выломано. Я не знал, на что и подумать, и не знал, куда его перевели. Но потом я нашёл случайно одного пекаря, который работал вместе с крёстным на этой пекарне, и он мне рассказал, что их всех расформировали по ротам и крёстного назначили в 3 роту. Но он, как только их разбили, уехал домой и сегодня, 19 мая, он ещё не приехал. Потом я зашёл к Мишухе Топникову. Они теперь стоят в лагерях в Красном Селе. У него попили в палатке чаю. Очень красиво посмотреть на лагерное расположение войск. Линия белых палаток, и, глав-

ное, во всём порядок и очень большая чистота. Но только что нонешнюю весну в лагерях стоять плохо, потому что весь май стоит очень холодный. Самое трудное – провести ночь в палатке. А ночи стояли страшно холодные, спать очень холодно и укрыться нечем, одна только шинель: её хоть и подстилай и ей же и укрывайся. Потом, когда приехал я в роту, то приехал нас повидать Шурка (Николая адриановского). С ним попили чаю и с Саньком, Ивана Климентева. И потом его проводили до вокзала.

Вечером ходили в кинематограф, показывали очень хорошия картины. Большей частью показывали из вольной жизни и несколько картин военных.

Двадцатого мая до обеда с утра немного позанимались на плацу, а потом привели в роту и занимались словесностью. А мы с Кружковым носили ящик с квасом в офицерское собрание. Сегодня же получали табачныя деньги, по 1 рублю 43 копейки. После обеда работали в продовольственном погребе: перекладывали капусту из маленьких бочек в большие.

Двадцать первого в субботу до обеда занимались на плацу с винтовками. А после обеда ходили мы с Артельщиком за продуктами. Сегодня с часу начал перепадать небольшой дождичек, оболочно.

Двадцать второго мая в воскресенье до обеда я никуда не ходил, а сидел в казарме и делал конверты. А с 12 часов заступил на дневальство. Сменили в 4 часа дня. И я пошёл в Нижний парк и очень много там видел интересного. Только если в кратке описать всё, что тут есть, то этой книжки и на половину не хватит! Тысячи фонтанов, все разных видов: течёт вода из звериных статуй и из человеческих; из листьев дерева, из каждого листочка, течёт вода. Одним словом, есть на что посмотреть и есть над чем подивиться. Что тут наделано руками человека и похоже на сотворённое чудесным образом! Много, много интересного – есть на что посмотреть, так бы и не ушёл никогда.

Двадцать третьего, в понедельник, занимались немного на плацу, а потом ходили на прогулку с песнями. После обеда я работал в чекгаузе, пересчитывал амуницию.

Двадцать четвёртого с утра вышли на плац без винтовок и без скаток. Все ожидали Ротного и разбивки по разным частям, но до обеда ничего не было, все сидели на лугу. В обед ходили в баню городскую. Очень много мылось народу, но помылись хорошо. Я вымыл бельё в бане и тут же сходил на залив и выполоскал его. Залив от бани рядом, но только что мыть на заливе плохо, потому

что очень у берега мелко, так что воды не глубже трёх вершков и она очень мутная.

После обеда занятия не было, наш взвод был рабочий, и мы работали на кухне. Потом вечером после поверки выстроили всю роту для разбивки. И нас разбили по взводам. Мы попали в 4-й взвод, взводный командир – младший унтер-офицер Галямин. Мы назначены в 3-й Гвардейский Стрелковый Его Величества полк. Мы с Кружковым по списку самые первые в четвёртом взводе.

Двадцать пятого мая в среду занятия нету. С утра выстраивали верхнюю полуроту для разбивки, потому что вчера после поверки всех не успели разбить. Которых сегодня перекликали, то их вышлют в Царское Село в 4-й Стрелковый полк. Потом заставили всех вычистить винтовки и потом в обед у всех отобрали винтовки и принадлежность и подсумки. После обеда занятия нисколько не было.

Двадцать шестого занятья не было, и с утра никому никуда не велели отлучаться, а часов в 11 выдали всем амуницию. Амуницию выдали всем новую, с ниточки. Потом в обед пришел кум Иван Фёдорович и он мине привёз небольшую посылочку: булок, сахару и конфет. И мне с ним не пришлось поговорить об домашнем, потому что нас всё выстраивали и делали перекличку по маршевым взводам. Делали поверку амуниции, всю ли сполна получили. Да, сегодня третий день занятья нету, и назначили в маршевую и нигде не стоят патрули – иди куда угодно. Очень вольно было у нас в батальоне. На улице в эти последние дни солдаты ходили большими партиями и играли в гармоньи и пели песни. И прямо чувствовалась какая-то свобода по случаю того, что назначены в маршевую роту. Сегодня мы уже не несли никакого наряду, ни дневальных, ни рабочих с нашей роты не было. Все наряды несла нестроёвщина и те, которые остались от двух Маршевых наших рот.

Двадцать седьмого мая. Занятья никакого не было, но только маршевой роте выдавали новую одёжу, а старое отбирали. А наша рота ходила на смотр. Смотрели одёжу и писали, которую заменить новой. Вечером обмундированные маршевой роты на поверку ходили на большой плац.

Двадцать восьмого в субботу занятья нету. Утром мы с Исаковым, Фёдоровым, Гусевым, Брусниковым и Максимовым ушли на залив умываться и помыть бельё, потому что в роте не было нигде воды: спортилась машина, которая подаёт воду. Только что мы ушли, а в роте нас стали выкликивать сменять нижнее бельё, а нас

нет. За нами послали, чтобы нас найти. Потом мы пришли в роту, но нам ничего не было. Взводный Галямин обменил нам бельё, я сменил рубаху и кальсоны.

Сегодня проводили верхнюю полуроту. Часов в десять утра выстроили у казармы, а потом увели на большой плац. Там уже были выстроены четыре роты для отправки. Пришёл командир батальона, полковник Гулевич. Поздоровался, и всех осмотрели, у всех ли новое снаряжение, у всех ли привит брюшной тиф и помечен ли в солдатских книжках. Очень интересно посмотреть на маршевые роты, когда они одеты во всю походную амуницию. И того ещё интересней, как солдаты прощались с товарищами, с которыми служили всё равно как с братьями, всё последнее делили пополам, а тут приходится прощаться, наверно, навсегда. И все прощались, и ни один не плачет. Это бы провожать дома в деревне – то не знаю, что бы и было! Все бы бабы обревелись! А тут у нас никто и слезинки не проронил, так оно точно и надо быть. Потом после обеда выдали всем новую одёжу. Ночью после поверки выпускали, многие гуляли до утра.

Двадцать девятого мая, в Троицу, разбудили утром часов в 5, и только что успели попить чаю, вскричали, чтобы рота взбиралась в поход для отправки. Часов в шесть рота выстроилась у казармы. А потом, часов в семь, вся рота пришла на плац, и там уже выстроены были ещё четыре маршевые роты. Всех рот для отправки сегодня было 5. Всего отправили 1250 человек. Пришёл командир батальона, сначала поздоровался, по ротам поблагодарил за службу. Потом пожелал всего хорошего в пути. Потом выстроили все роты, и заиграла музыка. Пошли все роты по порядку справа, по отделениям. Пять рот очень далеко растянулись, и очень много народу провожали нас. Когда шли городом, то очень далеко даже и конца не видно – всё идут солдаты и солдаты. Часов в 11 пришли на вокзал в Новый Петергоф. В Новом Петергофе очень много было публики, провожали нас. Сели в вагоны, заиграла музыка, и тронулись в дорогу.

Дорогой везде по случаю праздника Троицы было много народу, и все машут платками или шляпами, видят, что мы едем в маршевой роте при полном снаряжении. Мальчишки по году, не больше, другой на руках у матери – и тот машет ручонкой проходящему поезду. На них глядя, так слёзы и навёртываются на глазах. Потом поезд остановился в Красном Селе, и мы все вышли, и все роты пошли по своим частям, которая куда назначена. Поехали с места, все так и думали, что прямо поедем на позицию. Но вышло совсем всё иначе. Нас привезли в Красное Село, в За-

пасной батальон Лейб-гвардии 3-й Его Величества Стрелковый полк. От станции до лагеря шли версты две пешком, идти было страшно жарко. Пришли на место, сделали нам поверку, развели по палаткам. Потом сходили на обед, напились чаю и опять точно ничего и не бывало. Сначала показалось не очень плохо.

Вечером на поверке объявили, что мы теперь поступили в Запасной батальон Лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка, в 3-ю роту. Я попал в 4-й взвод, командир батальона – полковник Вишняков, командир роты – поручик Орёл, фельдфебель Тихонов, взводный командир – старший унтер-офицер Кротов.

Тридцатого мая в наш праздник, Духов день, занятья не было. Днём у нас отобрали всю амуницию, оставили только одёжу, баклажку, набрюшник и ремень для скатки, а остальное всё отобрали. Днём разучали песни. Вечером после поверки пошёл очень большой дождь. Сначала маленько брызгало скрозь палатку, но когда она замокла, то больше нисколько не промокала. Спать ночью сегодня было холодно, потому что ни матрасов, ничего нету. Одна шинель – хоть её подстилай, хоть в голову положи, хоть ей же и обучайся.

Тридцать первого мая утром разбудили в 5 часов, и наша рота ходила в баню повзводно, но я не ходил, потому что я недавно парился. До обеда занимались очень мало поворотами по разделениям. После обеда ходили на занятья версты за полторы на луг. Занимались поворотами по разделениям. Очень это всё показалось новым и неприятным. Как же девять месяцев ушли! Учили, а потом стали опять переучивать по разделениям и всё говорят, что всё не так, и через это делается очень обидно. Учат, чтобы чисто делали повороты да ногу, чтобы давали отдание чести, чтобы отдавали честь хорошо. А мы разве для того призваны? Мы призваны для защиты Отечества. Можно сказать, в самую трудную минуту для Родины. Ну а нас учат совсем не тому, как быть на позиции, а большую часть чуть не всё только одному и тому же учат: дай ногу, отдание чести и повороты.

Сегодня нам сказали всё наше начальство в новой для нас части. А именно, в Запасном батальоне Лейб-гвардии 3-го Его Величества полка 3-й роты и 4 взвода:

Командир Полка – Генерал-Майор Кривицкий
Командир Батальона – Полковник Вишняков
Начальник хозяйственной части – капитан Медер
Командир роты – Поручик Орёл
Младший офицер роты – прапорщик Севальнёв
За федф. – подпрапорщик Юдин

Взводный командир – 4 вз. Старший унтер-офицер Кротов
Мая 31 дня 1916 г.

Июнь, 1916 г.

Первого июня я ходил на занятья. Занимались в поле на лугу опять тем же: поворотами по разделениями. Всё лучше бы пойти прямо в бой, чем производить это проклятое занятье. С занятья прогнал дождик. С 10 часов до 11 сидели на словесности. Потом я заступил на дневальство с 12 часов и на занятье после обеда не ходил. Потом вечером сегодня нас перегнали из палаток в барак спать. В бараке наш взвод помещён был в самом верху, и я первую ночь в бараке стоял дневальным.

Утром второго июня я спал долго, встал, когда уже ушли на занятье. Потом стали всё из барака вытаскивать и делали уборку по роте. Потом, после обеда, опять все взводы перегнали на новые места. Наш взвод поместили уже на самом низу в барак, и так весь день занятья не было. Поверка была в помещении, потому что шёл большой очень дождик.

Третьего июня в пятницу утром выстроили нашу третью роту Литер В, и нам назначили новых взводных и также отдельных. А которые были наши взводные и отдельные, которые приехали с нами из Старого Петергофа, их перевели в нашу другую полуроту Литера Б. Потому что сегодни в 3 дня к нам в роту пригнали большую партию новобранцев призыва 15 мая 1916 года. Народ всё очень крупный, не похоже, что 18 лет. И наших взводных и отдельных назначили их обучать. С сегодняшнего дня, 3-го июня, нашим взводным стал старший унтер-офицер Шкребец, ефрейтор – Жданов. Потом после обеда занятья не было, шёл дождь, а я ходил с одним ефрейтором точить топоры для рубки мяса, а в роте занимались словесностью. Сегодня мы уже 5-й день сидим без сахару. Первые дни хотя можно было купить то конфеток или же Монпансье, но а сегодня уже ничего и на деньги уже не купить. Должны бы нам выдать сахар 1-го июня, но а сегодня уже третье число, а сахару нам всё не выдают.

На улице очень грязно. Вечером сегодня нам выдали винтовки и принадлежности. Мне выдали винтовку за № 7842. Нас с Кружковым назначили завтра ехать в Петроград за амуницией.

Четвертого июня, как только утром встали, стали одеваться ехать в Петроград. Нас поехало всего 10 человек. Приехали на Балтийский вокзал. Потом шестого июля ходили на луг на занятье. Занятье не очень стало тяжело, потому что винтовки не у всех.

Занимались по очереди и без винтовок, кто-то занимался рассыпным строем, было страшно жарко, нигде не видно ни одного облачка. После обеда до двух часов поспали и в третьем часу пошли на занятье с шансовым инструментом – с лопатами, топорами и кирками и копали окопы. Эта работа всех интересовала много лучше, чем строевое занятье и она вперед может быть полезной, потому что каждый солдат будет иметь понятье, как нужно выкопать окоп и для чего. Было страшно жарко.

Седьмого июля я был дневальным на передней линейке, утром новобранцев выгнали на занятье в 5 часов в поле, но а мы спали до шести. Потом новобранцы ходили за службу к походной церкви – был день молебствия о павших в бою офицерах. В прошлом году 7 июля у нас был Генерал-лейтенант Чебыкин. Стоять дневальным днём было страшно жарко, день был очень ясный и жаркий. Рота ходила на занятье, но а я промежду сменами сидел в роте и делал конверты. Первую смену стоял с 3 часов дня до 5-ти, а вторую – с 9-ти после поверки и до 11 часов ночи. Ночью стоять было очень хорошо. Погода была очень тёплая и благоприятная. И очень весело много ходить мимо публики ночью.

Восьмого июля, в Казанскую, утром стоял 3 часа дневальным до 9 часов утра. С 9 часов легли спать и спали до 3 часов дня, на обед не ходили – очень хотелось спать. Потом с 3 часов ходили копать окопы. Работали посменно, каждой смене пришлось поработать только по полтора часа во весь упор. Нам занятье стало очень лёгкое, но только плохой порядок во всём. Но а теперь новобранцев обучают очень здорово. Спать приходится им очень мало, утром будят в пятом часу и в обед не дают нисколько отдыхать. А вечером после поверки занимаются до 11 часов ночи. И тем плохо ещё – очень колотят, попадают кулаком по морде и очень здорово стегают ремнём. Когда увидишь всё это, то сердце закипает какой-то ненавистью, и думаешь: был бы всякой на своей воле, неужели бы он мог перенести, чтобы не дать сдачу? Но тут всякого удерживает какая-то внутренняя сила, и всякий чего-то боится. А именно – боится позорной смерти за защиту самого себя. А с другой стороны, эта смерть была бы не позорная, а славная, потому что всякий во всём может ошибиться, и не бить же его за всё! А тут бьют и бьют много совсем ни за что. Какой-то ефрейторишко думает, что раз ему дали в подчинение беззащитных молодых людей, то и давай над ним издеваться, не думая о том, что и сам какой-нибудь месяц назад был тоже в таком же подчинении. И всё забывая, начинает издеваться. Вот мы этим-то и угнетаем сами себя, и никак нам не избавиться, покуда не будем сами себя давать колотить

и угнетать по своему самолюбию. Он не думает, тот отделенный или взводный, что сегодня отколотил своего солдата, а через неделю или меньше придётся вместе с ним же помирать в одном окопе. Не думают люди нисколько об своём будущем. Сегодня думает, что он начальник, а завтра что будет думать? Пока власть – то и пользоваться ей?

После поверки выгнали на песни, и сначала не могли почему-то запеть. Взводных никого не было, а отдельные выстроили роту и начали гонять бегом. Тогда и совсем никто не стали запевать. Тогда сходили в роту, доложили фельдфебелю. Время уже темнется, а тут пришел фельдфебель и начал спрашивать: «Почему не поёте песни?» Ему сказали, что нас зачем-то гонят даром бегом, и он попросил всех честью, говорит: «Давайте, ребята, споём песенку – и в роту!» Тогда все пошли и стали петь песни, как лучше уж нельзя, и только спели одну песню, фельдфебель сразу повёл всех в роту. Очень было стыдно отдельным, что не могли добиться от нас силой, чего им хотелось. Теперь чем хуже станут обращаться, то ещё будем делать хуже. Так что от нас силой ничего не добьёшься, мы уже считаемся старыми солдатами.

Девятого июля в субботу весь день работали: партия десять человек били бочки под квас и опускали бочки со сметаной в воду – в такой специально устроенный колодец в ключе. Вода страшно холодная, работали до полчаса четвёртого дня. С утра и до 3 часов дня все шёл дождик, и очень было тепло. Под вечер стало красить солнышко, и очень парило. После ужина наше всё отделение ходило работать на кухню. Работали до одиннадцати часов вечера.

Десятого июля наша рота ушла в караул, а наше первое отделение 4-го взвода было всё назначено дневальным. Я был дневальным по роте. В первой смене стоять очень спокойно, всё время можно сидеть у себя на матрасе, потому что я стоял в своей полуроте вверху. Только что ночью будить смены дневальных плохо, потому что спят все взводы между товарищами, которых не нужно будить.

Одиннадцатого июля я сменился с дневальства в шесть часов и спал до одиннадцати. Потом после одиннадцати отобедали и до трёх работали на кухне, и только что пришли в роту, угнали на занятье копать окопы. День был очень ясный, нигде не было видно ни одного облачка, и дул с севера холодный ветер. Сегодня в нашей роте одного новобранца стегали розгами за побег, дали 25 розг. Очень это всё было неприятно видеть – телесное наказание, которое отменено. Потом сегодня же у нас отобрали винтовки,

принадлежности и подсумки. Мы были очень рады этому, потому что они очень надоели. Придёшь с занятья, где бы отдохнуть, а тут её надо привести в порядок, обтереть и смазать, и всё время забота. Когда новобранцы возьмут на занятье, то редко когда поставят на место, надо ко времени её разыскивать. Но теперь этой заботы покуда не будет, не знаю, надолго ли.

Двенадцатого июля. До обеда ходили на занятье без винтовок и занимались поворотами, а большею частью – рассыпным строем. В обед сегодня выдавали сахар напополам с сахарным песком до 20-го июля с 10-го, всего на десять дней. После обеда ходили копать окопы. В шестом часу кончили работу и ходили до поверки в баню. Помылись и выстирали бельё. Я стирал тоже сам. Только что пришли из бани, подпрапорщик стал нашей полуроте выдавать жалованье за июль месяц. Так как наш 4-й взвод получал самым последним, то мы получили и сразу стали строиться на поверку. Так и не пришлось поужинать. После поверки попили чайку с хлебцом и легли спать.

Тринадцатого июля до обеда ходили на занятье с винтовками и занимались здорово. Было очень жарко, потому к обеду все очень устали и уморились, от сильной жары сохло в горле. В обед, только что пообедали и легли поотдохнуть, пошёл сильный дождь, и гремело. Потом к вечеру опять ничего не было, только что кое-где по сторонам были облачка. С обеда ходили копать окопы.

Четырнадцатого июля до обеда ходили на занятье без винтовок. Занимались маршировкой, бегом, поворотами, отданием чести и взводным учением. Было очень ясно, но только что не очень жарко, потому что с севера дул очень холодный ветер. В обед пришлось поотдохнуть. После обеда ходили копать окопы. Обратно идёшь с работы или с занятья всей ротой и всегда с песнями. Со стороны посмотреть – хорошо и весело, но самому петь кажется не очень весёлым, а особенно в такой жаре. Устанешь на занятьих, а иди опять с песнями. Идёшь, и во время пенья набирается полный рот и нос пыли.

Пятнадцатого июля. До обеда ходили на занятье без винтовок, занимались рассыпным строем. Мы с Кружковым ходили в правый боковой дозор. Потом час занимались словесностью, сидя на лужке. Было очень хорошо. После обеда рота ходила на окопы, но а наше отделение было сегодня в очереди, и мы работали на кухне – чистили рыбу и картошку.

Шестнадцатого июля я был назначен дневальным под гриб, но стоять не пришлось. Моя была третья смена. Только что успели отобедать, вскричали всем нашей полуроте строиться. Выстрои-

лись, и стали записывать людей на сенокос. Записали и меня. Всего из нашей полуроты записали 50 человек и всем выдали ранцы, платки и манерки. С 12-ти часов дня начали всё излаживать к отправке в дорогу.

Нам выдали всем по караваю хлеба, и ужина сегодня нам уже не было. Отправились из роты в шестом часу вечера. Садились в Красном Селе на поезд, шедший из Петрограда на Ревель. Сели в поезд в 7 часов 40 минут вечера. Первая остановка поезда была на станции Дудергоф. Вторая остановка была станция Тайцы. От Тайцы дорога идёт версты четыре мелким лесом хвойной и лиственной породы. Только что переезжая лес, через дорогу переходит небольшая реченька, вроде нашей Конгоры. По обе стороны дороги всё небольшия деревушки и поля все засеянные хлебами. Места очень красивы.

Потом проехали, не останавливаясь, мимо станции Мариенбург. Кругом её есть очень красивые дачи, все кругом в лесу. От Мариенбурга стали смотреть на летающие Эропланы. Их тут летает очень много, и на всё остальное я уже не обращал внимания.

Третья остановка была на станции Гатчина. Тут остановились в аккурат во время захода солнца. Поезд стоял час, и тут летает страшное множество Эропланов. Мы видели, как они поднимаются с земли и как опускаются. Пока мы стояли, то, наверное, около сотни раз они спустились и поднялись. Очень было интересно посмотреть на всё это. Пока стоял поезд, то Г. Исаков ходил два раза в вокзал за кипятком и булками, и мы напились в вагоне чаю. Поезд тронулся полчаса десятого.

Четвёртая остановка была на станции Войсковицы. Маленький деревянный вокзал очень красивый, в садах, с лесами. Пятая остановка – станция Елизаветино. Уже было темно и время было около одиннадцати. Шестая остановка – станция Кикерино. Очень красиво кругом, в лесу. Стояли уже ночью, все в поезде спали, но я не спал, выходил на платформу почитать надпись вокзала. Седьмая остановка – станция Волосово. Восьмая остановка была на станции Вруда. Не знаю, правильно ли это название, потому что надписи прочитать было невозможно, очень темно. А я спросил стоящего на платформе Эстонца, и он мне так ответил, только очень плохо. Поезд стоял тут очень долго. Я заснул и не знаю, где мы ещё останавливались или нет. Но я пробудился уже на станции Тикопись, где мы все встали из поезда.

Семнадцатого июля – наш праздник, Ильинское воскресенье. Вставши на этой станции, ещё солнышко не взошло, и пошли на луга, где нужно остановиться косить. Для праздника фельдфе-

бель заставил петь песни ещё до солнышка, чего не очень было охота. Шли всё мимо маленьких эстонских лачуг, хлеба и покосов. Идти нужно было пешком вёрст пять. Как пришли на место, сразу разбили палатки. Потом согрели чайники, напились чаю и, поотдохнувши, в девятом часу пошли косить, партиями в 48 человек. Забыл сказать, что и обедом нас тоже накормили до работы. Это всё происходило в свой праздник. Дома праздновали, но а мне не пришлось его встретить как следует, а встретил так, что наработался и поел одного чёрного хлеба с наваренным сегодня и неразварившимся горохом, и потом ещё гречневой каши. А белого ничего нигде было не достать. Покос в аккурат как у нас: всё в кустах, в березниках и осинниках. И трава такая же, листва как у нас. Мы находились в 9 верстах от Свеаборга, деревень так и не видно, но говорят, что есть деревни версты за две-за три. Часов в 12 дня с работы прогнал дождик. Сегодня утром не было нисколько солнца, но дождя до полдён не было. Нас в палатке спали 6 человек: Я, Исаков, Фёдоров, Страхов, Н. Петров и Крючков. Вечером была поверка, как и в роте, также была перекличка, и пели песни. И нам было очень весело, потому что в нашей партии была вятка. В свободное время сыграют и споют песни.

Восемнадцатого июля я косил в первой смене, с 5 час. утра до 9. Потом попили чаю и угнали загребать. Немного позагребали и опять пошли косить, косили до 6 часов вечера. Потом кончили работу, до поверки ходили в лавку на большую дорогу. Из лавки пошли через деревню и только дошли до деревни, пошёл дождь. Так ничего и не посмотрели, что за деревня: постояли у одной избёнки под крышей и пошли обратно в свои палатки. Всю ночь шёл дождик, но в палатке нисколько не мочило. Очень хорошо спать в палатках, много раз лучше, чем в роте на нарах.

Девятнадцатого июля утром шёл дождь, и мы спали часов до восьми. Дежурный кричал, чтобы выходили за хлебом, но никому неохота было выйти из палатки на дождь. Так и за хлебом не ходили. Часу в десятом напились чаю, какой был хлеб – в палатке съели. Потом пообедали, делать было нечего: моросил дождик, загребать было нельзя, а косить было нечего. Отобедавши, мы с Исаковым, Петровым и Крючковым ходили в деревню. Купили десяток яиц за 15 копеек, и нам подносили пиво. Пиво очень хорошее. Пиво, наверное, по случаю Ильина дня. Завтра у них Ильин день, престольный праздник. Пришли из деревни, сделали селянку из яиц, да ещё купили на 18 копеек молока. Селянка вышла хорошая. В деревню наших косарей ходило много, и некоторые там напились ханжи, пришли пьяные и два раза начинали драть-

ся. Но люто драться не дали. Их хотели поставить под ранец, но только что их отдали, из батальона приехал посыльный и сказал, чтоб сейчас же все до одного косца ехали в батальон, потому что назначаются в маршевую роту. Так под ранцем никому стоять не пришлось.

Как только нам объявили, что сегодня уезжаем, то в несколько минут разобрали все палатки, приготовились к походу и часу в восьмом вечера пошли на вокзал. На вокзале станции Тикопись пришлось очень долго ждать поезда, до одного часу ночи. Было очень холодно, и всю ночь играли в гармонию, плясали и пели песни. Потом в час ночи сели в поезд и сразу все легли спать, и я спал, покуда не пришлось вставать. Вставали из поезда на станции Красное Село. Пришли в роту часов в семь утра, и до обеда спали, а в третьем часу все косцы ходили в баню. Занятья больше до вечера не было. Было пасмурно, но без дождя. После поверки ходили петь песни. Сегодня же получили табачные, по 48 копеек.

Двадцать первого с утра встали на занятье, и только что начали делать гимнастику – вольные движения – тут передали, чтобы собрать роту. Собрали роту и начали назначать маршевую роту. Нас с Кружковым, Максимовым и Гусевым взводный оставил в роте с новобранцами: велели из каждого взвода по нескольку человек поопытней оставлять от маршевой для несения нарядов по роте и для раздатчиков. И вот нас оставили. Но нам не захотелось оставаться от своей роты и от своих товарищей по службе. Мы стали у подпрапорщика проситься, чтобы и нас отправили вместе со своей ротой. Он нас опросил: «Что вы, – говорит, – желаете идти на войну?» Мы все отвечали: «Так точно, желаем». Он говорит: «Идите с Богом, если охота». И нас записали, и мы были очень рады, что приходится идти на позицию всем вместе. Занятья больше не было. Сегодня весь день перепадал изредка дождик, и было очень пасмурно и холодно.

Когда назначили в маршевую, то все были очень рады. Потому что последнее время пошли неудовольствия в роте. Положим, оно и всё время на ратников смотрели как на каких, можно сказать, преступников. Всё ратников считали забастовщиками и их никуда не назначали, ни в какие командировки. И ни разу из нас не назначали в учебную команду. А тут, когда мы уехали на покос, оставшиеся в роте наши старые солдаты работали на кухне, и у них чего-то вышло неладно, огорчили отдельного командира. И на их нажаловались Ротному. Он некоторых наколотил по морде и всех, кто работал на кухне, поставил по 20 часов под винтовку. Они сегодня ещё после обеда достаивали последние часы. Стояли

сразу все 40 человек и стояли все почти даром из-за каких-нибудь двух или трёх человек. И всегда так: приходится отвечать многим за людей. Но мы, благодаря тому, что были на покосе, не попали под винтовку. Слава Богу, меня ещё покуда Бог избавляет. А теперь вот еду на позицию. Слава Богу, в роте не был ни под каким замечанием. Только все успокоились в роте, что назначили в маршевую, вдруг в пятом часу вечера дают приказ, чтобы наша третья рота одевалась в караул, для смены первой роты, которая была сегодня в карауле. И её назначили в маршевую. Завтра в шесть часов утра они будут отправляться. Как мы их только сменили, им сразу стали выдавать амуницию. Мы заступили в караул в 6 часов вечера. Я стоял у порохового погреба. Ночь на 22-е пришлось провести в караульном помещении.

Двадцать второе июля. До 9-и часов был в карауле, потом, сменившись, пришли в роту. Отдохнуть нисколько не пришлось: сначала строили в церковь, но отменили, вместо церкви пошли на обед. Отобедали, и сразу всю маршевую роту угнали в околоток: Всем, кто назначен в маршевую, делали уколы в левую руку от Холеры. Сначала было очень больно, но после легче, чем когда прививали противотифозную прививку. Тогда было переносить гораздо трудней.

Двадцать третьего июля в субботу с утра посадили на словесность, но все стали говорить, что больные, и кончили занятье. Весь день ничего не делали.

Двадцать четвёртого июля в воскресенье ходили на обедню, а потом весь день ходили свободные, ничего не делали.

Двадцать пятого июля до обеда ходили на занятье всей маршевой ротой, занимались ротным учением. Был на занятьи Прапорщик, который и назначен с нашей ротой идти на позицию. После обеда с нашего 2-го маршевого взвода два отделенья, первое и второе, работали на кухне. После обеда был дождь, сразу стало грязно.

Конец 2-й Памятной книжки. Н. Д. Хабаров. Красносельский Лагерь.

Книжка № 3. Октябрь, 1916 год

1-го октября из лесу пришли в окопы, и у меня было всё вписано в памятной книжке, которую во время ночной работы потерял.

С 4-го на 5-е октября ночью ходили на работу: носили рогатки на передовую линию, и в это время я потерял запасную сумку и в ней две памятные книжки: в одной из них записан дневник всего времени, как прибыли на позицию по сегодняшнее, 5-е октября. Ничего так не жалко, как этого дневника. Ещё в ней была книжечка с адресами и фотографическими карточками, 20 штук открыток и много конвертов и бумаги. Две ложки – одна чайная, а другая столовая. Она вылита из металлу от половины разорвавшегося снаряда, я за нее заплатил 50 копеек. Потом ещё тут был складной ножик, два карандаша и носовой платок. Одним словом, потерял всё, что необходимо солдату на позиции, и остался без всего. Страшно было всего этого жалко. Только и было всего имущества, и всё потерял. Осталось только что на себе, у солдата ничего больше и нет.

За всё время, которое воюю, записано в той памятной книжке. За это время мы, должно быть, с 8-го сентября на 9-е перешли по фронту несколько левей. И тут всё время находились до 20-го, на позиции. Все дни и ночи почти насквозь работали. Копали новую линию окопов, много ближе к немцу от старой линии, у его проволочного заграждения. Работать было очень опасно, много потеряли мы товарищей. Потом за это время мы делали подкопы под немецкие заграждения. Было вырыто 8 колодцев (по 3 сажени под землю) к немцу и их начинили взрывчатым веществом. Я не думал, что эта работа пройдет благополучно, очень было работать опасно, но всё прошло благополучно до времени. И во время наступления, 19 сентября, эти фугасы были нами взорваны и принесли нам пользу. Но всё-таки мы в этом бою потеряли всех товарищей: кого убило, кого ранило, кто пропал без вести. Осталось только нас трое во 2-ом отделении.

5-го октября с самого утра началась такая страшная артиллерийская стрельба, которую немец открыл по нам, и она продолжалась весь день. Такой стрельбы ещё редко когда и было. Нам весь день не давали спать, все сидели в полной походной амуниции. День быль холодный, из оболочных изредка падал снег, и утром был мороз. Вечером было известно, что наши и немцы не один раз наступали друг на дружку, с той и другой стороны были очень большие потери. Пострадал очень люто 3-й батальон нашего полка. Ночью немного пришлось поспать. Сегодня получили чай и сахар на 10 дней.

6-го октября, четверг. Утро было очень туманное, и весь день солнца не было видно. Весь день было потише, не как вчерашний день. Сегодня нам выдали по 9 штук папирос на каждого стрелка.

Ночью я ходил с 10 ночи в цепочку для связи. Изредка шел мелкий сырой снег. Ночь была сырая, пронизывающая сырым какимто холодом.

7 октября, пятница. Утром я сменился в седьмом часу. Пришел в полк и поспал немного. Спать трудно, потому что стало очень холодное время. День был хотя не очень ясный, погоды никакой не было. И бою не было, но перестрелка никогда ни насколько не переставала. Ночью сегодня мы ушли на первую линию и сменили 3-ю сводную роту. И с сегодняшней ночи стали находиться опять на первой линии.

8 октября. Суббота. Утром поужинали с перегонкой. Поужинали очень плохо: суп расплескали весь дорогой, а чаю весь день и ночь не пили. С половины дня пошёл дождь, а мы заступили в секреты, и всё время каждые три часа приходилось стоять в секрете. А когда три часа стоишь у бойницы в окопе, наблюдаешь, спать совсем было некогда. И укрыться от дождя ничего не было, только маленько ещё палатка и спасала. Вот такой мокрый и наполовину голодный всё время стоишь на ногах в воде и грязи и ждёшь каждую минуту смерти. Хуже этой муки, наверно, нет ничего на свете. Не знаю, как это переживём. А если Бог приведёт пережить, то страшно будет, наверно, и вспомнить.

9-е октября. Воскресенье. С ночи и с утра до 2 часов дня без чаю, мокрые и почти голодные, сидели все в секрете. Потом я с часик уснул, и опять разбудили наблюдать. Да подумаешь – дома праздник, а у нас что делается! Страшно и подумать. Да вдобавок время стоит такое туманное, дождливое! Ещё становится тяжелее на сердце.

10-е октября. Понедельник. Особенного ничего не происходило, время страшно туманное, невесёлое. Стрельба всё время не перестает, ни одного дня нет, чтобы кого-нибудь не убило или не ранило. Люди с каждым днём убывают.

11 октября. Вторник. Утром, часу в 5-ом, как и всегда за обедом. Потом кто может отдохнуть, кто дежурить, но только спать не приходится, потому что больше часу не проспишь, сразу всё остывает от холоду. Время самое пасмурное, тоскливое. Потом ещё часто приходится ходить на работу, а ночью спать не дают нисколько. Сегодня днём мы с Исаковым ходили в Штаб полка за ручными бомбами.

12-го октября. Среда. Весь день особенного ничего не произошло. В окоп немного перешли полевей по фронту. День был такой же пасмурный, страшно тоскливый.

13-го октября. Четверг. День стояли тут же, где и вчерась. Было очень пасмурно, и моросил дождь. Сегодня случилось несчастье: ранило самого дорогого товарища – Григория Исакова. Его ранило в левую ногу, пуля прошибла насквозь всё колено. Когда его ранило, я был с ним рядом, мы только и были одни с ним. Очень мне было жалко расставаться. Мы с ним больше году кусали, можно сказать, из одного куска. Мы с Кружковым донесли его до Штаба полка на носилках. Ночью сидели по 3 часа в секретах, в вырытой маленькой яме, прямо под открытым небом. Сверху мочил дождь, а снизу грязь, невозможно вытащить ноги. И тут же приходится садиться. Зато когда встанешь при смене, то ноги не гнутся, невозможно совсем идти.

14 октября. Пятница. Сегодня утром перешли в другой окоп, несколько правей по фронту. День был пасмурный, моросил изредка дождь. Да дожди перепадают уже давно, но не очень большие. Так что грязи большой в окопе нет, а только делается очень склизко и скоро после дождя всё утаптывается.

15 октября. Суббота. Сидели тоже в окопах. Погода стояла та же, пасмурная. Сегодня нас перевели на первую линию, и опять пришлось всё время почти без смены сидеть в секрете.

16-го октября. Воскресенье. Утром, только что рассвело, и нам бы можно до полдня отдохнуть, но тут началась такая канонада! Немец открыл страшный артиллерийский огонь, и нам отдохнуть не пришлось. Двое суток не ложились ни на минуту. Стреляли до полдня, и везде засыпало все окопы и хода сообщения. Но мы находились на самой первой линии, и артиллерийский огонь нас поражал меньше, стрелял он больше по резервам.

17-го октября. Понедельник. День весь сидели тоже в окопах, но а в часа в 4 вечера нас сменил 4-й полк, и мы ушли в Резерв в лес. Идти пришлось ночью. Страшно было, темно. Пришлось поблудиться по такой грязи, но все-таки добрались до места и ночевали в блиндаже.

18 октября. Вторник. День весь находились в этом лесу и ночь ночевали на старом месте.

19 октября. Среда. Утром в 6 часов из лесу вышли, пошли дальше в резерв. На дороге обедали. Потом часу в 4-ом пришли на место, в деревню <Цепелевка – *неразб.*> Волынской губернии. Разместились кто по халупам, кто по сараям. Нам пришлось спать в сарае, и было очень холодно.

20-го октября. Четверг. Днём было занятье. Готовили нас к завтрашнему дню к параду. Ожидали Великого Князя Павла Александровича.

21-го октября. Пятница. Утром разбудили очень рано, и было ещё темно. Все тронулись в дорогу на парад. Шли вёрст около десяти. Там в местечке собрались наш и ещё 1-й Полк. И тут приехал в вагоне по узкоколейке В<еликий> К<нязь> Павел Александрович. Поблагодарил нас за бои и опять уехал. И мы к вечеру пришли опять в ту же деревню.

22-го октября. Суббота. Утром спали долго, и занятья весь день не было. Чистили винтовки и пришивали, у кого что изорвалось. После обеда выдали жалованье по 1 рублю 50 копеек. Ночью я сегодня стоял дневальным, и проходил мимо ротный командир, Поручик Челюстский. А я от холоду, да и голова сильно болела, я накрылся палаткой. И вот он мне за это, что я накрылся палаткой, говорит: «Завтра встанешь на два часа под винтовку».

23-го октября. Воскресенье. Утром с восьми часов я встал на дневальство и стоял до 12 часов. Рота ходила на службу. Потом только сменился с дневальства, пришлось становиться под винтовку за такую пустяковину, первый раз за всю службу – уже в год два месяца. Да и в первый раз пришлось становиться в воскресенье Христово. Не очень-то было это приятно, но ничего не поделать, пришлось исполнять требования начальства. Но всё-таки ротный снял из-под винтовки раньше, не дал достоять полные два часа.

24-го октября. Понедельник. Днём было занятье до обеда, и после обеда погода стояла ветряная и не очень холодная.

25-го октября. Вторник. До обеда было занятье, а во время обеда нам сменили сапоги, у кого были штиблеты, выдали сахар. Потом в час дня весь полк выстроился при полной походной, и ушли из этой деревни. Она находится верстах в восьми от уездного города Луцка Волынской губернии. И пошли от этой деревни ближе к позиции. Часов в семь вечера пришли в деревню Воютин, той же Волынской губернии, и разместились кто в хаты, кто в сараи. Я первую ночь ночевал в хате.

26-го октября. Среда. Утром встали в 8 часов, и занятья не было весь день. День был очень ясный, точно весенний, но только не такой весёлый, как вешний, потому что не дома.

27-го октября. Четверг. Утром будили в 6 часов, и занятье было до обеда и после обеда.

28 октября. Пятница. Утром будили в 6 часов, и занятье было тоже до обеда и после обеда, как и в Запасном батальоне.

29 октября. Суббота. Утром будили в 6 часов, и до обеда занятье было до половины двенадцатого. После обеда не было.

30-го октября. Воскресенье. Занятья не было, весь день была работа – уборка и кой-чего для себя. Вечером выдали жалованье по 1 рублю 50 копеек.

31-го октября. Понедельник. Занятье было весь день, и во время обеда выдавали по 79 копеек. Я до обеда стоял дневальным. Стояли в деревне <Цепелевка – *неразб.*>, она находится в 9 верстах от города Луцка, а село Воютин – в 25 верстах от уездного города Луцка Волынской губернии.

Ноябрь 1916 г.

1-е ноября. Вторник. Утром до обеда была словесность. Сидели в сарае. С 30-го и 31-го по ночам был дождь, но а днём дождя не было. Мы в этой деревне спим все в хатах. По вечерам не спим часов до 12. Все сбираются солдаты. То начинается пляска, то песни. Ходили деревенския девчонки – очень отважные и весёлые.

2-е ноября. Среда. Утром ходил я в баню. Баня в блиндаже. Очень грязно, но всё-таки приятно было помыться. Потому что я ещё не мылся, как уехал из Запасного батальона. С 12 часов я ушёл вестовым в Полковую канцелярию. Там очень хорошо было спать ночью, пришлось и в тепле. Ночью сегодня навалило снегу.

8-го ноября. Четверг. До двенадцати ещё был в канцелярии вестовым. Потом пришёл в роту, а рота ушла на работу в село Белосток чинить дорогу. И я вчера ничего не делал. Время стояло <*далее неразб*>.

4-го ноября. Пятница. С утра вся рота пошла в лес за брёвнами для блиндажей, и весь день работали без отдыху и без чаю. Ходили два раза вёрст за пять в лес, таскали на плечах. Ночью спали в сарае, и сарай редкий: прямо страшно холодно и заносило снегом.

5-го ноября. Суббота. Сегодня то же самое: ходили два раза в лес, и пришлось весь день без чаю и без отдыха. Было очень ветрено, и валил снег.

6-го ноября. Воскресенье. Утром нам выдали папахи. А после обеда ходили раз за лесом. Было очень холодно.

7-го ноября. Понедельник. Сегодня тоже ходили два раза за лесом, но наш взвод после обеда в лес не ходил, а мы застилали и засыпали землёй блиндаж. Погода стояла холодная, но снег уже стал пропадать, хотя его было мало.

8-го ноября. Вторник. Утром встал, ещё темно, и страшно перезяб в сарае. Для своего Престольного праздника согрели чаю. Я купил две булки и встретил свой праздник. С 9 часов утра ушли на занятье, и занятье было до 12 дня. Очень было скучно. Подумаешь: люди дома уехали на обедню, а мы – на занятья. Вечером с 9 часов до 12 ночи стоял дневальным у колодца. Дома гуляли в это время, наверно, на беседе [*так называли осенние и зимние собрания молодежи в деревне – прим. ред.*] А я стоял на стуже дневальным. Очень было скучно ходить около колодца одному. А на уме всё домашний праздник. Спать сегодня ночью пришлось уже в час ночи.

9-го ноября. Среда. Утром встал в 6 часов и заступил опять на дневальство. Стоял до 12 часов дня. После обеда ходили на занятье. Снег сегодня почти весь дочиста стаял, погода стояла очень тёплая.

10 ноября. Четверг. Сегодня весь день с утра и после обеда было занятье. День был ясный, но не холодный.

11 ноября. Пятница. Весь день с утра и после обеда было занятье. Во время занятья приходил Командир полка.

12 ноября. Суббота. До обеда был весь полк на параде. Ходили церемониальным маршем. Был командир Полка – генерал-майор Семёнов.

13 ноября. Воскресенье. Утром разбудили так же в 6 часов. Желающие ходили в церковь, а я ходил на работу на кухню. Занятья до обеда не было. После обеда занятья тоже не было.

14-го ноября. Понедельник. До обеда занятья не было, был Царской день. После обеда ходили на стрельбу к Белостоку. Стреляли по две пули без масок и по две пули в масках. Попадали очень мало. Кто в масках – вовсе не видно, и мишени плохи. На пашне плохо видать. Вечером сегодня меня назначили в команду разведчиков.

15-го ноября. Вторник. Утром я ушёл из роты в команду. А после обеда наш полк ушёл из этой деревни Воютин ближе к позиции, и разместились по хуторам. Весь полк врассыпную. Мы стали на хуторе Жуковка, около села <*неразб.*>. Спать стали в блиндажах. Хотя не в халупах, но спокойней. Блиндажи с печками, можно к ночи натопить и согреть чаю. И спать было тепло.

16-го ноября. Среда. Сегодня занятья не было, а весь день была уборка: делали <глобки – *неразб.*> и посыпали песком.

17-го ноября. Четверг. Утром будили в 6 часов. Попивши чаю, с 9 часов было занятье до 11-ти. Занятье было: гимнастика и строевая. И после обеда занятье было то же самое.

18-го ноября. Пятница. Утром только что успели напиться чаю, в 9-м часу выстроили команду, и пошли в поход. Шли вёрст около 15-ти, влево по фронту. Пришли к вечеру в резерв Туркестанского Полка. Тут пришёл весь наш полк. Поместились в блиндажах. Тут был сосновый лес, но теперь уже весь срублен. Спали ночь в блиндаже.

19-го ноября. Суббота. Занятья весь день не было. Стояли от позиции недалеко. Изредка долетали немецкие снаряды. Вечером часов в 6 ушли с этого места. Пришли на передовую линию. А нашу команду перевели ещё от передовой линии за речку, к немцу, занимать полевые караулы и секреты. И как пришли, засели в секрет и сидели без смены до свету. Было страшно жутко первый раз, потому что с версту от своих окопов, в открытом поле, к самым немцам. И было страшно холодно. И сколько пришлось тут перетерпеть нужды, что только одному Богу известно! Днём давали спать только до 12, а потом выгоняли на работу. А по ночам по 16 часов сидели без смены в секретах и полевых караулах. Так продолжалось четверо суток, до 23.

20 ноября. Воскресенье. Утром пошли из секрета, уже светло. До обеда поспали, потом разбудили на работу. Спали на той стороне речки в блиндажах. Ночью опять пришлось часов 16 сидеть без смены в секрете.

21 ноября. Понедельник. День прошёл, как и вчера. И ночью то же самое, пришлось так же дрогнуть в секрете.

22 ноября. Вторник. То же самое, что и в прошлые два дня.

23 ноября. Среда. День прошёл так же, а вечером нас с этой позиции сменила 3-я рота. А мы ушли в резервные окопы и ночь спали всю в покое, в блиндажах..

24 ноября. Четверг. Утром разбудили за обедом, и потом опять весь день спали. Но а ночь с 24-го спать не пришлось: наш взвод был дежурный, и всю ночь сидели при походной амуниции, всё наготове на случай тревоги.

25-го ноября. Пятница. День был свободный, а ночью ходили на работу за речку, где были сначала в караулах и секретах. Работали до 12 часов ночи, а потом опять пришли в блиндажи и до утра спали.

26-го ноября. Суббота. День ничего не делали, а ночью ходили на работу, копали ход сообщения, углубляли старый.

27-го ноября. Воскресенье. День были свободный, а ночью ушли из этих блиндажей на то место в лесу, из которого ночью ушли в окопы. В лесу поместились в блиндажах и ночь всю проканителились, потому что блиндажи все запакощены, и всё приводили в порядок.

28-го ноября. Понедельник. Спали утром долго, но только спать было очень холодно. Днём выдали нам новые шинели и валяные сапоги. Я валенки не взял, потому что у меня хорошие сапоги, и потом ещё взял полушубок. Ночью спали тут же, и было спать потеплей.

29-го ноября. Вторник. Спали утром долго, потом весь день перешивали к новым шинелям погоны и петлицы и всё приводили в порядок. Погода сегодня была потеплей, утром шёл дождь. Ночь спали спокойно в блиндажах.

30-го ноября. Среда. Утром разбудили в 6 часов. Попивши чаю с 9-и часов, ходили на занятье до 11-ти. После обеда тоже было занятье. Занятье всё строевое, разведке ничего ещё не учились. После поверки вечером пели песни под грохот орудий, что под музыку. Тут же людей убивало, и песни поют.

Декабрь 1916 года

1-го декабря. Четверг. Утром разбудили в 6 часов, и до обеда ходили на занятье. Погода была ясная и холодная. После обеда было тоже занятье.

2-го декабря. Пятница. Утром встали в 6 часов. До обеда было занятье, после обеда выдавали жалованье. Выдало по 1 рублю 50 копеек жалованья и по 50 копеек на табак и за недополучение сахара. Погода стала делаться теплей, туманно, земля стала таять.

3-го декабря. Суббота. Занятье было только до обеда. Вечером пошёл дождь, что весной. Но а к утру стало опять моросить.

4-го декабря. Воскресенье. Утром спали до свету, потом попили чаю и ходили в баню. Но я не ходил, потому что не было чистого белья, а в бане не сменяли. Погода была немножко морозная. После я узнал, что выдают бельё, и пошел в баню. Очень хорошо помылся и переодел чистое бельё.

5-го декабря. Понедельник. Занятье было только до обеда.

6-го декабря. Вторник. Занятья не было, был полковой праздник. Нам выдавали колбасы, по булке давали, супа усиленная порция и рисовая каша с изюмом. Так мне пришлось встретить свои именины на позиции [*День св. Николая – прим. ред*].

7-го декабря. Среда. До обеда было занятье строевое. И вот сегодня ночью, с 6-го на 7-е декабря, навалило снегу, пожалуй, на четверть. И сегодня нисколько не стаял.

8-го декабря. Четверг. Было весь день занятье. Я сегодня получил 10 рублей денег, посланные из дома. Они были посланы в 7 роту, а получил я их в команде разведчиков.

9-го декабря. Пятница. Занятье было весь день. Погода не холодная. Ночью стало делаться теплей, а над утром 10-го пошёл дождь. Но скоро отстал, и стало опять моросить.

10-го декабря. Суббота. До обеда было занятье. Погода ровная: ни холодно и ни тепло, снегу ещё было немного. После обеда занятья не было.

11-го декабря. Воскресенье. Занятья весь день не было. Сидели в блиндажах, кто чинил худое или порванное, а кто сидел и пел песни.

12-го декабря. Понедельник. Было весь день занятье.

13-го декабря. Вторник. Было весь день занятье. Снег уже много стаял, погода стала тёплая.

14-го декабря. Среда. Занятья не было весь день. Потому что пришёл приказ от Командира полка, что сегодня вечером пойдем на позицию, и потому занятья не было. Вечером в семь часов пошли на позицию. Пошла страшная погода. На позиции пришли и сменили 9-ю роту. Ночью сидели в секрете и работали, в окопах страшная грязь и вода.

15-го декабря. Четверг. Днём с часок уснули очень плохо. Ночью пошёл дождь, снег стаял, воды, грязи в окопах по жопу, невозможно ходить, одёжа вся насквозь промокла, и высушиться негде.

16-го декабря. Пятница. Была страшная грязь, все обмазались в земле, невозможно таскать шинели.

17-го декабря. Суббота. Погода тоже стояла плохая, одёжа то замёрзнет, то оттает. Ночи казались с год, мы не думали, что всё это переживём. Ночью ни на минуту не усни, и днём спать давали часа по два, и то – какой может сон на стуже!

18-го декабря. Воскресенье. Всё одно и то же: ночью секреты и наблюдатели. Ночью на заставе ходили поверху, изредка койкого убьёт или ранит.

19-го декабря. Понедельник. Погода маленько установилась, ночью подстыло, в окопе стало сухо.

20-го декабря. Вторник. Днём стояли на заставе, а ночью нас сменила 7-я рота, а мы перешли в передовую линию, где стояла 8-я рота. Тут тоже ни козырьков, ничего не было, находились под открытым небом. Только пришли, опять пошёл снег.

21-го декабря. Среда. Погода опять стала тёплой. Ночью пошёл дождь, и опять стало в окопах столько воды и грязи, что невозможно никак пройти.

22-го декабря. Четверг. Погода все была сырая. Днём уходили на отдых во вторую линию. Там были блиндажи, хотя очень плохие.

23-го декабря. Пятница. Погода стала поясней, и стало стынуть по ночам. Выставляли тоже секреты и наблюдателей и работали.

24-го декабря. Суббота. Подкинуло маленько снегу и подстыло. Ночь была очень ясная. Наша 7-я рота зажгли на заставе ёлку, и всю ночь везде только и слышались песни и крики. Ни наши, ни немцы, никто не стреляли. Мы ходили все по верху окопов, кричали немцу: «Иди к нам! Дадим хлеба и колбасы!». А они кричали нам: «Иди, Рус! Дадим водки!». Но никто не сходились друг с дружкой. Ночь была очень интересная, она теперь всю жизнь не выйдет из памяти.

25-го декабря. Воскресенье. День Рождества прошёл благополучно, стрельбы не было. Но только что было страшно почему-то тоскливо.

26-го декабря. Понедельник. Погода стала опять теплей. В окопе грязь, всё время приходилось выкидывать её вон.

27-го декабря. Вторник. Стало опять стынуть, в окопе стало сухо. Ночи очень светлыя. Работы стало меньше, и в окопе под козырьком разрешили разводить огни, потому что стало очень сильно морозить.

28-го декабря. Среда. Погода была морозная. Ночью обметали с окопа напорошившийся снег и выбрасывали вон.

29-го декабря. Четверг. День весь спало наше отделенье, а ночью нас сменила из окопов 1-я рота, а мы ушли в Батальонный резерв и поместились в блиндажах, хотя не очень важных. Пришли часу в первом и до утра уснули.

30-го декабря. Пятница. До обеда спали, а после обеда выгнали на работу – плести плетни для окопов. А ночью их таскали на

передовую линию и ставили, чтобы не обваливались окопы. Погода стала сырая, и стало очень грязно.

31-го декабря. Суббота. Днём работали те же плетни, но а ночью не ходили на работу по случаю Нового Года. Ночью всё шел дождь, снег растаял, стала страшная грязь. Ночью темнеет, потому что месяц выходил уже после полуночи. С вечера спали, а с часу наш взвод был дежурный, и спать не давали, сидели одевшись.

1917-й год
Январь 1917 г.

1-е января. Воскресенье. До обеда спали. Потом встали и согрели чайку, и попили с хлебцем, для Нового Года. И стали делать, кому что нужно: кто пишет письмо, кто чего-нибудь зашивает, а кто сидит, машет головой и ищет вшей. Очень интересная картина, кто бы посмотрел со стороны в блиндаже на эту чудесную картину! Ночью ходили на работу, копали ход сообщения. Ночь была морозная.

2-е января. Понедельник. С утра пошёл дождь, и стала страшная грязь. Днём чистили окопы, а ночью наш взвод дежурил, всю ночь не спали, были одевшись.

3-го января. Вторник. Днём шел дождь, и ночью наш взвод ходил на работу, а я стоял дневальным.

4-го января. Среда. С утра стало морозить. Весь день работали, а в 7 часов вечера пришёл на наше место 4-й полк, и мы ушли. Часов в 9 вечера пришли на новое место, верст 10 отошли. Пришли в колонию Шклин и поместились в блиндажах.

5-го января. Четверг. Утром спали долго. Вставши, вскипятили чаю, и я купил булок. Попили очень хорошо чайку. Занятья не было.

6-го января. Пятница. Занятья не было.

7-го января. Суббота. Занятья не было. Погода стояла страшная, ветряная, холодная, и переметало снег.

8-го января. Воскресенье. Занятья не было. Очень было морозно.

9-го января. Понедельник. Занятья не было. Ходили в штаб полка. Командир полка опрашивал: «Кто имеет претензии, то заявите».

10-го января. Вторник. Занятья не было. Опять ходили в штаб полка. Приезжал для опроса претензий командир дивизии, Генерал-лейтенант Дельсаль.

11-го января. Среда. До обеда ходили на строевое занятье, а после обеда – словесность.

12-го января. Четверг. До обеда было строевое занятье. Погода очень холодная. За это время, до 25-го января, время шло по порядку: до обеда каждый день строевое, а после обеда – словесность.

25-го января. Среда. Была разбивка команды, и кто пришёл после из роты, в Штаб команды не попали.

26-го января. Четверг. Делали разбивку команды. Всю командир разбил по ротам. Нас назначили в свою седьмую роту. Днём была словесность.

27-го января. Пятница. Днём была словесность. Погода была страшно холодная.

28-го января. Суббота. Днём занятья не было, часов в пять дня ушли из блиндажей в окопы. Была страшная метель. Идти до позиции пришлось больше 10 вёрст. Шли порядочно по фронту вправо, идти было страшно худо, вязли по колено в снегу. Старики ратники много падали. Сердце сжимается от боли, когда на них посмотришь. Часов в [*неразб.*] пришли в окопы, сменили 1-й полк. Окопы были очень близко от немцев, местами до 60 шагов, можно докидывать минами. Мы, разведчики, 7 человек, которых назначили в роту, поместились в одном блиндаже и ничего не делали. В секрет не ходили и на работу тоже.

29 января. Воскресенье. Весь день и ночь помещались в блиндаже.

30 января. Понедельник. День и ночь прошли, как 29-го.

31-го января. Вторник. Днём приготовлялись в разведку. В 6 часов вечера мы, все разведчики, собрались в 5-ю роту. Нас всего собралось более пятидесяти человек и полчаса 9-го пошли в разведку. Задача была такая: во что бы ни стало, но чтобы достать живого или мёртвого немца. Вышли все из первой линии за своё проволочное заграждение. Ночь была сильно морозная, снег под ногами хрустел. Поползли лощиной к немецкому заграждению. Не доползли так шагов 10-и, немцы нас заметили, но сначала не стреляли. Один кричит: «Рус!». Потом опять кричит: «Пане!». Потом чего-то залепечут по-своему. Тут один кричит: «Берегись!» И начали стрелять из бомбомёта и из винтовок, и начали бросать ракеты. Потом бросили красную ракету – знак, что замечены русские. Мы видим, что придётся плохо, и стали один по од-

ному отступать к своим окопам. Когда пришли обратно, вместо того, чтобы поблагодарить за разведку, нас поставили на мороз под винтовку. Не подумают, что у всех ноги деревяшки и сами все перезябли. Вот у нас и иди в разведку! Вместо награды получишь по морде или же заслужишь под ружьё.

Февраль 1917 года

1-го февраля день отдыхали. Ночью нас сменил первый батальон, и мы ушли в батальонный резерв с первой позиции. И мы там помещались в блиндажах. Занятья не было.

2-го февраля. Тоже занятья не было.

3-го февраля. Занятья не было. Ходили хоронить убитых трёх стрелков нашей роты. Их похоронили <на каком-то нерусском месте – *неразб.*>. Много похоронено наших братьев из разных полков. Русские, да похоронили их на чужой стороне. Но дома не знают его родные – жена и дети, что его хоронят убитого.

4-го февраля. Суббота. Занятья никакого не было. <Всем отрядом стояли в разоренном селе – *неразб.*>. Осталось только несколько хат и маленькая неправославная церковь, а остальная постройка вся сожжена.

5-го февраля. Воскресенье. Занятья не было, день отдыхали. Вечером ушли на первую линию и сменили 3-й батальон. Позиция была очень близко, не больше 60-ти шагов к немецким окопам.

6-го февраля. Понедельник. Мы, разведчики, ничего не делали ни в секрете, никуда не ходили.

7-го февраля Вторник. Также ничего не делали. Сидели в блиндажах в первой линии.

8-го февраля. Среда. День спали и ничего не делали.

9-го Февраля. Четверг. День спали, а вечером нас сменил с первой линии 2-й полк, а мы ушли в резерв.

10 февраля. Позиции ночь <*неразб.*>.

Памятная книжка Хабарова Н.Д. 1917 года.

Книжка № 4. Новая книжка

[*начинается со страницы 33, предыдущие страницы вырваны*]

На память о службе. С 1917 года, апреля 11 дня.

Апреля 11, вторник. Сегодня в 9 часов утра Команду построили, и пошли в колонию Шклин. Там был собравшись весь полк, был отслужен молебен, и кто ещё не принимал присягу новому Правительству, те сегодня принимали её. И потом выдавали кресты за бои в июле на Стоходе и сентябре и октябре в Квадратном лесу. День был туманный и пасмурный.

Апрель 12. Среда. С 9 часов было занятье. Занятье было очень мало и слабое, не то что было раньше. Это прямо не занятье, а, можно сказать, прогулка. Погода была холодная и ветреная. После обеда занятья не было.

Апрель 13. Четверг. С утра было очень холодно. Ночью напорошило немного снегу. После обеда я ушёл Квартиръером в резерв, где стоял раньше наш штаб полка во время наших стоянок на позиции. И к вечеру пришла туда вся команда, и мы разместились в блиндажах позади третьего батальона. Блиндажи – нельзя сказать, чтобы очень плохия. Вода близко, чай пить – только не поленись, столько и пей.

Апреля 14. Пятница. Спали часов до 9-и утра. Потом попили чаю и весь день ничего не делали. Занятье производить нельзя, потому что рядом позиция. Погода ясная, но дул холодный ветер.

Апреля 15. Суббота. Уснули сегодня с 14 на 15 уже утром, потому что всю ночь немцы стреляли из тяжёлой, и снаряды рвались неподалеку. И потому никто не спал, а все были наготове. И вдобавок ещё все ожидали наступления немцев, и всю ночь наши подвозили снаряды к Батареям и патроны. Потом, утром, пошёл дождь и шёл часов до 12-ти. И мы до этого время все спали.

Апреля 16. Воскресенье. Спали утром долго. И потом с полдня обстрелял нас немец из орудий, и снаряды падали рядом вокруг наших блиндажей. Но, слава Богу, никого не убило и не ранило. Погода стояла холодная и очень ветряно. Шёл дождь со снегом.

Апреля 17. Понедельник. Спали до обеда. Пообедали и попили чаю и больше ничего не делали. Погода холодная и пасмурная. Перестрелка артиллерийская и ружейная.

Апреля 18. Вторник. Спали, как и всегда, долго. День был очень ясный и тёплый. Летало много Эропланов, и по ним стреляли наши батареи. Вечером сегодня был собран весь полк по случаю того, что приехали на позицию к нам члены Временнаго Правительства: Маслеников [*Масленников Александр Михайлович – русский общественный деятель и политик, член Государственной думы, комиссар Временного правительства – прим.ред.*] и

Шмакин. Они говорили речи, и все солдаты были тронуты и кричали: «Ура!», за новое Правительство и за тех, кто сейчас защищает Отечество от проклятого немца. Членов от места собрания до автомобиля донесли солдаты на руках и проводили с громкими криками «Ура!». И все солдаты были тронуты словами и вместе успокоены.

Апреля 19. Среда. Спали, как и всегда, долго, и я, вставши в десятом часу, ходил в Полковую канцелярию. День был очень ясный, и когда я шёл обратно, пролетал немецкий Эроплан, и его наши батареи здорово обстреляли – только осколки со свистом сыпались везде кругом. День был очень ясный, но не совсем тёплый.

Апреля 20. Четверг. Днём выбирали новых депутатов в Полковой Комитет. И выбрали младшего унтер-офицера Корчагина. А до него был стр. Жиляев. Вечером сегодня в 9 часов ушли из резервных блиндажей при третьем батальоне ближе к самой позиции и встали при резервных двух ротах в блиндаже на левом фланге нашего полка, который занимал наш полк при бывшем селе Терешковец. Ночь первую почти всю не спали. Блиндаж для нас был назначен очень хороший, свободный. До нас в нём помещались 23 человека разведчиков, а нас поместилось только 17.

Апрель 21. Пятница. Пробудились очень поздно. Утро было холодное, погода ясная, но дул очень холодный ветер. Стояли мы при 5-й и 6-й ротах, довольствовались при 5-й роте. По воду ходили побольше за полверсты, а ночью часто ходили за передовую линию, в то самое место, где было село Терешковец.

Апрель 22. Суббота. Утром не слыхали, когда приезжала кухня, и так остались без обеда. День сегодня был очень ясный и тёплый, настоящий вешний. Мяса не было, получили колбасу, а суп был без мяса. Сегодня выдали нам летние шаровары. Вечером слышна была страшная канонада, правей нас <120 фронту – *неразб.*>.

Апрель 23. Воскресенье. Обед сегодня привезли в полдень, и утром нас не тревожили, спать время хватало. День был не очень ясный, но тёплый. Вечером пошёл большой дождь. К нам в блиндаж натекло много воды, и ночью было очень холодно. Всю ночь стреляла наша одна батарея, что-нибудь замечали у немца.

Апрель 24. Понедельник. День был ясный. Летало много Эропланов, и всё время слышалась артиллерийская перестрелка. Вечером я со Сморчком ходили на позицию по воду, к месту близкому от села Терешковец. И только что мы когда подошли к

месту, тут ранило ратника 3-й роты. Пуля попала в правую щёку и вышла около уха в левой. И он ещё мог говорить. Не знаю, он перенесёт или нет. Ночь была ясная, с самого вечера и до утра был месяц. На позиции перестрелка.

Апреля 25. Вторник. День был очень ясный и тёплый. Утром летали немецкие Эропланы, по ним здорово стреляли наши батареи. Вечером я с Грудницким и Тарковским ходили на речку по воду. Было ещё светло, но немец по нам не стрелял. Но только что мы пришли обратно и стали греть чай, вдруг на участках Литовского и Петроградского полков начали кидать красныя ракеты. И пошла страшная пулемётная трескотня. Потом через несколько минут наши батареи начали залпами бить по немецким окопам. Только и слышен страшный треск и вспышки пламя от выстрелов и от разрывов. Вечером мы не могли узнать, по случаю чего началась такая СТРЕЛЬБА. Потом ночью всё затихло.

Апреля 26. Среда. Погода была очень ясная, и за все сутки ничего не произошло.

Апреля 27. Четверг. Погода была очень хорошая, ясно и весь день солнце. Особенного ничего не происходило. Изредка перестрелка на фронтах.

Апреля 28. Пятница. Погода очень хорошая. Вечером сегодня я с Шустой и Фёдоровым ходили на позицию по воду. И сегодня с вечера до полуночи немец стрелял из тяжелой артиллерии. Выпустил больше сотни тяжёлых снарядов по дальним резервам и тяжелым нашим батареям около деревни Софеевки.

Апреля 29. Суббота. Погода очень хорошая, весь день солнце. Вечером началась сильная артиллерийская перестрелка. Продолжалась около часу, потом к ночи умолкла. Стреляли все большие тяжелые дальнобойные орудия. Немецкие снаряды рвались за Софеевкой, но а выстрелов ихних не слыхать.

Апреля 30. Воскресенье. Погода очень хорошая, но только дул не очень тёплый восточный ветер. Вечером ждали пополнения из маршевой, но не пришло почему-то. Ночью артиллерийская перестрелка.

Май 1917 года

Мая 1. Понедельник. Погода очень ясная. К вечеру пришло к нам пополнение. В нашу команду тоже пришло пополнение, к нам в взвод дали 11 человек, и спать было очень тесно в одном блиндаже.

Мая 2. Вторник. День очень ясный. Я ходил сегодня в 12 роту, тут встретил Серегу Смирнова (ермаковского). Он приехал на позицию с этой маршевой, и с ним сходили к П. Гусеву. Он был на заставе.

Мая 3. Среда. День сегодня был уже, можно сказать, жаркий. Тихо, ясно светило солнце. Я с Грудницким ходили по воду на речку за переднюю линию. Там вымыли полотенца и платки. Сегодня днём те, которые только что прибыли к нам, бросали ручная бомбы, и у одного бомба разорвалась в руке. Ему оторвало кисть правой руки и нанесло ещё страшно много ран. И ещё ранило кроме него 8 человек, в том числе ранило Пр. Ломакова в грудь. Потом я к вечеру сегодня ходил в Кексгольмский полк и там разыскал М. Топникова и В. Рослякова. Михаил Топников в 3-й роте, а В. Росляков – в 4-й роте. И они, обе роты, стояли на первой линии, и тут я их встретил первый раз почти в два года.

Мая 4. Четверг. День был не ясный, пасмурный. Особенного ничего не было.

Мая 5. Пятница. День сегодня с самого утра очень ясный, даже было очень жарко. Сегодня ожидали, что нас сменит 4-й полк, но сегодня нас не сменили, по случаю того, что у них пришли маршевые роты, и делали они сегодня разбивку.

Мая 6. Суббота. День был очень теплый, и сегодня нас сменил 4-й полк. Наша команда ушли с позиции часов в 6 вечера, и уже темно пришли в колонию Шклин, и поместились, вся команда, в одном блиндаже, шагах в нескольких стах от Шклина. Ночью грели чай и спать легли уже под утром.

Мая 7. Воскресенье. Встали очень поздно, часов в 12. Потом пообедали и попили чаю на воле. Погода очень хорошая, даже очень жарко.

Мая 8. Понедельник. День был жаркий, после обеда пошли облачная и был дождь с громом. По тревоге одевались, как требовал начальник дивизии. Из-за этого вышло много беспорядков.

Мая 9. Вторник, Николая Чудотворца. Погода после дождя очень переменилась, сделалось очень ветрено и холодно. Особенного ничего не было.

Мая 10. Среда. День был опять очень тёплый. Ко мне приходил Ал.Ершов с С.Смирновым, и мы с ними гуляли до самого вечера. Ходили в Шклин и были во втором батальоне. Видели много знакомых и товарищей.

Мая 11. Четверг. Вознесенье Господне. День был очень тёплый, даже очень жаркий. Особенного ничего не произошло. Мы ходили в поле гулять. Очень красиво.

Мая 12. Пятница. День был очень жаркий. Я ходил на заседание полкового комитета, и сегодня был митинг. На том и другом обсуждалось об окончании войны. И большая часть речей слышалась, что мир должен без аннексий и контрибуций. Сегодня ночью в команде пропали у стр. Зуба сапоги, и их на другой день нашли неподалеку убранные, но вора выяснить не удалось.

Мая 13. Суббота. День был очень жаркий. Я сегодня писал начальнику комитета Докладную записку о выдаче пособий дома моим родителям. Начальник написал рапорт, и я его носил сам в Полковую канцелярию. Ночью я сегодня стоял дневальным с 12 до трёх утра.

Мая 14. Воскресенье. Утром было очень жарко, а с полдня пошли облака, и был дождь с громом. Потом опять к вечеру стало очень жарко. Особенного не произошло.

Мая 15. Понедельник. Утром ходил я в околоток, и меня признали больным цингой. И фельдшер просил меня до завтра побыть в команде, по случаю того, что очень много больных и нет местов. И я согласился ещё до завтра побыть в команде. День был очень жаркий. Особенного ничего не было.

Мая 16. Вторник. Утром я ходил в околоток, и меня назначили в госпиталь. Я ходил в команду, сдал казённая вещи и пошёл опять в полковой лазарет. Нас часа в три дня посадили на линейки и отправили на Дивизионный передовой перевязочный отряд. Мы сидели в палатке, ожидая автомобилей из Дивизионного лазарета. Хотелось страшно выпить кружку молока, но никак невозможно было достать. Я спрашивал в нескольких хатах, и ни в одной нет. Потом, часу в 5-м, приехал автомобиль из Дивизионного лазарета, и мы по 10 человек в одном уехали в Дивизионный лазарет. Там поместились в общей палатке. Очень было хорошо: каждому матрас, подушка и одеяло. Бельё дали чистое, вещи все отобрали, оставили в одном нижнем белье. Пили два раза чай, ужинали и ночь проспали очень спокойно и хорошо.

Мая 17. Среда. Утром спали часов до 8. Потом попили чаю, и был осмотр. Осматривал врач, и меня назначил ехать лечиться дальше. Потом пообедали и попили чаю, и за нами пришёл автомобиль. И мы часов в 12 отправились на распределительный пункт. Приехали в деревню Черухово и там ожидали отправки дальше. Погода стояла невыносимо жаркая. Сегодня нас почему-то не от-

правили, пришлось ночь переночевать. Здесь больных собралось больше сотни человек.

Мая 18. Четверг. Утром напились чаю, пообедали в Чарухове, потом, часу в одиннадцатом, всем сбираться к отправке. Пошли на узкоколейку и сели в вагоны и поехали в Луцк. В Луцк прибыли часа в 2 дня. Там напоили чаем, поужинали и потом разместили по госпиталям. Я попал в 380-й Подвижной Полевой госпиталь, 1-я палата. Вещи все отобрали, бельё нижнее сменили. В городе оживленная работа, то и дело приходят и уходят поезда с фронта и изнутри России с разным грузом. С позиции больше идут с больными.

Мая 19. Пятница. Утром встали часу в восьмом, напоили чаем. К чаю дали по ¼ фунта чёрного хлеба и по 4 куска сахару. В полдень был обед. Кто с цингой, давали ещё особое блюдо, вроде деревенского толокна. Потом сестра наливала по полкружки пива, и давали полоскания во рту. Ждали отправки, и один эшелон отправили до Ровны, но я остался.

Мая 20. Суббота. Утром спали долго, как встал я – уже готов чай. Чай давали в больших кружках. Полкружки выпьешь – и достаточно. Сахару давали по 4 куска, хватит напиться. Пообедали, и потом стали выдавать вещи и пошли садиться в поезд. Начали грузиться с полдня, больные в поезд, и грузились часов до 8 вечера. Кто мог – шли так, а которых возили на автомобилях и тяжелобольных несли на носилках. Эшелон большой, много больше полсотни вагонов. В каждом вагоне размещено по 20 человек. И каждому – матрас и подушка. А с больными с фронта приходит эшелон за эшелоном, не успевают разбираться. И все хромают, чуть ли не у каждого цинга. Поезд отошёл из Луцка в 11 часов. Потом в полночь пришёл на станцию Киверцы и с час стоял, сменялась бригада эшелона.

Мая 21. Воскресенье. День Троицы. Утром приехали в Ровну. Стояли долго. Пили чай и обедали. Потом к вечеру прибыли на станцию Шепетовку, пообедали и напились чаю. Тут стояли 4 эшелона больных. Отдыхали вечером, ночь всю спали, ничего я не видел.

Мая 22. Понедельник. День Святого Духа. Утром спали долго. Проснулись на станции <*неразб.*> и напились чаю. К вечеру приехали на станцию к Киеву, и потом от Киева отвезли в лес, вёрст 10 влево. Говорили, тут какой-то Екатерининский лазарет. Тут товарищи из лазарета раздали по вагонам письма, чтобы не слезали здесь, потому что здесь очень плохо. Так и вышло, что

никто не стали выходить. Эшелон остался на месте, и ночь ночевали в вагонах, кругом в лесу.

Мая 23. Вторник. Утром, вставши, опять начали уговаривать врачи, чтобы все остались. Но больные не соглашались и потом уже постановили, что оставайтесь, кто желает. А кто не желает, то увезут дальше. Нашлось, что здесь осталось 75 человек, а больше 700 не остались и не вышли из вагонов. Потом наш эшелон продержали до вечера, и за день ещё вышло человек около ста. Но а остальные никто больше не пошли. И нас к вечеру отвезли в город Киев. Из вагонов выгрузили, но не разместили по палатам, и ночь ночевали тут, при вокзале, в 27 палат. Ноги страшно болели, пройти несколько шагов, и то уже требуются страшные усилия.

Мая 24. Среда. Утром разбудили пить чай. Потом, попивши чаю, нас посадили в трамвай и везли вёрст двенадцать по Киеву. Всё ехали по улицам: то поднимались в гору, то спускались, так что город Киев расположен на очень высоких холмах. Много в городе деревьев, почему сейчас, весной, кажется очень красиво. Мы в часу одиннадцатом приехали в лазарет №1, Киевский госпиталь Юго-Западного Областного Зем. Комитета. Как прибыли, нас переписали, и пошли в баню. Помылись очень хорошо. Пришли в госпиталь, и был обед. Обед очень хороший: суп, каша и сладкое блюдо из сушёных фруктов. Каша и сладкое блюдо – которое-нибудь одно. После обеда – чай. Вечером – ужин, один только суп. Ночь спалось очень спокойно, хотя ногам и больно.

Мая 25. Четверг. Утром я пробудился рано. Сходил помылся, потом пили чай. К чаю давали по ломтику хлеба и по 3 куска сахару. А сахару на все сутки дают 6 кусков. Потом обед, после обеда чай и потом ужин, как и полагается по порядку. Погода ясная, с ветром. Ночью снились какие-то тревожные сны, вероятно, от малого употребления пищи.

Май 26. Пятница. Утром пробудился рано, почему-то не спится. Всё шло своим чередом: обед и чай своевременно. У меня сегодня температура поднявши высокая, и сестра доложила доктору, и меня доктор осматривал, всё слушал трубкой и прописал какие-то лекарства. Давали какие-то порошки. Ночью снилось много снов, видел во сне австрийцев и немецкие Эропланы.

Мая 27. Суббота. Утром, как и всегда, встал рано, и всё шло своим чередом. Я сегодня получал слабую пищу: котлету, хлеб белой. Сегодня из нашего госпиталя партия больных эвакуировалась на Москву, и сразу на место её прибыла партия со станции Шепетовки. Там лежали в госпитале тоже. Сегодня с утра был

дождь, но с полден солнце. Ночью сны снятся почему-то очень тревожные. Наверно потому, что совсем мало употребляем пищи.

Мая 28. Воскресенье. Весь день прошёл, как и первые дни. Всё исполнялось своевременно. Дождя не было. Вечером во дворе был устроен театр. На сцены выходили санитары и сестры. Один фокусник показывал фокусы. Ночь спалось почему-то очень тревожно.

Мая 29. Понедельник. Утром было очень ясно. И после чаю из нашего лазарета многих отправили в команду выздоравливающих, которые Киевского округа. Потом нам объяснили, что завтра, 30-го, нас эвакуируют дальше. После обеда у нас была делегация от Черноморского флота. Все больные выходили во двор, но я, к сожалению, не смог выйти и послушать их речей.

Мая 30. Вторник. Сегодня утром только что попили чаю, и выдали нам вещи, и всех из госпиталя отправили на трамваи. Но трамваев пришлось долго ждать на улице. Потом на трамвае прибыли на распределительный пункт, на тот самый вокзал, на который прибыли из Луцка. А там народу уже было натуго. Ещё не отправлены были те, которые прибыли из Киевских лазаретов. И сегодня отправки не было. Говорили, что произошло крушение на железной дороге. Так все и остались на ночь. Места не было не только что на койках, но большая часть спала ночью под открытым небом на песке и на камнях. Да, подумаешь, больным – и приходится спать на дороге, на камнях.

Мая 31. Среда. Утром сегодня в эшелон нагрузили больных, и он пойдет на Харьков. Но с самого утра, часов с двух, этот поезд стоял, почему-то не отходил. И он отошёл в третьем часу. А мы остались ждать, когда за нами придёт эшелон. Потом, с полдня, прибыли ещё два эшелона, и в один из них попал и я добавочным, но с большим трудом. Потом всю ночь стояли, не трогаясь. Я поместился в вагоне.

Июнь 1917 года

Июня 1. Четверг. Утром я пробудился, слышу – поезд помаленьку двигается. И нас с места погрузки перевезли на другие пути, и так опять стояли часов до 12 дня. Потом тронулись на Курск. От Киева до Курска около шестисот вёрст. Обедали и чай пили в вагоне, приходилось на ходу. Очень на ходу неудобно, всё расплескивается от качания. Много раз стояли на станциях, но узнать было трудно, потому что я помещался вверху на тре-

тьих нарах, и слезти всегда, узнать, было невозможно, а спрашивать неловко.

Июнь 2. Пятница. Утром я пробудился часов в 6 утра, и поезд стоял на станции, но я надписи не мог разобрать. Но хорошо знаю, что Черниговская губерния. Потом часу в восьмом тронулись и поехали дальше. И обедали уже в Курской губернии, на какой-то станции. Ночью слышно было, что ехали. Потом остановились в Курске.

Июня 3. Суббота. Утром я пробудился, и мы стоим на станции Курск. Потом нас отправили в госпиталь, 74-й Сводный эвакуационный госпиталь. Прибыли в госпиталь часов в одиннадцать. Ждали осмотра, и я поместился в первой палате. Сахару в этом госпитале давали только по три кусочка на день, так что хватало с одним чаем. Сегодня у нас в госпитале служили вечерню священник и несколько монашек. Потом, как стемнело, был устроен Кинематограф. Показывал врач картины в нашем первом отделении, и показывали до 12 часов ночи. Картины показывали: «Горе матери о смерти ребёнка», «Два денщика» и много других.

Июня 4. Воскресенье. Утром, только что попили чаю, пришёл священник и монашки, и была отслужена обедня. Вечером я не вытерпел и кой-как с костылем вышел на улицу и посидел на лесенке. Очень много народу идёт и идёт. Наш госпиталь – самый угловой, так что проходят две улицы. По одной ходит трамвай, и очень много ходит гуляющей публики.

Июня 5. Понедельник, Всё шло своим порядком, особенного ничего не происходило. Время стояло страшно жаркое.

Июня 6. Вторник. То же, что и вчера. Ничего особенного не было, всё шло своим порядком.

Июня 7. Среда. Особенного ничего не было. Порядок довольствия такой. Утром в 9 часов – чай. К чаю: 1 кусок сахару, полфунта белого хлеба. Обед: суп и каша и кисель, но того и другого очень помалу. К обеду ½ фунта чёрного хлеба <*неразб.*>. К чаю – 2 куска сахару и больше ничего. Ужин: суп и ½ фунта чёрного хлеба.

Июня 8. Четверг. Особенного ничего не произошло, только ночью один больной припадочный сильно напугал. Его ночью взяла своя болезнь, и он упал с койки, и начало его трясти. Товарищ, который спал с ним рядом, вскочил с испугу – и прямо на мою койку. Я пробудился и не могу на что бы подумать. Страшно тоже перепугался, но потом всё прошло благополучно.

Июня 9. Пятница. Утром фельдшер сказал, что сегодня будет эвакуация. Попили чаю, пообедали, и нас отправили на вокзал.

Потом, в семь часов вечера, погрузились в эшелон, который поедет сначала на Воронеж, а дальше пойдет до Царицына. Ночью спалось очень крепко, только точно сквозь сон слышно, что едем и едем.

Июня 10. Суббота. Утром разбудили пить на одной из станций Курской губернии. Попили чаю, и потом я опять долго спал. Потом обедали уже на станции Воронежской губернии. Вечером прибыли в город Воронеж. Кто воронежский – ссадили, а нас повезли дальше, на восток.

Июня 11. Воскресенье. Утром ехали много места лесом. Лес – дуб, сосна есть, точно бы похожа на нашу осину. Поля страшно большие и ровные, земля чёрная. Постройки, против нашего, очень редки и очень плохие. Как у нас в острову у эстонцев и ещё того хуже: в столбы забрано тёсом и замазаны глиной. Часов в 11 приехали на станцию Грязи. Очень большая станция. Очень большой и хороший вокзал, страшно много народу, и везде на станциях народу много, потому что воскресенье.

Июня 12. Понедельник. Утром я пробудился, услышал страшный плач женщин. Это было на одной какой-то большой станции. Кого-то, верно, провожали на позицию. Потом, когда пошёл поезд, я опять уснул. День весь ехали Донской областью, казацкими станицами. Место мне страшно не понравилось: всё решительно чисто, нигде ни одного деревца, и постройки совсем редко видно. Не знаю, где люди живут, хлеба, ржи совсем не видать. Сегодня уже много их видел. Сено косят машины и косари, и сено есть уже в стогах.

Июня 13. Вторник. Утром я пробудился в Царицыне. Поезд стоял на станции. Напились тут чаю, и потом почему-то в Царицыне нас не приняли. И нам опять обед сготовили в поезде и второй чай. Потом часа в три нас повезли вниз по Волге в Сарепту. Но на половину пути остановился поезд, и нас высадили в Земский госпиталь в селе Отрада. Я сначала сажень двести шагал, но потом стал находить обморок, и я сел на крылечко в деревне. И потом уже меня отвезли на лошади в госпиталь. Привезли уже совсем темно, и спать пришлось на полу на соломе, потому что госпиталь помещался в школе, и коек всем не хватило.

Июня 14. Среда. Утром спали очень долго, и потом разбудили пить чай. Чай пили с песком и молоком, хлеба сколько хочешь. Обед очень хороший. После обеда я ходил в баню в деревню. Хозяева сами топили баню, носили воду и звали больных мыться. И я очень хорошо помылся. Баня маленькая, больше трёх человек мыться не поместится.

15 июня. Четверг. Утром после чаю пришёл врач и осматривал всех больных. Кого писал на месяц в отпуск, кого на комиссию. Но а меня никуда не записал, говорит, надо полечиться. Сегодня поставили еще 8 коек и меня с полу положили на койку. По вечерам, в семь, собираются ребята и девки. Играют гармоньи и поют песни до самой полуночи.

Июня 16. Пятница. Особенного ничего не произошло. Чай, обед и ужин – всё в свое время. Погода страшно жаркая.

Июня 17. Суббота. Особенного ничего не было.

Июня 18. Воскресенье. Утром была обедня в церкви, и потом служили молебен на улице у колодца, рядом с лазаретом. Народу очень было много. Потом днём приходили к нам в лазарет деревенские ребята и играли на балалайках и на гитарах. А ночью всю ночь в деревне было гуляние, и пели песни.

Июня 19. Понедельник. Утром, напившись чаю, кто в отпуск, то все уехали на станцию и потом домой.

Июня 20. Вторник. Утром в 6 часов, кто назначен на комиссию, напились чаю и уехали в Царицын. А часа в 4 дня приехали обратно, и на комиссии всем дали домой на поправку кому 2 месяца, кому 3. Меньше двух никому нет. Погода, как прибыли, всё жары и жары.

Июня 21. Среда. Утром сегодня погода переменилась, стало пасмурно, похолодней, но дождя нет.

Июня 22. Четверг. Сегодня было собрание в лазарете, из каждой палаты по депутату. Был доктор, сёстры. Обсуждали некоторые вопросы.

Июнь 23. Пятница. Особенного ничего не было. Всё было – обед, чай и ужин – своевременно.

Июнь 24. Суббота. Сегодня дали чистое бельё и в деревне истопили две бани. И все больные перемылись. Баня – лучше быть нельзя.

Июнь 25. Воскресенье. Днём ничего особенного не было, а вечером приходил врач, осматривал больных и назначил, кого на комиссию к 4 июля. Меня тоже, говорит, что приставлю к 4 июля.

Июня 26. Понедельник. Всё прошло благополучно.

Июня 27. Вторник. Всё благополучно, но всё время стоит страшная жара. Как прибыли, не было ни одного дождя.

Июня 28. Среда. Всё благополучно. Вечером некоторые больные ходили в церковь.

Июнь 29. Четверг. Сегодня – Петра и Павла. Была утреня и обедня. В селе некоторые днём работали.

Июня 30. Пятница. Страшная жара <*неразб.*>, жаркий ветер.

Июля 1. Суббота. Ничего особенного не было. В баню не ходили. Сильная жара.

Июля 2. Воскресенье. Ничего особенного не было. Вечером ходили посидеть на брёвна в селе. Очень жарко.

Июля 3. Понедельник. Сегодня с самого утра пошёл дождик. Воздух совсем переменился. С полдня опять разнесло.

Июля 4. Вторник. Утром в 5 часов напились чаю и поехали в Царицын на комиссию. На комиссии мне дали 3 месяца домой на поправку. Потом приехали опять в Отраду в лазарет.

Июля 5. Среда. Сегодня время шло почему-то очень тихо. Ждали всё теперь отправки домой.

Июля 6. Четверг. Тоже было очень скучно. И ждёшь всё с каким нетерпением, что когда-то теперь поедем домой.

Июнь 7. Пятница. То же, что и вчерась.

Июля 8. Суббота. Сегодня в 6 часов уехали насовсем из Отрады в Царицын, к воинскому начальству. И там нам выдали кормовые деньги на дорогу, по 70 копеек, и все бумаги и билет на проезд. Мне проезд дали по Волге на 24 дня. Кормовых выдали 16 рублей 80 копеек. Но я пароходом не поехал, а сел на поезд, и в 2 часа 40 минут выехали из Царицына.

Июля 9. Воскресенье. Сегодня сделали в Грязях пересадку на Москву. На одной из станций стояли полсуток: унесло водой от грозы и шпалы, и дорогу.

Июля 10. Понедельник. Сегодня прибыли в Москву в час дня. Пришлось ждать поезда на Рыбинск.

Хлеба ни куска нигде не купить. Пришлось полторы сутки голодать в вокзале. Колбаса – 3 рубля 60 копеек фунт. Потом ночь спали на поезде на Рыбинск.

Июля 11. Вторник. В 9 часов утра прибыли в Рыбинск, и там на пристани встретил Михаила Семёновича (высоковскаго), Настасью Тичилову и Ваньку (измайловского), и с ними на пароходе ехали до устья Конгоры. Потом хоть очень с большим трудом, но дошёл с ними далее. Домой пришлось уже <*неразб.*>, очень все были обрадованы, не ожидали встретиться.

Конец записей

***

Записи закончены. Но у молодого солдата Николая Хабарова впереди была долгая жизнь, наполненная множеством событий. Вёл ли он дневники в другие периоды своей жизни, неизвестно. Но некоторое представление о нём как о взрослом состоявшемся человеке мы можем получить из воспоминаний его внучки Марии Зеленцовой.

Дедушку я помню хорошо, хотя и видела его в последний раз, когда мне было восемь лет. До этого мама каждое лето возила нас с сестрой в деревню Баркино, на свою родину. Там, в семье младшего сына Ивана, и жил наш дедушка.

Это был очень тихий и молчаливый человек. И мне за обеденным столом не разрешалось говорить, за болтовню можно было и ложкой по лбу получить. Вспоминается такой эпизод из жизни деда, рассказанный мамой. Она тогда была ещё девочкой. Как-то к бабушке пришла соседка, и они стали очень громко обсуждать все последние новости. Дедушка в это время сидел за столом и работал молча. Когда соседка ушла, дедушка сделал бабушке замечание: «Что же вы, Ульянушка, так громко говорили!» Бабушка ответила, что это соседка кричала, на что дед спокойно заметил: «Если б ты с ней говорила тише, то и она бы потише стала».

Несмотря на свои три класса церковно-приходской школы, он разбирался во многих вещах. Его сыновья, учась в старших классах, обращались к нему за помощью в решении сложных задач. И он не только их решал, но ещё и объяснял, почему так. Он часто ходил в лес со своей любимой собакой Дамкой. Примерно в это время он заболел раком, но сам вылечил себя с помощью трав. Да и мама его тоже считалась в деревне знахаркой.

Мой дед, Хабаров Николай Дмитриевич, родился 5 декабря 1891 года в деревне Баркино Пошехонского района Ярославской губернии. Его отец, Хабаров Дмитрий Артемьевич, грамотный крестьянин, служил бомбардиром Новгородской Крестьянской армии с 1884 по 1888 год. Медалей за службу у него не было. Мать Николая Хабарова звали Александрой Назаровной. В их семье был ещё один ребёнок, дочь Анна, на 6-7 лет младше моего деда. В дневнике он её упоминает как Нюшу.

В армии дед прослужил с 1915 по1917 год. После демобилизации он вернулся домой без единого зуба. Это было последствие цинги.

Через два года, в декабре 1919, он женился на Ульяне Александровне Евстегнеевой, которая была на четыре года моложе его. С 1921 по 1936 год в их семье родилось девять детей, выжили шестеро: две дочки и четыре сына. Три старших сына прошли всю Отечественную войну и вер-

нулись в родную деревню живыми, хотя и с ранениями. Только младшему не удалось поучаствовать в боевых действиях: пока он был в Московской учебной роте, война закончилась. Зато служить ему довелось шесть лет. Дедушка, да и старшие братья, возвращаясь с фронта, его навещали. Сам дед во Вторую войну не призывался, но служил в ополчении: рыл окопы, строил заграждения.

Все дети дедушки закончили Пошехонское педагогическое училище, учились на «хорошо» и «отлично», а старший сын Саша был круглым отличником. Их дочь Анна училась и при этом параллельно работала в колхозе, в сельской библиотеке. Вторая дочь – Лидия, моя мама, после училища уехала к старшему брату в Архангельск, закончила там пединститут и более 40 лет проработала в школе учителем русского языка и литературы.

В советское время дедушка работал в колхозе бухгалтером. Его посылали в Москву на ВДНХ, кажется, с его мастерством плетения из бересты. Там он купил самовар и когда вёз его домой, помял по дороге. А потом всё ругал советские дороги. Да и вообще, советскую власть он не любил. А вот об императоре Николае Втором всегда жалел и говорил, что на великие праздники император сам давал своим солдатам по золотому (хотя в дневниковых записях об этом не упоминалось). Как-то родные в огороде случайно откопали горшок с царскими золотыми. Единственной версией происхождения клада было то, что это дедушкины накопления. Вот так жили работящие крестьяне царской России...

В советское время семья деда долго жила в старом, маленьком, полусгнившем доме. А рядом стоял новый, но не «обряженный» дом. Время было непростое, поэтому новый дом боялись завершать и переезжать в него, ведь могли и «раскулачить».

Конечно, дедушка был православным человеком. Его крестили в местной сельской церкви в честь святого пророка Илии, который среди крестьян очень почитался. Церковь закрыли примерно в 36-37 году, и сейчас она стоит в заброшенном виде, постепенно разрушаясь. Престольный праздник, Ильин день, в деревне отмечали всегда, даже в советское время. Дедушка в советские годы внешне свою веру уже не проявлял. А вот его жена, моя бабушка, была верующей вполне открыто. Каждое утро, по рассказам моей мамы, она начинала с молитвы. В семье всегда отмечались все церковные праздники, причем бабушка их знала и без календаря. В праздники до обеда в доме никогда не работали. Думаю, именно бабушкиными молитвами все сыновья с войны вернулись живыми.

Икон в семье было много. Одной из них бабушка благословила мою маму, когда та уезжала в Архангельск. Эта икона сейчас находится у

меня: мама, как бы предчувствуя свою внезапную смерть, незадолго до этого отдала мне эту семейную ценность. По рассказам мамы, в их деревенском доме все иконы после смерти бабушки убрали.

Дедушка умер очень тихо и быстро, до самой смерти он был активен. И только в последнее утро, проснувшись, он уже не смог встать. Было ему без малого 90 лет. Дедушка покоится на родной земле, на кладбище как раз за той теперь разрушенной церковью, куда его когда-то принесли крестить.

Вот что мы узнали о Николае Хабарове – крестьянине, ставшем в опасное для страны время верным солдатом. Его дневник – свидетельство не столько самих исторических событий, сколько раскрытие образа простого русского человека, жившего в России до большевистского переворота. Это православный человек, преданный Родине – нравственный, целомудренный, смелый, честный, грамотный. Не таким нам виделся русский крестьянин из учебников истории. Дневник солдата Николая Дмитриевича Хабарова – ещё одно подтверждение тому, что история открывается не в учебниках, а через судьбы реальных людей. Поэтому нам так дороги их живые голоса, которые мы слышим, листая старые дневники, письма, воспоминания...

***



Солдаты Первой мировой. Справа – Николай Хабаров

2-ая РАСШИРЕННАЯ СЕССИЯ
ГУБЕРНСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА Р. К. и К. Д.
VII СОЗЫВА.

С ПРАВОМ РЕШАЮЩЕГО ГОЛОСА.
ДЕЛЕГАТСКИЙ БИЛЕТ № 149

Фамилия Хабаров

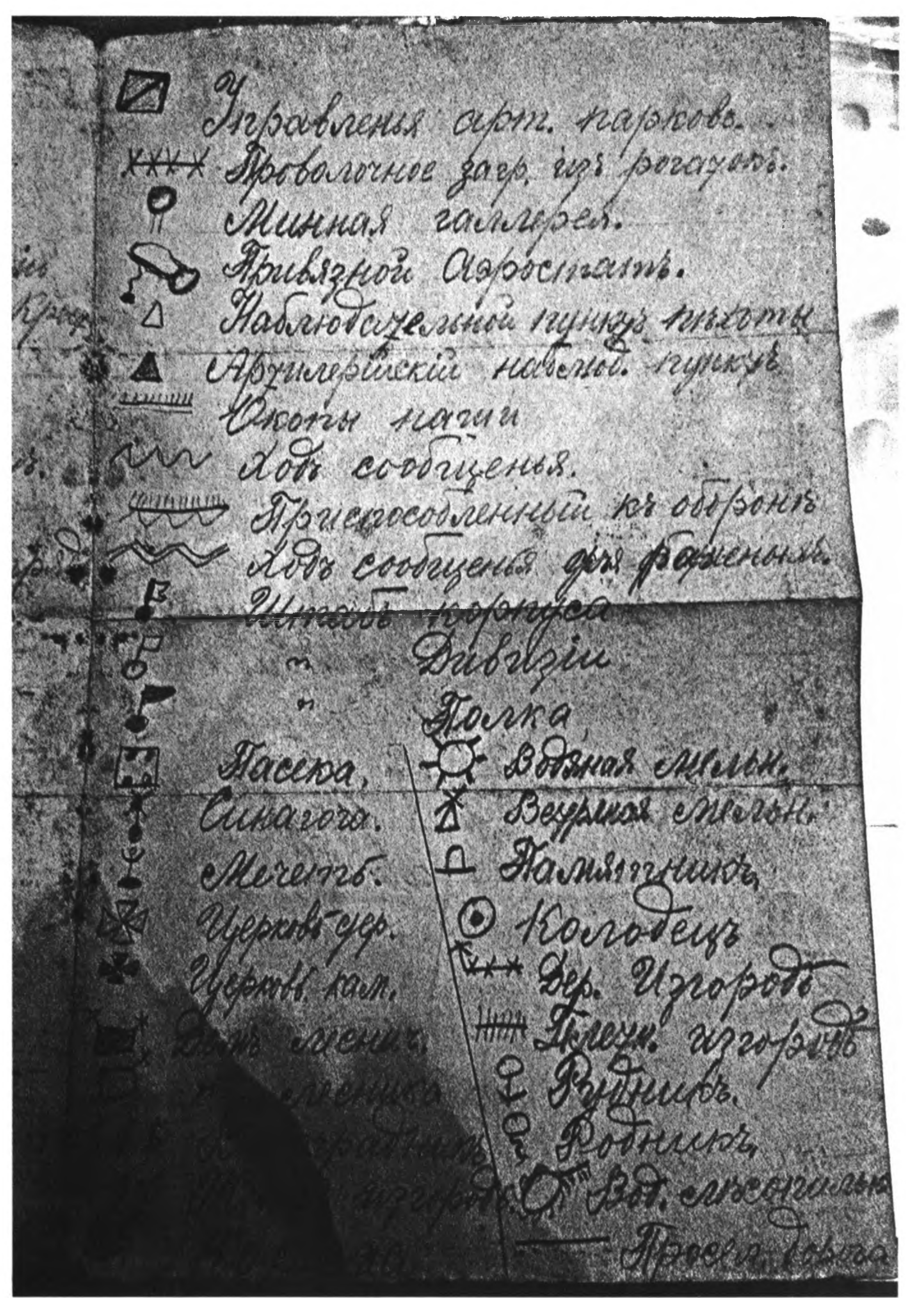
Имя, отчество Н. Ф.

(Организация)

Секр. Презид. ГИК-а

Делегатский билет Николая Хабарова

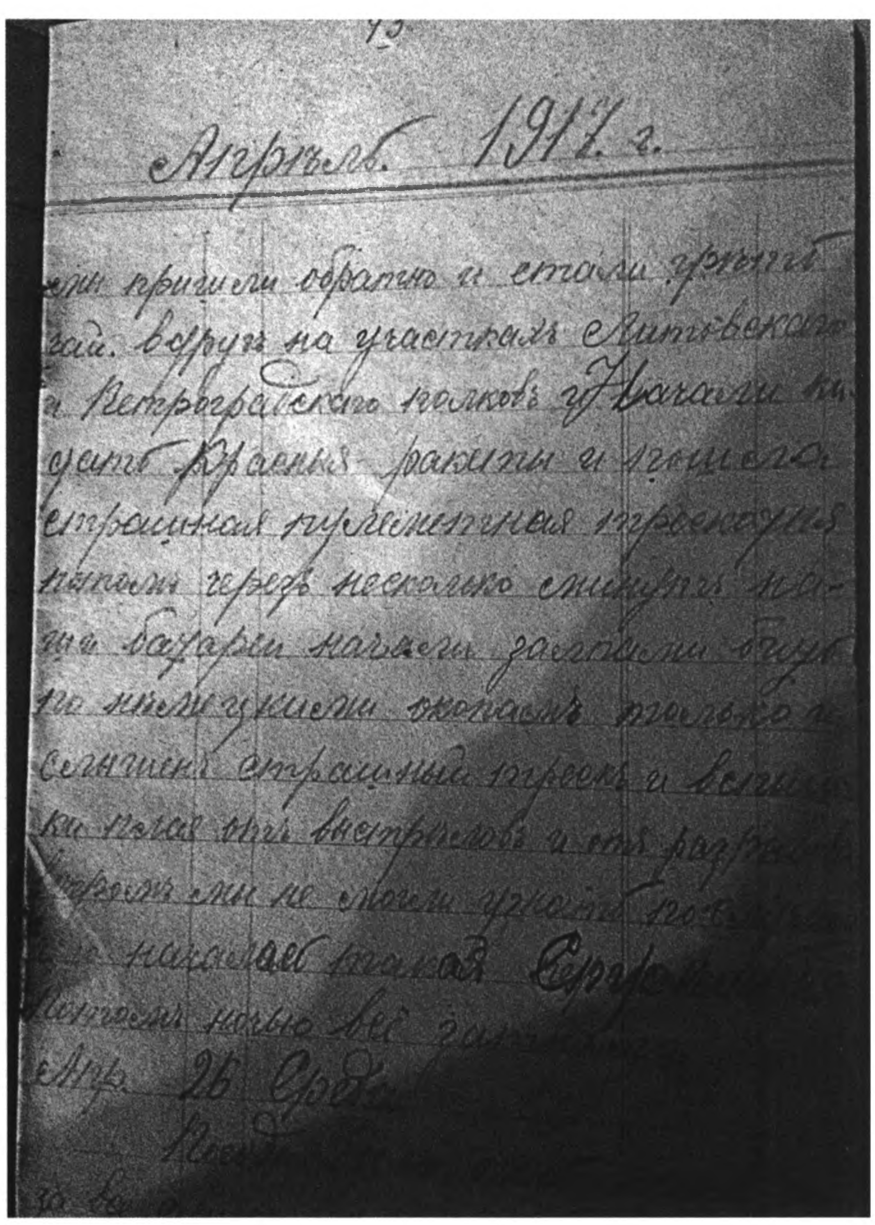
Страница из дневника, апрель 1916 г.



Страница из записной книжки за 1916 г. Занятие по картографии



Солдаты Первой мировой. Николай Хабаров в центре



Апрѣль 1917 г.

...мы пришли обратно и стали ...
чай. вдругъ на участкахъ Литовского
и Петроградского полковъ начали ...

... через несколько минутъ ...

Апр. 26 Среда

Страница из дневника, апрель 1917 г.



Н. Д. Хабаров с родными. Январь 1960 г.



Сельская церковь св. Илии в наши дни. Здесь крестили Н. Хабарова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров»

Церковное и культурное просвещение — главные направления деятельности радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров», созданного по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира в 2000 году.

Радио «Град Петров» – это широкая панорама современной церковной жизни нашего города и всего христианского мира; это чтение Священного Писания и выступления замечательных проповедников; это беседы философов и богословов, лекции по истории Церкви, основам христианского вероучения; это прямые трансляции богослужений, общение в прямом эфире со священнослужителями Православной Церкви и многое другое.

Радио «Град Петров» – это продолжение традиции культурного просвещения, основанного на знакомстве с лучшими достижениями российской и европейской литературы, музыки, философии и других наук и искусств. Ежедневно в эфир выходят литературные, исторические, музыкальные программы, передачи для детей и молодежи. Среди авторов и ведущих программ – профессора и преподаватели Санкт-Петербургской Духовной Академии, Санкт-Петербургского Университета, сотрудники Института русской литературы РАН (Пушкинский дом), Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербургской Консерватории и других крупнейших научных и культурных центров Санкт-Петербурга.

ТРИ ГОЛОСА УТРАЧЕННОЙ СТРАНЫ

Барон Дистерло. Корнет Станиславский. Солдат Хабаров

Страницы воспоминаний, писем, дневников

Автор-составитель Л. Зотова
Редактор О. Суровегина

Издательство Радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров»
199034 Санкт-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, 39
Тел. +7(812) 328-29-32; +7 (812) 321-99-08; Факс: +7 (812) 328-26-89
http://grad-petrov.ru; E-mail: office@grad-petrov.ru
CD с записями наших передач и книги можно заказать по тел +7 (812) 328 2932

Подписано в печать 27.04.2015. Гарнитура Petersburg.
Формат 60x90/16. Объем 13 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1000. Заказ N 1504254.

Верстка, оформление: А. Суровегин

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
г. Санкт-Петербург, ул. Сабировская 37; т. 336 2149
http://l-print.spb.ru/

Молодой петербургский правовед из знатной дворянской фамилии готовился стать государственным деятелем. Первая мировая война и начавшиеся вслед за ней революция и война гражданская разрушили эти планы. Впереди его ждала нелегкая судьба изгнанника. Но он сумел сохранить правила чести, заложенные в Императорском Училище правоведения.

Юный кадет Петровского Полтавского кадетского корпуса, сын офицера Русской армии, подхваченный вихрем революции и гражданской войны, оказался на чужбине без родных и близких. Рано повзрослев, он сумел оправиться от ударов судьбы и начать самостоятельную жизнь с чистого листа. Вторая мировая война подвела черту под его недолгой героической жизнью: он погиб за освобождение Франции.

Ярославский крестьянин, призванный в армию в годы Первой мировой, отнесся к новой для него роли солдата с полным пониманием и смирением. Чувство долга и любви к России и Государю Императору для него, воспитанного в простой русской семье, было естественным. Он оставил живые свидетельства рядового солдата о мало известных нам событиях той войны. Война его пощадила, он вернулся в деревню, но уже в другую страну, переделанную большевиками на свой лад.

Голоса из утраченной нами России звучат со страниц дневников барона Дистерло, корнета Станиславского, крестьянина Хабарова – современников, представителей разных социальных слоев общества, верных сынов Отечества.

ISBN 978-5-9904456-2-8

